

Р.М. ТИМЕРБАЕВ

Избранное

ПИР-БИБЛИОТЕКА

Р.М. ТИМЕРБАЕВ

Избранное

Москва
ПИР-Пресс
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВСЬ МИР»
2023

УДК 327
ББК 66.4(2Росс)
Т 41

Под общей редакцией *В.А. Орлова*

Редакторы: *А.С. Зубенко, Л.В. Цуканов*

Издается при поддержке Фонда президентских грантов в рамках проекта ПИР-Центра «Ядерное нераспространение: история в лицах».

Координатор проекта: *А.С. Зубенко*

Тимербаев Р.М.
Т 41 Избранное / ПИР-Центр. Москва: ПИР-Пресс, Издательство «Весь Мир», 2023. 304 с., ил.

ISBN 978-5-6048-6797-6 (ПИР-Пресс)

ISBN 978-5-7777-0908-0 (Весь Мир)

В книге представлены избранные труды Чрезвычайного и Полномочного Посла Роланда Михайловича Тимербаева (1927–2019). Она включает в себя статьи, главы и разделы монографий, опубликованные в изданиях ПИР-Центра или в период работы в ПИР-Центре (1994–2019), фрагменты документов и дневников из личного архива автора, а также фрагменты его мемуаров.

Особое значение имеют вошедшие в данную книгу работы, посвященные зарождению и эволюции режимов нераспространения ядерного оружия и контроля над ядерными вооружениями. В них охвачен исторический период с момента создания атомной бомбы до наших дней. Р.М. Тимербаев в составе советской делегации был участником многих переговоров по данным направлениям. На основе собственного опыта, информации из широкого круга источников в своих трудах он дает качественный и подробный анализ ключевых событий в области нераспространения и разоружения.

В книге представлены размышления Р.М. Тимербаева по целому ряду злободневных вопросов в сфере глобальной безопасности, включая самые главные – как человечеству избежать ядерной войны и возможен ли мир без ядерного оружия.

Книга предназначена для студентов вузов (бакалавриат, магистратура, аспирантура) по направлениям «Международные отношения», «Политология», «Юриспруденция», «История» и др., а также для сотрудников профильных государственных ведомств, государственных корпораций, представителей общественных и неправительственных организаций, широкого круга читателей.

УДК 327
ББК 66.4(2Росс)

Отпечатано в России

ISBN 978-5-6048-6797-6 (ПИР-Пресс)

ISBN 978-5-7777-0908-0 (Весь Мир)

© ПИР-Пресс, 2023

**Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР и России
Р.М. Тимербаев
(1927–2019)**

ОБ АВТОРЕ

Роланд Михайлович Тимербаев – Чрезвычайный и Полномочный Посол, один из авторов-разработчиков Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Посол Р.М. Тимербаев принимал активное участие в выработке ряда ключевых международных соглашений в сфере ядерного нераспространения и контроля над вооружениями, включая Договор об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО), Соглашение о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны между СССР и США, Договор об ограничении подземных испытаний ядерного оружия, Договор о подземных ядерных взрывах в мирных целях. Он участвовал в процессе создания Группы ядерных поставщиков (ГЯП) и в выработке системы гарантий Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ). В 1988–1992 гг. был постоянным представителем СССР, а затем России при международных организациях в Вене.

С 1994 по 1998 г. Р.М. Тимербаев занимал должность Президента ПИР-Центра, первой отечественной неправительственной организации, специализирующейся на вопросах ядерного нераспространения, контроля над вооружениями, разоружения и глобальной безопасности. С 1999 по 2010 г. являлся председателем Совета ПИР-Центра. До самой своей кончины в 2019 г. он был членом Экспертного совета ПИР-Центра.

Р.М. Тимербаев всегда открыто делился своим богатейшим опытом и знаниями с молодыми исследователями. Он имел многолетний опыт научно-исследовательской, образовательной и преподавательской работы в ведущих российских и зарубежных исследовательских институтах, среди которых МГИМО МИД России, НИЯУ МИФИ, а также Центр изучения проблем нераспространения имени Джеймса Мартина Миддлберийского института международных исследований в Монтерее, США.

Узнать больше о жизни и деятельности Посла, а также ознакомиться с публикациями Р.М. Тимербаева можно в Галерее памяти на сайте ПИР-Центра: <https://pircenter.org/about-nonproliferation-world/tak-bylo-his/galereja-pamjati-r-m-timerbaeva/>

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ	11
<i>Р.М. Тимербаев. Вселенная и ядерное оружие</i>	13
ЧАСТЬ I. ЯДЕРНОЕ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЕ	17
<i>Раздел I. Идея международного контроля над атомной энергией до появления атомной бомбы</i>	17
О планах международного контроля над атомной энергией	17
Первоначальная идея международного контроля над атомной энергией	25
Лео Сцилард и международный контроль над атомной энергией	40
<i>Раздел II. Начало атомной эры. История советского атомного проекта</i>	52
Начало атомной эры	52
Советский атомный проект	57
Об отношении академика Капицы и некоторых других советских ученых к атомному проекту, атомной бомбе и контролю над ней	61
<i>Раздел III. Первые шаги на пути к предотвращению распространения ядерного оружия. История переговоров по ДНЯО</i>	76
Ирландская резолюция	76
Переговоры по ДНЯО	85
Чуть не поймали	99
Шелковая нить	101

<i>Раздел IV. Развитие системы гарантий</i>	
<i>под эгидой МАГАТЭ и системы экспортного</i>	
<i>контроля</i>	102
Система гарантий МАГАТЭ	102
Комитет Цангера и Группа ядерных поставщиков ..	132
<i>Раздел V. Региональные аспекты ядерного</i>	
<i>нераспространения: уроки прошлого</i>	
<i>и взгляд в будущее</i>	
	142
Право выхода из ДНЯО (на примере КНДР)	142
Насколько реально создание безъядерной зоны	
на Ближнем Востоке?	151
События, подтолкнувшие ЮАР к отказу	
от военной атомной программы	164
Ядерная ситуация в Южной Азии и ее влияние	
на региональную и международную	
безопасность	173
ЧАСТЬ II. ЯДЕРНОЕ РАЗОРУЖЕНИЕ	185
<i>Раздел I. К истории разоружения:</i>	
<i>от первых попыток ограничения</i>	
<i>вооружений до контроля над ядерными</i>	
<i>вооружениями</i>	
	185
Первые сдвиги в направлении ограничения	
вооружений. О работе Лондонского подкомитета	
Комиссии ООН по разоружению	185
А как быть с третьим лишним?	212
Эволюция контроля над вооружениями:	
современные тенденции	218
<i>Раздел II. О перспективах всеобщего ядерного</i>	
<i>разоружения</i>	
	236
О путях движения к миру без ядерного оружия	236
О запрещении производства расщепляющихся	
материалов для ядерного оружия	249
О перспективах вступления в силу ДВЗЯИ	267
Сколько ставить боеголовок?	274

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	277
Ядерное оружие, его влияние на развитие цивилизации и атомная проблема в целом (<i>страницы из дневника 2012–2019</i>)	
ПРИЛОЖЕНИЯ	284
Приложение 1. Об архиве Р.М. Тимербаева	284
Приложение 2. <i>Международные Тимербаевские дебаты</i>	286
Приложение 3. Состав Комиссии по сохранению творческого наследия Р.М. Тимербаева	288
Приложение 4. Список работ Р.М. Тимербаева, которые были опубликованы в ПИР-Центре или в период работы в ПИР-Центре (1995–2020)	290
Список сокращений	302

ОТ РЕДАКЦИИ

Чрезвычайный и Полномочный Посол Роланд Михайлович Тимербаев ушел из жизни 21 августа 2019 г. Но его взгляды, наставления и заветы продолжают направлять творческую и интеллектуальную мысль специалистов по вопросам ядерного нераспространения, ядерного разоружения, контроля над вооружениями и глобальной безопасности в целом – как в России, так и за рубежом.

Он внес неоценимый вклад в становление и развитие проектной, научной и издательской деятельности ПИР-Центра. Чтобы почтить память о наставнике, товарище и друге, команда ПИР-Центра выступила с рядом инициатив.

С 2019 г. ПИР-Центр ведет на своем сайте Галерею памяти имени Р.М. Тимербаева. Здесь можно найти воспоминания людей, с которыми Роланду Михайловичу удалось вместе работать; его многочисленные труды, проникнутые глубокой мыслью и опытом советского и российского дипломата; его биография – все то, над чем он работал, к чему стремился и чего достиг. Сейчас Галерея памяти имени Р.М. Тимербаева украшает научно-образовательную платформу ПИР-Центра NONPROLIFERATION.WORLD.

Неотъемлемой частью платформы NONPROLIFERATION.WORLD станет и архив Посла Р.М. Тимербаева. В 2019 г. семья Роланда Михайловича любезно передала в ПИР-Центр принадлежащие ему архивные материалы: бесчисленное количество официальных документов, дипломатических писем, личных заметок о самых важных событиях в сфере ядерного нераспространения периода с 1950-х гг. до второго десятилетия нашего века. Их систематизация была завершена командой ПИР-Центра в 2021 г. Сейчас нами осуществляется частичная оцифровка архива Р.М. Тимербаева на платформе NONPROLIFERATION.WORLD. Данная инициатива направлена на то, чтобы обеспечить историческую достоверность и сохранить историческую

память в отношении советской и российской нераспространенческой и разоруженческой дипломатии.

Также с 2020 г. ПИР-Центр ежегодно проводит *Международные Тимербаевские дебаты* для молодых специалистов-международников из России и зарубежных стран.

В 2022 г. в честь 95-летия Роланда Михайловича ПИР-Центром при поддержке Фонда президентских грантов был дан старт подготовке данной книги. Она вобрала в себя ключевые работы Р.М. Тимербаева, опубликованные им в разные годы в изданиях ПИР-Центра. Его выводы, профессионализм и мудрость сохраняют актуальность и поныне. К 2027 г., когда Роланду Михайловичу исполнилось бы 100 лет, ПИР-Центр планирует издать сборник с некоторыми материалами из его архива, а также книгу воспоминаний его коллег, друзей, учеников, семьи о нем самом. О советском и российском дипломате, добром друге и заботливом товарище.

С этой целью в 2022 г. мы учредили Комиссию по сохранению творческого наследия Роланда Михайловича Тимербаева. В ее состав вошли опытные советские/российские и зарубежные дипломаты и эксперты из России, Бразилии, Казахстана и США, которые знали Роланда Михайловича лично, бок о бок работали с ним, которые также внесли и по-прежнему вносят вклад в развитие повестки ядерного нераспространения, разоружения и глобальной безопасности.

ПИР-Центр чтит память выдающегося отечественного дипломата Роланда Михайловича Тимербаева. Мы рады знать, что его помнят не только в России, но и во всем мире. И будем всячески этому способствовать.

ВСЕЛЕННАЯ И ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ¹

Ядерное оружие и Вселенная, ее существование и развитие – неразрывно связанные категории. Наша Вселенная существует, по утверждению ученых, порядка 13,7 млрд лет и будет дальше развиваться и расширяться, по данным ученых, еще около 22 млрд лет. Основной принцип, скажем даже закон развития Вселенной – это неумолимый уход всего устаревшего, всего старого и приход, возникновение, зарождение нового, молодого. Будь это звезда, планета или жизнь любого существа. Так, наше Солнце – источник всего существующего в Солнечной системе – возникло где-то около 4 млрд лет тому назад и, как считают ученые, сторит, завершив свое существование, через 4 млрд лет. Ведь Солнце – это огромный как бы термоядерный реактор. А наряду с Солнцем прекратит существование и вся Солнечная система вместе с нашей Землей.

А может ли что-то случиться с Землей и раньше гибели всей солнечной системы? Увы, и на этот счет Вселенная имеет свои «задумки». Во-первых, это астероиды, которые время от времени катастрофически сталкиваются с планетами и другими небесными телами. Некоторые астероиды имеют гигантские размеры. Так, астероид, упавший на полуостров Юкатан в Мексике 65 млн лет тому назад, имел диаметр чуть ли не 10 км. Он вызвал такую грунтовую и песчаную бурю, что вокруг Земли образовалось на многие годы темное облако, в результате чего температура поверхности земли упала на много градусов и погибли миллионы огромных динозавров, которые вытаптывали всю поверхность Земли. Но млекопитающие выжили. До падения

---

¹ *Тимербаев Р.М.* Вселенная и ядерное оружие // *Индекс Безопасности* (серия Научных записок). 2020. № 4 (8). С. 6–8. URL: <http://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/11/20-04-28-INF-SI-RUS-%E2%84%964-8-2020.pdf>

астероида из-за повсеместного господства динозавров они были небольшого размера (вроде котят или щенков), а после их исчезновения млекопитающие стали быстро развиваться, и в результате в конце концов появилось такое млекопитающее существо, как современный человек. Вот как происходит развитие Вселенной!

В начале нашего столетия – в 2004 г. – астрономы обнаружили очень крупный астероид диаметром несколько сот метров, который мог приблизиться к Земле или даже столкнуться с ней в 20-х годах нашего века. В ряде стран, включая и Россию, начались суматошные поиски решения о том, как избежать столкновения с астероидом, названного *Апофисом* (по имени древнеегипетского бога Тьмы и Зла). Наилучшим решением многие считали возможность отклонения орбиты астероида, видимо, не без помощи атомного взрыва, с учетом его размера. Дополнительные расчеты астрономов показали, что этот астероид может приблизиться к Земле спустя много десятилетий. Но это, конечно, не исключает возможности приближения к Земле других опасных для нее астероидов.

Помимо астероидов, еще одну опасность для жизни на Земле представляют вулканы. Центр Земли наполнен магмой, которая время от времени прорывается на поверхность нашей планеты. Так, мощное извержение вулкана *Тамбора* в Индонезии в 1815 г. привело к гибели свыше 70 тыс. людей. Среди ученых распространенной версией является усиление вулканической деятельности в связи с тем, что около 300 млн лет тому назад все основные материки соединились в единый континент – *Пангею*, и это привело к пермско-триасовому вымиранию, самому масштабному из всех, какие только знала Земля (погибли 90% видов морских организмов и 70% наземных). В результате и сегодня наша Сибирь, которая была затронута этим тектоническим явлением, остается слабо освоенной территорией.

Ядерное оружие как своеобразное средство, способствующее развитию Вселенной, тоже неспроста появилось на Земле. Видимо, только неправильно называть его «оружием». Ведь оружие – это инструмент или механизм, создаваемые для того, чтобы одержать победу в войне или защититься от противника, а ядерное «оружие» не может привести его обладателя к победе или обеспечить оборону от врага. Нет, ядерное взрывное средство

предназначено для того, чтобы уничтожить все устаревшее или устаревающее живое и дать возможность появлению нового, способного обеспечить дальнейшее развитие того или иного элемента и всей Вселенной в целом.

Считается, что атомное оружие придумали люди в ходе Второй мировой войны, чтобы обеспечить победу над противником, а потом создать условия для завоевания мирового господства. Но ведь все люди – часть Вселенной, а возможность создания этого «оружия» заложена в самой Вселенной. Не было бы на Земле урана или другого вещества, способного произвести ядерный взрыв, никакое оружие подобной мощности и не могло бы появиться.

Все люди на Земле, тоже, несомненно, являются неотъемлемой частью Вселенной. Приближение Второй мировой войны в конце 30-х – начале 40-х гг. XX столетия подтолкнуло талантливых физиков и конструкторов мира поискать то, что уже заложено в природе, во Вселенной. И эти люди (Р. Оппенгеймер, Э. Ферми, Э. Теллер, Н. Бор, С. Улам, И. Курчатов, Ю. Харитон, А. Сахаров и др.), будучи частью Вселенной, воспользовались тем, что было заложено в нашей собственной Земле и во всей Вселенной, и создали ядерное оружие.

В результате на сегодняшний день имеется девять государств², располагающих ядерным оружием, несмотря даже на то, что в 1970 г. вступил в силу Договор о нераспространении ядерного оружия. Но без него сейчас было бы 20–25 таких государств. И все же некоторые страны еще не отказались от тайных помыслов создать оружие «Судного дня».

Атомный взрыв даже «тактического» ядерного устройства может практически неизбежно вызвать всемирную ядерную катастрофу, которая приведет к прекращению нынешней жизни на Земле (и к появлению в будущем более совершенных живых существ, как это всегда происходило в процессе развития Земли и всей Вселенной). [...]

---

² На сегодняшний день ядерным оружием обладают США, Россия, Великобритания, Франция, Китай, Индия, Пакистан, Израиль, КНДР. Из них лишь пять (США, Россия, Великобритания, Франция, Китай) являются официальными обладателями ЯО – их статус закреплен в Договоре о нераспространении ядерного оружия 1968 г. – *Прим. ред.*

Понимание полной зависимости жизни на Земле от ядерного оружия неумолимо требует дальнейших усилий по отказу от этого оружия.

ЧАСТЬ I

ЯДЕРНОЕ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЕ

РАЗДЕЛ I

ИДЕЯ МЕЖДУНАРОДНОГО КОНТРОЛЯ НАД АТОМНОЙ ЭНЕРГИЕЙ ДО ПОЯВЛЕНИЯ АТОМНОЙ БОМБЫ

О планах международного контроля над атомной энергией¹

[...] Еще до того, как ядерное оружие было создано, и широко-масштабные работы по его производству в США только разворачивались, в международной группе ученых, которая участвовала в этих работах, а также среди части руководящих деятелей США и Англии начали задумываться над тем, какую роль будет играть ядерное оружие в послевоенном мире. Ретроспективно можно говорить о двух основных тенденциях, которые тогда формировались.

---

¹ Из кн.: *Тилмербаев Р.М.* Россия и ядерное нераспространение, 1945–1968. М.: Наука, 1999. С. 10–15.

С одной стороны, значительная часть ученых и некоторые крупные американские и английские администраторы видели в новом оружии небывалой доселе разрушительной силы потенциальное *яблоко раздора*, которое неизбежно вызовет усиление соперничества между государствами и губительную гонку атомных вооружений, а потому, считали они, нужно попытаться найти способ доставить его, как только оно появится, под надежный международный контроль. И для этого пришлось бы поделиться секретом атомной бомбы – во всяком случае, с союзниками по антигитлеровской коалиции.

С другой стороны, в правительственных и военно-промышленных кругах США и Англии существовали более могущественные силы, которые считали, что новое оружие может быть использовано в качестве решающего инструмента престижа и влияния в мире и поэтому следует не допустить раскрытия секрета о работах над атомным оружием и попытаться воспрепятствовать или хотя бы максимально отдалить возможность появления его у других государств, в первую очередь у Советского Союза.

Вторая точка зрения в своем дальнейшем развитии, собственно говоря, и легла в основу политики, которая впоследствии, уже на более позднем этапе, когда в число обладателей ядерного оружия вошли крупнейшие мировые державы, в том числе СССР, стала называться *политикой недопущения дальнейшего распространения ядерного оружия*. Секретные работы над атомной бомбой поначалу стремились скрывать даже от самых близких военных союзников, не говоря уже об СССР, хотя в ходе войны с гитлеровской Германией между ними довольно широко развивалось военное сотрудничество во многих областях новейшей военной техники (радары, современные средства связи, танки и авиация, ракетная артиллерия и т.п.). Читателю будет любопытно узнать, что на самом начальном этапе англичане, первыми осознавшие значение нового открытия², пытались скрыть возможность со-

---

² А. Эйнштейн по совету Л. Сциларда в письме от 2 августа 1939 г. призывал президента Рузвельта начать работы по созданию атомной бомбы, мотивируя это тем, что Германия уже занимается созданием бомбы. Атомные работы в США широко развернулись, однако, только в 1942 г. Полный текст письма Эйнштейна см.: Создание первой советской ядерной бомбы / Гл. ред. В.Н. Михайлов, зам. гл. ред. А.М. Петросьянц. М.: Энергоатомиздат, 1995. С. 21–22.

здания атомного оружия даже от США. Определяющими для формирования такой позиции были меморандум эмигрировавших в Англию немецкого ученого – Рудольфа Пайерлса и австрийского – Отто Фриша, которые впервые показали практическую возможность создания бомбы на базе урана-235 (апрель 1940 г.), и доклад Комитета МОД (*MAUD Committee*) в составе крупных ученых, в котором британскому правительству было направлено заключение, где говорилось, что «предложение о создании урановой бомбы осуществимо и может привести к решающим результатам в войне», что атомную бомбу можно создать за два-три года, и рекомендовалось «дать работам высочайший приоритет и расширить их масштабы, чтобы получить оружие в возможно кратчайший срок» (июль 1941 г.)³. Доклад Комитета МОД попал на стол личному советнику Черчилля по науке лорду Черуэллу (проф. Ф. Линдеману), который, как писала Маргарет Гаунинг, официальный историк и архивист британского управления по атомной энергии, считал, что обладание производством урана-235 позволит «диктовать условия остальной части мира». «Как бы сильно я ни доверял своему соседу и ни полагался на него, – писал Черуэлл, – я очень неохотно полностью положился бы на его благорасположение и поэтому не стал бы просить американцев предпринять это дело – я бы просто продолжал обмениваться информацией и приступил бы к производству *здесь* (курсив мой. – Авт.), не поднимая перед ними вопроса, займутся ли они этим или нет»⁴. Черчилль, как замечает советник президента Кеннеди по национальной безопасности Макджордж Банди в своем исследовании «Опасность и выживание», в течение некоторого времени разделял взгляды Черуэлла и крупнейшего английского физика Дж. Чедвика, который также считал, что весь проект должен быть осуществлен в Англии. Однако вскоре стало ясно, что из-за угрозы немецких бомбежек и при отсутствии должной промышленной и энергетической инфраструктуры работы придется перевести в США, «хотя политически более привлекательным местом была бы Канада»⁵.

³ *Gowing Margaret. Britain and Atomic Energy 1939–1945. L.: Macmillan, 1964. P. 398.*

⁴ *Ibid. P. 96–97.*

⁵ *Bundy M. Danger and Survival, Choices about the Bomb in the First Fifty Years, N.Y.: Random House. P. 23–29.* Дин Ачесон, хорошо знавший атомную проблему,

Что касается США, то там многие в правительстве сразу же стали рассчитывать на длительное монопольное владение ядерным оружием, преследуя далеко идущие военно-политические цели. Характерно в этом отношении известное высказывание руководителя *Манхэттенского проекта* генерала Лесли Гровса: «Уже примерно через две недели после того, как я стал во главе этого проекта, у меня не было никаких иллюзий, что нашим врагом будет Россия, и проект осуществляется именно исходя из этой предпосылки»⁶. Первые *зачатки* такого американско-английского подхода к нераспространению секрета атомного оружия, в том числе и в отношении своих союзников по антигитлеровской коалиции, СССР и Франции, следовательно, появились, а затем и были закреплены в соответствующих двусторонних договоренностях задолго до создания атомного оружия.

Англо-американское сотрудничество в атомной области налаживалось не без трений. Когда американский проект только вставал на ноги, «чрезмерно уверенные в себе британцы, – пишет Маргарет Гауинг, – предпочитали атомное сотрудничество полной интеграции проектов, как это предлагалось Рузвельтом осенью 1941 г. Но американский проект вскоре обогнал британский, и американцы больше не нуждались, да и не хотели британской помощи»⁷. Англичане «пришли в отчаяние: они самостоятельно не могли идти дальше и были отрезаны от американских знаний».

5 августа 1942 г. член военного кабинета У. Черчилля Джон Андерсон пишет Ванневару Бушу, руководителю американского Национального комитета оборонных исследований, письмо с предложением об учреждении в будущем международного

и в 1946 г. возглавлявший подготовку известного *доклада Ачесона–Лиллентала*, также признавал, что к моменту вступления США во Вторую Мировую войну британская наука опережала американскую в области ядерной физики. См.: *Acheson Dean. Present at the Creation*. N.Y.: W.W. Norton & Co., 1969. P. 164.

⁶ Testimony of General Groves in the Matter of T. Robert Oppenheimer, Transcript of Hearings before the Personal Security Board held of Washington, D.C., from April 12 to May 6, 1954. P. 173. Library of Congress, Wash. (D.C.). Цит. по: *Berezhtkov V. Origins of the Cold War: Lessons for Future U.S.-Russian Relations // Occasional Paper No. 4. Center for Russian and Eurasian Studies / Monterey Institute of International Studies, Monterey (CA), 1994. P. 11.*

⁷ *Gowing M. Niels Bohr and Nuclear Weapons // Bohr Niels. A Centenary Volume. Cambridge (MA); London; Harv. Univ. Press, 1985. P. 268–269.*

контроля за использованием атомной энергии и о создании комиссии из представителей США и Англии, которая рассмотрела бы состав будущего *атомного клуба*.

«Комиссия должна будет рассмотреть вопрос о привлечении других стран, входящих в состав Объединенных Наций и воюющих с общим врагом, таких, как британские доминионы и Россия, а также выработать условия, на которых они смогут участвовать в этой работе». Андерсон ссылаясь при этом на приобретение Англией патентов на открытия французских ученых Ханса фон Хальбана и Льва Коварски (сотрудников Фредерика Жолио-Кюри⁸, успешно работавших тогда в Англии, а затем в Канаде над созданием тяжеловодного реактора на природном уране)⁹.

В своем ответе от 1 сентября Ванневар Буш ограничился общими словами о том, что предложения о международном контроле весьма серьезны, но не относятся к числу неотложных мер¹⁰. В дальнейшем – в 1944–1945 гг. – Буш заинтересуется проблемой международного контроля и станет одним из активных сторонников данной концепции, но это будет уже на более позднем этапе поисков подходов к тому, как избежать послевоенной гонки атомных вооружений. В данном же случае В. Буш усмотрел в предложении Андерсона о международном контроле (и, в общем-то, вполне справедливо) прежде всего попытку обеспечить полноправное участие Англии в *Манхэттенском проекте*.

Заместитель Буша по американскому атомному проекту президент Гарвардского университета Джеймс Конэнт, посетивший Англию и ознакомившийся с английскими работами, считал, что англо-американское атомное сотрудничество должно быть строго ограниченным. Его рекомендации были одобрены Руз-

---

⁸ Фредерик Жолио-Кюри – французский физик и общественный деятель, один из основоположников французской мирной и военной ядерной программы, первый руководитель французского Комиссариата по атомной энергии. – *Прим. ред.*

⁹ National Archives (Wash., D.C.). Manhattan Engineer District (MED) Records, Record Group 77. Hurrison-Bundy Files. Roll 9. Target 6. File 107. T. 10-8 (French Situation), J. Anderson to V. Bush. 1942, Aug. 5. Цит. по: *Мальков В.Л.* Манхэттенский проект. М.: Наука, 1995. С. 22–23.

¹⁰ *Мальков В.Л.* Указ. соч. С. 23.

вельтом и в январе 1943 г. сообщены англичанам. В результате последовал острый конфликт, продолжавшийся восемь месяцев, который «надолго оставил шрамы на взаимоотношениях между военными союзниками»¹¹. Как свидетельствует М. Гауинг, «лишь только после большой борьбы Черчиллю удалось убедить Рузвельта подписать в августе 1943 г. Квебекское соглашение, которое позволило британским ученым принять участие в некоторых разделах американского проекта – и, что самое главное – в Лос-Аламосе¹², где должны были создаваться бомбы»¹³. На этой конференции, проходившей с 14 по 24 августа, стороны договорились о следующем:

1. Мы никогда не используем это средство друг против друга.
2. Мы не применим его против третьих стран без взаимного согласия.
3. Мы не будем передавать какую-либо информацию о нем третьим сторонам без взаимного согласия.
4. Учитывая, что основное бремя производства легло на США, британское правительство признает, что Соединенные Штаты будут делиться с Великобританией после войны полученными преимуществами промышленного или коммерческого характера на условиях, которые будут определены президентом США.
5. В Вашингтоне создается Объединенный политический комитет (*Combined Policy Committee, CPC*), который призван координировать деятельность в атомной области¹⁴.

---

¹¹ Hershberg J., James B. Conant. Harvard to Hiroshima and the Making of the Nuclear Age. N.Y.: Knopf, 1993. P. 174. Конэнт продолжал и дальше выражать большой скептицизм в отношении участия англичан в Манхэттенском проекте (ibid. P. 182).

¹² Лос-Аламосская национальная лаборатория – одна из шестнадцати национальных лабораторий Министерства энергетики США. Была развернута в 1943 г. в рамках Манхэттенского проекта США по созданию ядерного оружия. Также известна как Проект Y. – Прим. ред.

¹³ Gowing M. Niels Bohr and Nuclear Weapons. P. 268–269.

¹⁴ Sherwin Martin J. A World Destroyed, Hiroshima and the Origins of the Arms Race. N.Y.: Vintage Books, 1987. P. 85–86.

Оба западных лидера несколько позднее условились принять меры к тому, чтобы установить монопольный контроль над всеми запасами урана, к которым они могли бы получить доступ. В совместной декларации от 13 июня 1944 г. они согласились, что «оба правительства будут стремиться к тому, чтобы установить возможно более полный контроль над запасами урана и тория в пределах границ регионов, находящихся под их юрисдикцией, а также и других регионов, находящихся вне контроля обоих правительств и правительств доминионов Индии и Бирмы»¹⁵.

18 сентября 1944 г. Рузвельт и Черчилль подписали в Гайд-Парке (штат Нью-Йорк) памятную записку, в которой, в частности, говорилось: «Предложение о том, чтобы информировать мир относительно [атомной бомбы] с целью достижения международного соглашения о контроле над ней и ее применении, неприемлемо. Вопрос о ней по-прежнему должен рассматриваться как чрезвычайно секретный; но, когда она будет окончательно уготовлена, возможно, ее следует, после основательного рассмотрения, применить против японцев, которых нужно будет предупредить, что бомбежка будет повторяться до тех пор, пока они не капитулируют». В заключительном параграфе памятной записки подчеркивалось, что «должны быть приняты меры, чтобы не было утечки информации [относительно бомбы], особенно русским»¹⁶.

Аналогичной линии американцы придерживались и в отношении Франции. 19 января 1945 г. специальный помощник военного министра Стимсона Харви Банди в совершенно секретном меморандуме высказывал сильные опасения, как бы Жолио-Кюри сам или через де Голля¹⁷ не поставил в настойчивой форме вопрос о «немедленном» привлечении Франции к атомным работам. Банди озабоченно писал, что в случае отказа францу-

---

¹⁵ Agreement and Declaration of Trust, June 13, 1944. Diplomatic History of the Manhattan Project. Annex No. 22a at National Archives. Wash. (D.C.). Цит. по: *Berezhkov V.* Op. cit. P. 12.

¹⁶ President's Map Room Papers. Naval Aide's File. Box 172 – General Folder, Roosevelt Library, Hyde Park, N.Y. Цит. по: *Sherwin Martin J.* Op. cit. P. 284.

¹⁷ Шарль де Голль – французский военный и государственный деятель, генерал. На момент описываемых событий – Председатель Временного правительства Французской Республики. – *Прим. ред.*

зы, причем, возможно, вместе с русскими, могут произвести «политический взрыв»¹⁸. Аналогичные опасения и категорические возражения против передачи атомных секретов Франции, а также России выражал У. Черчилль в письме Антони Идену¹⁹ от 25 марта 1945 г.²⁰

Когда в последние месяцы войны специальная миссия американской разведки «Алсос» (*Alsos*) была командирована в Германию, чтобы захватить немецких ученых, работавших на германском атомном проекте, и прежде всего «объект номер один» – выдающегося немецкого физика Вернера Гейзенберга, а также все атомное оборудование и ядерные материалы, – то поскольку район южнее Штутгарта, где велись основные работы, отходил под французскую оккупационную зону, была дана установка «задержать ученых и изъять материалы до прихода французов, а если это окажется невозможным, то полностью уничтожить»²¹.

---

¹⁸ Manhattan Engineer District. Harrison-Bundy Files. Folder No. 36. Цит. по: *Sherwin Martin J.* Op. cit. P. 289–290.

¹⁹ Роберт Энтони Иден – британский политический деятель. На момент описываемых событий – министр иностранных дел в правительстве У. Черчилля, лидер Палаты общин. – *Прим. ред.*

²⁰ Premier 3 Records. File No. 139/6. Public Records Office, London. Цит. по: *Sherwin Martin J.* Op. cit. P. 290–291.

²¹ *Cassidy David C.* Uncertainly. The Life and Science of Werner Heisenberg. N.Y.: W.H. Freeman and Company, 1992. P. 497.

Первоначальная идея международного контроля над атомной энергией¹

Параллельно с указанным подходом правительств США и Англии, который был чреват, как выяснилось в первые послевоенные годы, серьезными последствиями для судеб мира, вызревали более разумные и более дальновидные представления о том, как человечество должно ответить на вызов, брошенный ему новым открытием.

Эти мысли зародились прежде всего в среде международной группы ученых, работавших в рамках *Манхэттенского проекта*, а в дальнейшем их стали разделять и некоторые крупные американские, а также и английские организаторы военных исследований и государственные деятели.

Пожалуй, первым такие мысли стал высказывать, а затем сформулировать и стал их настойчиво продвигать один из крупнейших физиков XX в. Нильс Бор. Уже после первого посещения Лос-Аламоса в декабре 1943 г., когда он увидел широкий разворот работ, Бор высказал в письме Андерсону, члену военного кабинета Черчилля, идею установления эффективного международного контроля над атомным оружием, дабы избежать опасного для мира послевоенного международного состязания в создании атомных вооружений². Бор советовался по этому вопросу и с английским послом в Вашингтоне лордом Галифаксом, который рекомендовал ему обратиться непосредственно к Рузвельту.

Бор хорошо знал высокую компетентность русских ученых и прекрасно отдавал себе отчет в том, что Советский Союз не пожалеет усилий, чтобы догнать англосаксов, и, очевидно, уже занимается урановой проблемой. Его убеждение укрепилось, когда в апреле 1944 г. он получил письмо от академика П.Л. Капицы,

---

¹ Из кн.: Тилмербаев Р.М. Россия и ядерное нераспространение. С. 15–25.

² Gowing M. Niels Bohr and Nuclear Weapons. P. 270.

написанное еще за полгода до этого, с приглашением приехать в Москву, поселиться там и продолжить свою научную деятельность. Н. Бор ответил теплым, но ни к чему не обязывающим письмом, ознакомив с перепиской английские власти.

Датский ученый продолжал искать единомышленников, и ему удалось найти сторонников идеи международного контроля среди довольно высокопоставленных представителей английского руководства (которые, очевидно, прежде всего опасались единоличного атомного господства США в послевоенном мире). Маргарет Гауинг считает, что взгляды Бора в общем и целом разделяли советник Черчилля по науке лорд Черуэлл, посол в США лорд Галифакс, президент Королевского общества (академик наук) Генри Дейл, член кабинета Андерсон (который в марте 1944 г. направил Черчиллю меморандум в поддержку идеи международного контроля) премьер-министр, министр иностранных дел и обороны Южной Африки фельдмаршал Ян Сметс, входивший в состав британского военного комитета. Последний писал Черчиллю 15 июня 1944 г.:

«Открытие (атомной энергии) является самым крупным открытием из когда-либо сделанных наукой. Это открытие и для войны, и для мира, для разрушения и для созидания. [...] Необходимо что-то сделать, чтобы поставить его под контроль, но что именно, сейчас далеко не ясно. Хотя, может быть, и благоразумно держать в данный момент секрет при себе, долго он секретом не останется, и раскрытие его после войны может положить начало самому разрушительному соревнованию в мире. Поэтому было бы разумным Вам и президенту еще раз рассмотреть этот вопрос, и особенно вопрос о том, поделиться ли со Сталиным этим секретом. Конечно, между вами должно быть полное доверие, прежде чем секрет будет раскрыт. Но вопросу нельзя позволить затягиваться бесконечно. Если когда-либо и была потребность в международном контроле, то это именно тот самый случай»³.

---

³ Premier Files of Winston Churchill // Public Record Office. London, 3/139. Цит. по: *Bundy McGeorge*. Op. cit. P. 125.

По протекции упомянутых выше лиц между Бором и Черчиллем 16 мая 1944 г. состоялась беседа, которая, однако, завершилась безрезультатно. Одновременно Бор предпринимает аналогичные шаги в США. 3 июля 1944 г. он пишет меморандум президенту Рузвельту, в котором выражает глубокую озабоченность перспективой послевоенных разногласий между государствами по атомной проблеме и потенциальной опасностью, которую несет в себе наступающая атомная эра. Он предупреждает, что временное преимущество, которое может возникнуть в результате успешного создания атомной бомбы, может быть «перевешено вечной угрозой человеческому обществу» и что поэтому вопрос об установлении международного контроля над использованием атомных материалов требует «самого неотложного внимания». Ученый предложил информировать союзников (т.е. в первую очередь советского союзника, поскольку англичане уже участвовали в *Манхэттенском проекте*), с тем чтобы избежать в дальнейшем гонки ядерных вооружений и заложить основу для послевоенного сотрудничества. Бор подчеркивал, что только *открытый мир* позволит создать надлежащую среду для установления международного контроля. В развернутом виде эти соображения Бора были опубликованы только в 1950 г.⁴

Благодаря посредничеству члена Верховного Суда США Феликса Франкфуртера 26 августа 1944 г. состоялся разговор Бора с Рузвельтом. Президент, как пишет Маргарет Гауинг, держался весьма дружелюбно и откровенно, обсуждал с ученым политические проблемы, возникающие в связи с созданием атомной бомбы. Он сказал Бору, что следует попытаться обратиться к России, и это откроет новую эру в истории человечества. Сталин, по мнению Рузвельта, был достаточно реалистом, чтобы понимать последствия этой научно-технической революции. Бор, продолжает Гауинг, был «довольно воодушевлен своим разговором с Рузвельтом, набросал черновик письма Капице в духе обсуждавшихся идей и был готов поехать в Россию».

После беседы с Рузвельтом Н. Бор писал американскому президенту:

---

⁴ Bohr N. For an Open World // The Bulletin of the Atomic Scientists. 1950. July. P. 16.

«[...] Следует принять во внимание тот факт, что в результате плодотворного международного научного сотрудничества принципы, на базе которых становится осуществимым высвобождение в больших количествах энергии расщепленного ядра атома, во всяком случае, в основном были известны еще до войны и являются, таким образом, общим достижением физиков всего мира. Известно также, что подготовительные работы предприняты в различных странах, и, хотя, кажется, можно считать очевидным, что американо-английские усилия опережают усилия других, любая информация об успехах в этой работе в США, какой бы скудной она ни была, скорее всего вызовет форсирование подобных же усилий повсеместно. К счастью, ход войны устранил любую угрозу военного использования целеустремленных усилий в этой области со стороны Германии. Но следует, однако, помнить, что после разгрома Германии все специальные знания и технический опыт, накопленные в этой стране, как можно предполагать, в равной мере станут достоянием всех великих держав-победительниц. В этих условиях личные связи между учеными, зародившиеся еще в годы предвоенного сотрудничества, могут, по-видимому, оказаться весьма полезными для выработки (с соблюдением всех правил секретности) понимания того, как высока будет ставка в случае, если ожидаемые исследования в области атомной физики материализуются, а также для подготовки полноценного использования тех огромных выгод, которые может принести честное сотрудничество в практическом осуществлении эффективных мер контроля»⁵.

Однако надежды Бора, как писала Гауинг, «были грубо развеяны». На совещании между Черчиллем и Рузвельтом в сентябре 1944 г. первому удалось уговорить американского президента усилить контроль за соблюдением атомных секретов. 18 сентяб-

---

⁵ *Коммунист*. 1984. № 17. Подлинник письма хранится в документах Роберта Опенгеймера (Отдел рукописей Библиотеки Конгресса США). Публикация В.Л. Малькова.

ря ими была подписана памятная записка, в которой, в частности, говорилось: «[...] Следует провести расследование деятельности профессора Бора и предпринять шаги, чтобы убедиться, что он не несет ответственности за утечку информации, особенно русским»⁶.

Как Черчиллю удалось заставить Рузвельта совершить такой *volteface*, «покрыто мраком неизвестности», пишет американский историк Питер Уайден. Сама эта записка была обнаружена только после смерти Рузвельта, причем среди документов по военноморским делам⁷.

Однако друзья датского ученого – Черуэлл, Андерсон, Галифакс и другие – взяли его под защиту. Черуэлл в присутствии Буша разговаривал с Рузвельтом, и вопрос о каком-либо преследовании Бора был закрыт.

Активная позиция Бора вызвала живой отклик среди ученых и многих администраторов. Как утверждает биограф Конэнта Джеймс Хершберг, Конэнт независимо от Бора еще в мае 1944 г. развивал сходные и даже более детальные соображения о международном контроле. В рукописной записке от 4 мая 1944 г., озаглавленной «Некоторые мысли о международном контроле над атомной энергией», американский ученый писал:

«1) Ассоциация государств для этой цели.

2) Международная комиссия по атомной энергии в составе: от Англии, США и России по 3 представителя и 6 представителей от других государств.

3) Полная власть Комиссии над всеми работами по атомной энергии.

4) Лицензирование исследований и разработок во всех странах.

5) Финансирование исследований и разработок во всех странах.

6) Все результаты публикуются.

7) Инспектирование соответствующими агентами всех лабораторий, предприятий всех видов. Они должны дать

---

⁶ Цит. по: *Sherwin Martin J. Op. cit. P. 284.*

⁷ *Wyden P. Day One, Before Hiroshima and After. N.Y.: Simon and Schuster, 1984. P. 124.*

присягу всю имеющуюся информацию рассматривать как конфиденциальную.

8) Полная открытость информации о сырьевых материалах и потенциальном оружии.

9) Наличие наблюдателей и хранителей арсенала, который должен быть размещен в Канаде, где будет минимальная возможность хищения материалов.

10) Комиссия будет иметь собственную авиацию и международные войска численностью 10 тыс. чел., которые принесут присягу Комиссии пресекать захват материалов.

11) Право доступа представителей Комиссии, независимо от того, существует ли состояние войны между теми или иными государствами.

12) Вмешательство в деятельность Комиссии со стороны правительства любого государства будет рассматриваться как акт войны.

13) Право передавать любой материал, относящийся к атомной энергии, из одной страны в другую.

14) Выделение материалов осуществляется только по единогласному решению Комиссии. Представители любого государства, отказывающиеся подчиниться решению, лишаются права голоса»⁸.

Хотя записка Конэнта осталась в его архиве и, по мнению Хершберга, никому разослана не была, можно не сомневаться, что содержащиеся в ней идеи были в дальнейшем широко использованы при подготовке в 1946 г. *плана Ачесона–Лилиенталя*⁹.

Аналогичным образом действовали и некоторые другие ученые. 12 декабря 1944 г. Альберт Эйнштейн пишет Бору письмо,

---

⁸ National Archives. Box 9, folder 97. S-1. Bush-Conant Correspondence. Office of Scientific Research and Development. Record Group 227. Wash. (D.C.). Цит. по: *Hershberg James*. Op. cit. P. 757–758.

⁹ Был подготовлен комитетом под председательством американского госсекретаря Дина Ачесона и главы Комитета по атомной энергии Дэвида Лилиенталя в 1946 году. В плане предлагалось, чтобы весь замкнутый ядерный топливный цикл был поставлен под международный контроль, а весь расщепляющийся материал принадлежал международному агентству – Управлению по развитию атомной энергетики, которое выделило бы небольшие количества расщепляющегося материала отдельным странам для развития мирного использования атомной энергии.

в котором, сетуя на то, что политики не сознают угрозы миру, проистекающей от атомной бомбы и потенциальной гонки атомных вооружений, настойчиво призывает к тому, чтобы ученые совместно оказали нажим на политических лидеров в пользу интернационализации ядерного оружия. Эйнштейн предложил, чтобы инициативу взяли на себя сам Бор, а также Артур Комптон, лорд Черуэлл, Капица и Иоффе¹⁰. Но предупрежденный друзьями о возможных негативных последствиях такой акции, Бор решил проявить осторожность. 22 декабря он посетил Эйнштейна в Принстоне и заверил его, что ответственные государственные деятели Америки и Англии полностью осознают опасности и возможности, создаваемые бомбой, после чего А. Эйнштейн на своей идее настаивать не стал.

Над проблемами, поставленными Бором и другими учеными, все больше стали задумываться политические деятели. В Англии это – Андерсон, Галифакс и Иден. В Вашингтоне – Буш и его заместитель Джеймс Конэнт, игравшие ключевую роль в *Манхэттенском проекте*, обсуждали эти вопросы с военным министром Генри Стимсоном и 30 сентября 1944 г. подготовили для него совершенно секретный меморандум о международных последствиях создания атомной бомбы, где высказались за международный контроль. В меморандуме Буша и Конэнта с поразительной для того времени дальновидностью подчеркивалось:

«Для Соединенных Штатов и Великобритании было бы крайне опасно продолжать в полной тайне дальнейшее развитие военных применений [атомной энергии]. Если так будет продолжаться, то Россия, несомненно, тайно пойдет тем же путем, а также, возможно, и некоторые другие страны, включая и наших поверженных врагов. Мы не думаем, что можно рассчитывать на то, что контроль над запасами [урана] в течение десятилетия помешает такому тайному развитию в других странах. В особенности если будет создана *супер-супер-бомба*, поскольку запасы тяжелого водорода по существу безграничны, а такие более редкие материалы, как уран и торий, будут использоваться только в качестве детонаторов. Если какое-либо другое

---

¹⁰ Gowing M. Op. cit. P. 273–274.

государство, а не Великобритания и Соединенные Штаты, первым создаст *супер-супер-бомбу*, то мы окажемся в ужасном положении. [...] В ответ на нестандартную ситуацию, создаваемую появлением этого нового средства, мы предлагаем установить свободный обмен всей научной информацией по этому вопросу под эгидой международного механизма, который получил бы властные полномочия от той ассоциации наций, которая будет создана по окончании нынешней войны. [...] Мы понимаем, что будет сильное сопротивление этому шагу, но мы считаем, что опасности для будущего планеты достаточно велики, чтобы такая попытка была оправдана»¹¹.

Энергичный Буш в феврале 1945 г. пишет еще один меморандум и направляет его в Белый дом, в котором предлагает, чтобы в разрабатывавшемся тогда Уставе ООН было предусмотрено создание в рамках новой всемирной организации международного научного органа, который взял бы на себя обеспечение полного обмена информацией по всем научным вопросам, которые касались бы военных применений. При этом имелось в виду, что эвентуально ООН возьмет в свои руки контроль над всеми наиболее разрушительными видами вооружений¹². Стимсон во многом разделял озабоченность ученых относительно перспектив гонки вооружений и их идею международного контроля и обращения к Советскому Союзу. 15 марта 1945 г. он сказал Рузвельту, что предстоит сделать выбор между, с одной стороны, политикой секретности и англо-американской монополией и, с другой, – политикой международного контроля, основанной на свободном обмене научной информацией¹³. Рузвельт выразил согласие,

---

¹¹ Manhattan Engineer District Records. Harrison-Bundy Files. Folder No. 69. National Archives. Wash, D.C. Цит. по: *Sherwin Martin J.* Op. cit. P. 288.

¹² *Hewlett R., Anderson Jr., Oscar E.* A History of the United States Atomic Energy Commission. The New World. 1939/1946. University Park (PA): The Pennsylvania State Univ. Press, 1962. P. 333.

К сожалению, эта интересная идея не получила дальнейшего развития и в Уставе ООН нет положений о контроле над оружием массового уничтожения, а о разоружении вообще упоминается весьма лаконично. Речь в нем идет лишь о «регулировании вооружений» и о «возможном разоружении» (ст. 26 и 47).

¹³ *Stimson H., Bundy M.* On Active Service in Peace and War. N.Y.: Random House. 1947. P. 615–616.

и Стимсон остался довольным разговором, но президент никаких действий не предпринял. Это была последняя встреча между президентом и военным министром¹⁴.

Рузвельт до своей смерти, наступившей 12 апреля, так и не принял определенного решения на этот счет. Находясь под непрерывным воздействием противоборствующих сил, Рузвельт явно колебался. Он все больше задумывался над тем, не стоит ли поставить советского союзника в известность относительно завершающихся в США работ над созданием атомного оружия. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что в ходе Ялтинской конференции, проходившей с 4 по 11 февраля 1945 г., во время встречи Рузвельта с Черчиллем в Ливадийском дворце, где находилась резиденция американского президента, Рузвельт спросил английского премьер-министра: «Не настал ли момент информировать Сталина о бомбе?» Черчилль ответил отрицательно, добавив, что такое предложение его просто «шокировало»¹⁵, Рузвельт не стал настаивать. В.М. Бережков, работавший в годы войны в секретариате В.М. Молотова, писал, что все разговоры в Ливадийском дворце прослушивались и докладывались Сталину¹⁶. По мнению Бережкова, Сталин, получавший по линии советской разведки регулярную информацию о прогрессе *Манхэттенского проекта*, уже тогда заключил, что Вашингтон и Лондон держали работы над бомбой в секрете, и, очевидно, считал, что они намереваются использовать это оружие в качестве средства давления на Советский Союз¹⁷.

Весной 1945 г. Бор направил Рузвельту еще один меморандум, однако он попал на стол Бушу уже после смерти президента. В нем датский ученый поднимал вопросы, идущие уже дальше своего предложения о целесообразности информирования русских об атомной бомбе. Он писал, что в скором времени будут найдены способы, «упрощающие методы производства активных материалов и усиливающие их эффективность в такой

¹⁴ Wyden P. Op. cit. P. 128.

¹⁵ Churchill to Eden on March 15, 1945. Premier 3. Record No. 139/6 at Public Records Office. Library of Congress. Wash. (D.C.). 1945. Цит. по: *Berezhkov V. Op. cit. P. 12.*

¹⁶ Сам Бережков в Ялте не был, но этот факт подтвердил в беседе со мной один из присутствовавших на Конференции сотрудников советской делегации.

¹⁷ *Berezhkov V. Op. cit. P. 12.*

степени, что это позволит любому государству, располагающему крупными промышленными ресурсами, овладеть силами разрушения, превышающими всякое воображение. Ввиду этого человечество окажется перед опасностью беспрецедентных масштабов, если в должное время не смогут быть приняты меры для упреждения губительного соперничества в создании мощных вооружений и установления международного контроля за производством и применением разрушительных материалов». Ученый предлагал создать постоянный комитет экспертов при международной организации по поддержанию безопасности, который будет вести учет новых научно-технических открытий и рекомендовать соответствующие коррективы в методах контроля. По рекомендации этого комитета организация будет определять условия, на основании которых будет разрешаться промышленная эксплуатация источников атомной энергии, при надлежащих гарантиях недопущения образования из активных материалов взрывных устройств¹⁸.

Можно предполагать, что соображения Бора были учтены в дальнейшем при подготовке американских планов международного контроля. А на более позднем этапе эти мысли нашли определенное отражение и при разработке системы гарантий МАГАТЭ¹⁹. Упорная и дальновидная деятельность Бора в пользу установления международного контроля была активно поддержана Бушем. 25 апреля 1945 г. он пишет специальному помощнику Стимсона Банди:

«Несколько дней назад меня посетил д-р Бор. Вы хорошо знаете, что в недалеком прошлом при посредстве судьи Феликса Франкфуртера он имел беседу с президентом Рузвельтом о международных аспектах нашего специального проекта. [...] Его заинтересованность в этой стороне дела целиком продиктована сильнейшим убеждением, что

---

¹⁸ *Gowing M. Op. cit. P. 275–276.*

¹⁹ И после того, как работа Комиссии ООН по атомной энергии стала жертвой начавшейся *холодной войны*, датский ученый продолжал свои усилия по сдерживанию гонки атомных вооружений: в 1948 г. он обращался со своими предложениями к государственному секретарю США Джорджу Маршаллу, в июне 1950 г. направил открытое письмо в ООН, а в 1956 г. еще одно открытое письмо генеральному секретарю ООН Дагу Хаммаршельду.

продуманный подход к международной политике в свете этой проблемы является абсолютно необходимым условием для благоприятного развития цивилизации, с чем я совершенно согласен».

Буш предложил создать специальный комитет для обсуждения послевоенных проблем, связанных с появлением атомного оружия, на который следовало бы пригласить Бора выступить с изложением своих взглядов²⁰. В тот же день, 25 апреля, Стимсон впервые после смерти Рузвельта познакомил нового президента с ходом работ над атомной бомбой (судя по всему, Трумэн, будучи вице-президентом, не знал об этих работах²¹). Основной акцент в беседе с новым президентом он сделал на политических последствиях создания атомного оружия и на опасности в будущем распространения этого оружия. Стимсон представил Трумэну меморандум, в котором, в частности, писал:

«[...] Абсолютно очевидно, что мы не в состоянии сохранить за собой эти преимущества (обладание секретом атомной бомбы. – *Авт.*) на неопределенное время, так как:

a) различные исходные данные, связанные с открытием секрета атомной бомбы и ее производством, хорошо известны многим исследователям во многих странах. [...]

b) хотя производство бомбы существующими сейчас методами требует огромных научных и промышленных усилий, а также сырьевых ресурсов, которые не являются неисчерпаемыми, но находятся в основном в руках США и Соединенного Королевства, очень вероятно, что в будущем более легкие и дешевые методы производства будут найдены учеными вместе с открытием более распространенных материалов. В результате весьма вероятно, что в дальнейшем бомба может быть изготовлена и малыми

---

²⁰ Harrison-Bundy Files. U.S. National Archives, Wash, (D.C.). Цит. по: Мальков В.А. Указ соч. С. 49–50.

²¹ Holloway D. Stalin and the Bomb. The Soviet Union and Atomic Energy, 1939–1956. New Haven; London: Yale Univ. Press, 1994. P. 120; Hershberry Jame. Op. cit. P. 222.

странами, и даже отдельными группами или в более короткий срок большой страной.

[...] В результате можно предсказать, что в будущем мы придем к такому положению, когда атомная бомба может быть изготовлена тайно и использована внезапно и эффективно с огромной разрушительной мощью злоумышленно настроенной страной или группой стран против ничего не подозревающей страны или группы стран, пусть даже более крупных по своей территории или по материальным ресурсам. С помощью атомного оружия даже очень сильная, но не ожидающая нападения страна может быть захвачена буквально в считанные дни значительно меньшей страной. Единственное государство, которое могло бы начать производство этого вида оружия через несколько лет, – это Россия. [...] Мир, принимая во внимание уровень морали и уровень технической оснащенности, в случае если развитие пойдет по этому пути, окажется заложником атомной бомбы. Другими словами, современная цивилизация может быть полностью уничтожена.

[...] В свете наших сегодняшних подходов к данному роду оружия вопрос о совладении им с другими странами, включая и условия такого совладения, если вопрос будет решен положительно, становится главным вопросом нашей внешней политики. Следует также принять во внимание, что наша руководящая роль в войне и в производстве этого оружия налагает на нас определенные моральные обязательства, от которых мы не можем уклониться без того, чтобы не взять на себя очень серьезную ответственность за любые катастрофические последствия».

С удивительным проникновением в характер возможных последствий появления к тому времени еще даже не испытанного атомного оружия Стимсон писал об опасности распространения этого оружия. Он также отлично отдавал себе отчет в том, что проверка соглашения о международном контроле над атомной энергией создаст колоссальные проблемы. В своем меморандуме он указывал: «Ни одна из систем контроля, которая рассматривалась прежде, не может быть признана адекватной нынешней ситуации и способной эффективно контролировать возникшую

опасность. Как внутри любой страны, так и в межгосударственных отношениях установление контроля над этим оружием натолкнется на величайшие трудности и потребует таких далеко идущих прав на инспекцию и внутренний контроль, о которых мы ранее никогда не помышляли»²².

Судя по записи беседы, сделанной присутствовавшим на ней генералом Гровсом, Трумэн, видимо, никак не реагировал на соображения, высказанные Стимсоном относительно международного контроля, но полностью поддержал атомный проект и производимые на него расходы²³. С одобрения Трумэна в мае Стимсоном был создан Временный комитет (*Interim Committee*), в состав которого, помимо Стимсона, вошли Джейми Бирнс, директор Управления военной мобилизации и будущий государственный секретарь, Буш, Конант, генералы Маршалл и Гровс, ученые Оппенгеймер, Ферми, Лоуренс и другие, для подготовки решений, связанных с завершением работ над атомной бомбой, применением ее, подготовкой атомного законодательства, и также для рассмотрения послевоенных последствий создания атомного оружия, включая вопрос о контроле над ним.

Тем временем сторонники установления международного контроля над атомной энергией продолжали активно отстаивать преимущества своего подхода. В конце мая Лео Сцилард встречался с Бирнсом, но без какого-либо успеха. В июне в чикагской Металлургической лаборатории, где под руководством Энрико Ферми в декабре 1942 г. заработал первый *атомный котел*, было создано несколько комитетов для подготовки рекомендаций правительству относительно послевоенной политики по атомным вопросам. Комитет по социально-политическим последствиям, возглавлявшийся лауреатом Нобелевской премии Джеймсом Франком, в работе которого принимал участие Лео Сцилард, в своем докладе от 11 июня (известном как *доклад Франка*) подчеркнул три основных момента:

- «1) политикой секретности США не смогут избежать гонки атомных вооружений;

²² *Stimson H., Bundy M.* Op. cit. P. 635–636.

²³ Manhattan Engineer District Records, Commanding General's File No. 24. Tab. "D". National Archives. Цит. по: *Sherwin Martin J.* Op. cit. P. 293–294.

- 2) наибольшую надежду на обеспечение национальной и международной безопасности будет создавать установление международного контроля над атомной энергией;
- 3) желательно избежать военного использования атомной бомбы против Японии и вместо этого продемонстрировать ее разрушительную мощь над необитаемым островом или пустыней»²⁴.

Назначенный Стимсоном Временный комитет провел свои заседания в спорах. Бирнс и Гровс решительно отстаивали политику секретности, тогда как Буш, Конэнт и особенно Опенгеймер выступили за то, чтобы сообщить русским о бомбе раньше, чем она будет применена, и предложить совместную разработку международного контроля. Бирнс же на заседании Временного комитета отстаивал ту точку зрения, что американское обладание бомбой сделает Россию более покладистой в Восточной Европе²⁵. В итоге победила точка зрения Бирнса, фактически представлявшего в комитете президента, и было решено сохранить в секрете от Советского Союза сведения о бомбе, пока она не будет сброшена на Японию. Представляет интерес мнение государственного секретаря США в 1960-х гг. Дина Раска, обычно придерживавшегося осторожных и консервативных суждений, который, правда уже задним числом, высказывал сожаление, что в период *Манхэттенского проекта* не было уделено должного внимания рассмотрению политических аспектов атомной бомбы. В своих мемуарах, опубликованных в 1990 г., он писал:

«[...] Мы совершили ошибку с самого начала *Манхэттенского проекта*. Нам следовало бы создать специальную политическую группу для рассмотрения последствий при менения бомбы. К сожалению, те, кто понимал дело и был знаком с *Манхэттенским проектом*, – Рузвельт, Стимсон и немногие другие – были слишком заняты воен-

---

²⁴ *Seaborg G., Loeb B. Stemming the Tide, Arms Control in the Johnson Years.* Lexington (MA); Toronto: Lexington Books, 1987. P. 60.

²⁵ *Hewlett R., Anderson Jr., Oscar E. Op. cit. P. 355.*

ными усилиями, чтобы сфокусировать внимание на долгосрочных последствиях создания ядерного оружия. Такая группа могла бы и не повлиять на результат – в отношении либо Хиросимы, либо последовавшей за нею гонки вооружений, но уж во всяком случае мы просчитали бы все возможные варианты»²⁶.

---

²⁶ *Rusk D. As I saw it.* N.Y.: Penguin Books, 1990. P. 122.

Лео Сцилард и международный контроль над атомной энергией¹

Лео Сцилард вошел в историю не только как крупнейший физик XX столетия, стоявший у истоков открытия секретов получения атомной энергии и создания атомного оружия, но и как один из тех выдающихся умов, которые одновременно дали человечеству и ключ к решению задачи избавления от этого оружия с тем, чтобы атом мог служить только мирным целям. Этот ключ – установление международного контроля над атомной энергией.

Лео Сцилард (1898–1964) родился в Будапеште, физическое образование получил в Берлине, где познакомился с Альбертом Эйнштейном. В 1922 г. получил докторскую степень. В 1933 г. перебирается в Англию, осенью того же года впервые высказывает идею о возникновении цепной реакции при достижении критической массы и получает за нее патент. С 1938 г. живет в США.

Сцилард отлично знал о высоком уровне развития ядерной физики в Германии, где атомной проблемой занимались такие талантливые физики, как Отто Ган, Вернер Гейзенберг², Карл Фридрих фон Вайцзеккер и др. Его как никого другого в предвоенные и в первые военные годы особенно мучительно преследовала мысль, что гитлеровская Германия может опередить союзников и выиграть войну с помощью атомного оружия. Поэтому он стремился побудить научную общественность и администрацию США приступить к реализации атомной программы и за-

---

¹ Впервые опубликовано: *Тимербаев Р.М.* Лео Сцилард и международный контроль над атомной энергией // *Ядерный Контроль*. 2002. № 5 (65), сентябрь–октябрь. С. 68–73.

² Уместно отметить, что совсем недавно, в феврале 2002 г., стали известны новые документы из архива Н. Бора, из которых следует, что Гейзенберг, вопреки версии, бытовавшей до последнего времени, о том, будто он сознательно, из лучших побуждений тормозил работы над гитлеровской ядерной бомбой, в действительности же активно в них участвовал (*Glanz J.* New Twist on Physicist's Role in Nazi Bomb // *New York Times*. 2002. 7 Feb.).

секретить всю информацию об этом. Однако сначала Сцилард столкнулся с почти полным непониманием остроты ситуации.

Первый, к кому он обратился с предложением возглавить группу ученых, которые работали бы в пользу атомного проекта, был Нильс Бор, находившийся тогда в Соединенных Штатах. В марте 1939 г. Сцилард встретился с Бором в Принстоне, во встрече участвовали его соотечественники Юджин Вигнер (Нобелевская премия 1963 г.) и Эдвард Теллер. Но Бор не разделял тревоги, охватившей Сциларда и его друзей. Он считал, что бомбу в принципе можно создать, но для этого потребуется превратить США «в один огромный завод», а что касается секретности, то о возможности расщепления урана уже и так было много известно, и *обратно в бутылку джинна (информацию) не вернуть*. Бора особенно беспокоила возможность засекречивания работ по атомному ядру.

Но первый неуспех не охладил энергии Сциларда, и он лихорадочно продолжил поиски возможностей довести до американского руководства необходимость скорейшего начала работ по созданию атомной бомбы. Следующий его шаг хорошо известен всем, кто интересуется историей американского атомного проекта: венгерский ученый обратился к А. Эйнштейну. Напомним вкратце об истории известного письма основателя теории относительности президенту Рузвельту – только для того, чтобы еще раз показать, какой удивительной энергией и находчивостью обладал Сцилард, добиваясь своей цели.

Сцилард вспомнил, что его старый друг хорошо знаком с бельгийской королевой, и решил уговорить Эйнштейна обратиться к ней с письмом. 16 июля (по другим данным, 12 июля) 1939 г. Ю. Вигнер повез его на машине в местечко Пеконик на Лонг Айленде, где ученый проводил летние месяцы. Когда Сцилард и Вигнер объяснили Эйнштейну, что речь идет о возможности цепной реакции и о создании атомной бомбы, ученый якобы воскликнул: “*Daran habe ich gar nicht gedacht!*” (Я никогда об этом и не подумал!)³.

Он согласился написать письмо бельгийскому послу и продиктовал его по-немецки Вигнеру (затем в Принстоне оно было

---

³ Lanouette W., Silard B. Genius in the Shadows. A Biography of Leo Szilard. The Man Behind the Bomb. The University of Chicago Press, 1994. P. 198–199.

переведено на английский язык). Но тем временем вездесущий Сцилард познакомился с выходцем из России Александром Саксом, крупным экономистом и бизнесменом, который был вхож к американскому президенту Франклину Рузвельту. Он и подсказал Сциларду, что письмо следовало бы адресовать самому Рузвельту. 30 июля Сцилард вновь едет в Пеконик, на этот раз его везет туда Эдвард Теллер. Письмо Эйнштейн и Сцилард диктуют Теллеру. После перевода и согласования с Саксом 2 августа 1939 г. Эйнштейн подписывает историческое письмо⁴. Письмо было лично передано Саксом президенту лишь 11 октября 1939 г. Но только после второй встречи с Саксом, состоявшейся на следующий день, Рузвельт убедился в необходимости принятия мер и сделал соответствующие распоряжения⁵.

Исключительная роль Сциларда в инициировании работ над урановой проблемой признается всеми. Можно без всякого преувеличения утверждать, что без этой инициативы Сциларда весьма сомнительно, чтобы атомное оружие появилось во время Второй мировой войны, и неизвестно, когда оно вообще было бы создано и с чего началось бы использование атомной энергии – с военного или мирного применения. Даже генерал Лесли Гровс, директор *Манхэттенского проекта* и постоянный оппонент Сциларда, не доверявший его лояльности и не допустивший его к участию в основных работах по конструированию атомной бомбы в Лос-Аламосе, вынужден был признать: «Да, действительно, я мог бы даже сказать, что если бы не Сцилард, этот вопрос никогда не дошел бы до президента»⁶.

Однако «атомные» работы вначале развертывались крайне медленно. Сцилард сосредоточил свои усилия на строительстве, совместно с Энрике Ферми, первого атомного «котла» (уран-графитового реактора) в Металлургической лаборатории в Чикаго, который заработал 2 декабря 1942 г. (В 1955 г. Ферми и Сцилард получили патент за разработку этого реактора.)

Но, продолжая работать в Металлургической лаборатории над различными атомными идеями, в том числе над концепцией

---

⁴ Создание первой советской ядерной бомбы / Гл. ред. В.Н. Михайлов. М.: Энергоатомиздат, 1995. С. 21–22.

⁵ Мальков В.А. «Манхэттенский проект». Разведка и дипломатия. М.: Наука, 1995. С. 16–17.

⁶ Lanouette W., Silard B. Op. cit. P. 307.

реактора-бридера, Сцилард одним из первых стал всерьез задумываться над политическими последствиями появления атомной бомбы. Впрочем, эта мысль его преследовала еще до войны. В письме на имя крупнейшего французского физика Фредерика Жолио-Кюри от 2 февраля 1939 г. Сцилард писал: «Если высвободится более чем один нейтрон, то возможна цепная реакция. При некоторых обстоятельствах это может повести к созданию бомбы, которая будет представлять крайнюю опасность вообще, и в особенности, если окажется в руках некоторых правительств». Публикуя это письмо, французский ученый и дипломат Бертран Гольдшмидт замечает, что это «первое по времени серьезное определение проблемы нераспространения (ядерного оружия)»⁷.

В разговоре с одним из руководителей Манхэттенского проекта Ванневаром Бушем в январе 1944 г. Сцилард высказал озабоченность в связи с опасностью развертывания гонки ядерных вооружений в послевоенном мире. Чтобы предупредить такое развитие событий, Сцилард, часто отличавшийся весьма оригинальными, а иногда даже крайними и экстравагантными суждениями, предложил установить международный контроль над всеми мировыми месторождениями урана, если необходимо, с помощью силы *и даже с использованием атомной бомбы*.

В марте 1944 г. он вновь встречается с Бушем и его заместителем Джеймсом Конантом. В ходе беседы, продолжавшейся «практически весь день», и при последующих встречах Сцилард предложил «несколько вариантов установления международного контроля над атомной энергией для послевоенного мира»⁸. Он даже высказал мысль о создании мирового правительства как способа установления контроля за нераспространением атомного оружия после войны. Сцилард считал, что хотя «надежда на это невелика», по крайней мере следует попытаться сделать шаги в этом направлении. В то же время он высказал предположение, что если ядерным оружием овладеют несколько стран, то установится «вооруженный мир», иными словами, возникнет тушиковая «ситуация типа *холодной войны*»⁹.

---

⁷ Goldschmidt B. Atomic Rivals. A Candid Memoir of Rivalries Among the Allies over the Bomb. Rutgers University Press. New Brunswick and London, 1999. P. 47.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid. P. 257.

12 марта 1945 г. Сцилард завершает подготовку меморандума президенту Рузвельту – «Атомные бомбы и послевоенная позиция Соединенных Штатов в мире», в котором предупреждает, что выбор, стоящий перед американскими стратегами, предельно ясен: заключить с русскими соглашение о контроле над вооружениями либо победить их в гонке ядерных вооружений. Сцилард считает, что через шесть лет Россия способна накопить достаточное количество расщепляющегося материала, чтобы изготовить атомные бомбы небольшого размера, которые могут быть упрятаны в американских городах для последующего применения. Хуже того, пишет он, «после настоящей войны можно предположить, что окажется возможным сбросить атомные бомбы на города Соединенных Штатов с очень больших расстояний посредством доставки их ракетами». Он предупреждает об опасности превентивной войны. «Такая война может возникнуть в результате опасения, что другая сторона нанесет первый удар, и сколько ни проявили бы доброй воли оба государства, ее было бы недостаточно, чтобы предотвратить войну, если допустить возникновение такой взрывоопасной ситуации». Только всемирная система контроля в состоянии предотвратить такую опасность – система, включающая Великобританию и Советский Союз. Путем разбавления и денатурирования расщепляющегося урана и плутония мировые державы развивали бы мирное применение ядерной энергии, свободное от угрозы, что ядерное топливо может быть переключено на производство оружия¹⁰.

В последний военный год, еще до появления ядерного оружия, Сцилард демонстрирует удивительный дар предвидения, предсказав характер развития событий в послевоенный период, в том числе и предстоящую гонку вооружений, и *холодную войну* с ее взаимным ядерным сдерживанием.

Сцилард и на этот раз сомневается, что Рузвельт обратит внимание на его меморандум, и решает вновь обратиться за помощью к Эйнштейну. Он подготовил проект сопроводительного письма, которое тот и подписал 25 марта 1945 г. Одновременно Сцилард устанавливает контакт с женой президента Элеонорой

---

¹⁰ Goldschmidt B. Op. cit. P. 260.

Рузвельт. В начале апреля она дает согласие встретиться с ученым в Нью-Йорке 8 мая. Но 12 апреля Рузвельт умирает, и к власти приходит новый президент – Гарри Трумэн.

Сцилард теперь стал добиваться встречи с новым американским президентом, но тот, вначале согласившись принять ученого 25 мая 1945 г., затем переадресовал его Джеймсу Бирнсу. Бирнс в то время был частным лицом, но пользовался безграничным доверием Трумэна, и до его назначения государственным секретарем США оставалось совсем немного времени. Встреча с Бирнсом состоялась в Спартанбурге, шт. Южная Каролина. Вместе со Сцилардом были лауреат Нобелевской премии Гарольд Юри и заместитель директора Металлургической лаборатории Уолтер Бартки. По пути к Бирнсу ученые договорились поставить перед ним такие проблемы: какое воздействие атомная бомба и ее применение окажут на мировые дела, каковым будет будущее атомной энергии и как следует планировать атомные исследования в послевоенном мире.

Состоявшийся 28 мая 1945 г. разговор носил полемический характер. Американский историк Уайден так его описывает:

Сцилард: Россия, так же как и США, скоро может стать атомной державой.

Бирнс: По данным генерала Гровса, Россия не имеет урана.

Сцилард: Россия располагает урановыми рудниками в Чехословакии. Стоит обдумать предложение об отказе испытать бомбу, что создаст у русских впечатление, будто работы не увенчались успехом.

Бирнс: Это приведет к тому, что Конгресс откажется финансировать ядерные исследования, результаты должны быть очевидны для всех. Россия осуществляет свою экспансию в Восточной Европе, включая вашу родину – Венгрию, и в этих условиях демонстрация бомбы и американской военной мощи сделает Советы более управляемыми.

Сцилард: Манипуляции с бомбой испугают Россию, превратят ее в нашего антагониста.

Бирнс: Бомба поможет вытеснить Россию из Венгрии.

Сцилард: Можно ли сейчас говорить о судьбе маленькой Венгрии, если гонка атомных вооружений в конечном счете может разрушить Соединенные Штаты и Россию¹¹.

Беседа с Бирнсом к каким-либо результатам не привела. Бирнс был твердо настроен на применение атомной бомбы и не пожелал рассматривать идеи Сциларда о международном контроле. Ученые обратили внимание на то, что Бирнс говорил не столько о применении бомбы для ускорения окончания войны с Японией, сколько о необходимости продемонстрировать американскую мощь перед Советским Союзом. Меморандум Сциларда о международном контроле был найден историками среди оставшихся бумаг Бирнса.

Следующей акцией, предпринятой Сцилардом, была попытка не допустить применения ядерного оружия против Японии. Вопрос этот был поручен Трумэнном так называемому Временному комитету (*Interim Committee*) под председательством военного министра Генри Стимсона. Тем временем в Металлургической лаборатории были образованы шесть комитетов для выработки рекомендаций правительству относительно послевоенной политики, в том числе Комитет по социальным и политическим последствиям под председательством нобелевского лауреата Джеймса Франка. В Комитет вошли Сцилард, нобелевский лауреат Глен Сиборг, Юджин Рабинович и др. Сцилард играл наиболее активную роль при подготовке доклада комитета Франка. Доклад был подписан всеми его участниками 11 июня 1945 г.

Доклад *Комитета Франка* содержал следующие основные выводы: *во-первых*, Соединенные Штаты не смогут избежать атомной гонки, проводя политику секретности; *во-вторых*, наибольшие надежды на обеспечение национальной и международной безопасности давало бы установление международного контроля над атомной энергией; и, *в-третьих*, – и это главное, – «если Соединенные Штаты первыми применят это новое средство неразборчивого уничтожения человечества, они потеряют общественную поддержку во всем мире, подстегнут гонку вооружений и нанесут урон возможности достижения международного со-

---

¹¹ Wyden P. Day One. Before Hiroshima and After. N.Y., 1985. P. 142–143. Цит. по: Мальков В.А. Указ. соч. С. 85.

глашения о будущем контроле над этим оружием». «Россия, – говорилось в докладе, – и даже союзные страны, у которых меньше недоверия к нашим действиям и намерениям, а также нейтральные страны будут глубоко шокированы. И будет очень трудно убедить мир, что можно доверять государству, которое смогло втайне произвести и внезапно применить новое оружие, столь же неразборчивое, как ракетная бомба, и в тысячу раз более разрушительное, если оно провозгласит желание заключить международное соглашение о запрещении такого оружия»¹².

Вместо применения против Японии ученые предложили продемонстрировать мощь бомбы путем ее взрыва в необитаемой пустыне или на необитаемом острове. Доклад *Комитета Франка* был рассмотрен *Временным комитетом* и отклонен им 21 июня 1945 г. Решение о применении бомбы было принято, считая Сиборг, еще до получения в Вашингтоне доклада Франка¹³.

Тем не менее, Сцилард с удвоенной энергией продолжает свой крестовый поход за установление международного контроля над атомной энергией. 17 июля, не зная еще о проведении первого атомного испытания в пустыне Аламогордо, шт. Нью-Мексико, он пишет петицию на имя президента с призывом не применять ядерное оружие, в которой приводятся основные аргументы доклада Франка. Под петицией подписались 69 ученых, впрочем, некоторые, включая Эдварда Теллера, поставить свою подпись отказались. В меморандуме, в частности, говорилось:

«Развитие атомной энергии даст государствам новое средство разрушения. Находящиеся (сейчас) в нашем распоряжении атомные бомбы являются лишь первым шагом в этом направлении, и почти не будет предела разрушительной мощи, которая появится в процессе их дальнейшего развития. Таким образом, государство, которое создаст прецедент, использовав для целей разрушения эту вновь

---

¹² *Alperovitz Gar. The Decision to Use the Atomic Bomb. N.Y.: Vintage Books. A Division of Random House, Inc., 1996. P. 187.*

¹³ *Seaborg G., Loeb B. Stemming the Tide. Arms Control in the Johnson Years. Lexington Books. Lexington, MA, Toronto, 1987. P. 59–61.*

освобожденную силу природы, возьмет на себя ответственность за то, что оно открыло путь к эре опустошения в невысказанных масштабах»¹⁴.

При сопроводительном письме директора Металлургической лаборатории Артура Комптона она была направлена в Вашингтон 19 июля и там затерялась в кабинетах. Насколько удалось установить, до Трумэна она не дошла¹⁵.

7 сентября 1945 г, т.е. уже после атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, Лео Сцилард подготовил еще один меморандум – под названием «Попытка определить платформу для наших бесед с членами американского сената и палаты представителей», где предлагалось образовать комиссию по атомной энергии Конгресса, с членами которой могли бы связываться ученые¹⁶.

Одновременно он вносит предложение канцлеру Чикагского университета Роберту Хатчинсу – созвать конференцию ученых для рассмотрения вопросов контроля над атомной энергией. Конференция состоялась 19–21 сентября 1945 г. В ней приняли участие около 50 ученых и администраторов, в том числе бывший вице-президент, министр торговли Генри Уоллес и председатель Управления гидросооружений в долине р. Теннесси Дэвид Лилиенталь (в дальнейшем первый председатель Комиссии по атомной энергии США). Основное сообщение сделал Сцилард¹⁷. Он заявил, что Россия может создать бомбу через два с половиной года, а через шесть лет – иметь достаточно бомб, чтобы уничтожить все американские города. За это время и США смогут произвести столько бомб, чтобы разрушить все крупные города мира. Сцилард высказался за установление международного контроля, который включал бы инспектирование добывающей и производственной деятельности. Америка могла бы использовать в качестве рычага свое нынешнее положение единственной страны, располагающей бомбой, говорил

¹⁴ *Rhodes R. The Making of the Atomic Bomb. N.Y.: Simon & Schuster, 1996. P. 749.*

¹⁵ *Alperovitz Gar. Op. cit. P. 191.*

¹⁶ *Lanouette W., Silard B. Op. cit. P. 282.*

¹⁷ Изложение его выступления и других высказываний основано на дневниковых записях, сделанных участвовавшим в конференции Гленом Сиборгом (*Seaborg G., Loeb B. Op. cit. P. 61–65.*)

Сцилард, чтобы побудить Россию принять инспекцию. В противном случае через три года разразится война. Но постоянный мир может быть достигнут только путем образования мирового правительства. Если это вообще окажется возможным, на его создание потребуется 15, 20 или даже 30 лет.

Оценки Сциларда были подвергнуты сомнениям, но Ирвинг Лангмюир из исследовательской лаборатории *Дженерал электрик*, незадолго до этого посетивший Советский Союз, заявил, что СССР располагает огромным потенциалом, а наука в стране пользуется беспрецедентной для остальных государств поддержкой со стороны правительства. Он высказал предположение, что СССР догонит Америку через пять лет, а через десять уйдет далеко вперед.

Сцилард сказал, что было бы неправильно заранее предугадывать, каким может быть ответ русских. Почему не спросить самого Сталина? Россия обычно поступает, руководствуясь своим интересом, и мир без атомного оружия наверняка будет в ее интересах.

За Сцилардом осталось последнее слово на конференции: он призвал «гарантировать неприкосновенность всем в мире ученым и инженерам, когда они будут информировать о нарушениях согласованных договоренностей (относительно контроля над вооружениями)». Он призвал к принятию *Акта о правах ученых и инженеров* с целью гарантировать осуществление международных соглашений о контроле над атомной энергией¹⁸. Присутствовавший на конференции заместитель госсекретаря по вопросам атомной энергии Уильям Бентон попросил Сциларда изложить свои соображения в виде меморандума, что и было сделано.

В конце ноября 1945 г. Сцилард выступал на торжественном собрании в Нью-Йорке, посвященном юбилею журнала *Nation*, и предложил заключить договор о запрещении атомных бомб и об организации инспекций под эгидой ООН.

В период работы Комиссии ООН по атомной энергии в 1946–1948 гг. Сцилард упорно лоббировал достижение договоренности о международном контроле.

---

¹⁸ Lanouette W., Silard B. Op. cit. P. 283–284.

В послевоенные годы Лео Сцилард продолжал с неукротимой энергией исполнять свою миссию по продвижению идеи международного контроля над атомной энергией. Человек, который первым взбудоражил и научный мир, и американское руководство предсказанием неминуемой гибели цивилизации в случае, если гитлеровская Германия опередит Соединенные Штаты и всю антигитлеровскую коалицию в создании ядерного оружия, теперь столь же последовательно и энергично, как никто другой, добивался создания мира, в котором атомное оружие было бы поставлено вне закона, под строгий международный контроль.

Сцилард глубоко верил в великую силу сотрудничества между учеными США, СССР и других стран в решении этой исторической задачи. Он принял участие в первой Пагуошской конференции, собравшейся в Пагуоше в июле 1957 г., а также в последующих конференциях. *Пагуошское движение* содействовало заключению Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах – в атмосфере, в космосе и под водой, а в дальнейшем – Договора о нераспространении ядерного оружия и Договора по ограничению систем ПРО.

После провала Парижского саммита 1960 г. Сцилард в июне того же года пишет письмо Н.С. Хрущеву с предложением содействовать возобновлению советско-американского диалога прежде всего путем встреч ученых обеих стран. На первое письмо он не получил ответа и в середине августа пишет еще одно письмо Хрущеву. Советский премьер отвечает. Во время сессии Генеральной Ассамблеи ООН, на которую советский руководитель прибыл на теплоходе «Балтика», между ними 5 октября 1960 г. состоялась встреча в советском представительстве при ООН.

Сцилард передал меморандум, переведенный на русский язык, относительно необходимости заключения соглашения о ядерном разоружении, в котором внимание Хрущева привлек следующий текст, выделенный американским ученым: «России и Америке [...] следовало бы создать условия, при которых Россия была бы уверена, что о тайных нарушениях соглашения Америкой американские граждане сообщали бы международной контрольной комиссии, а Америка была бы уверена, что о тайных нарушениях соглашения, происходящих на российской территории, советские граждане сообщали бы международной конт-

рольной комиссии». Эту идею международного наднационального органа по контролю над вооружениями Сцилард вынашивал с 1945 г. Позже он с некоторым даже удивлением вспоминал, что Хрущев сказал ему, что он «полностью принимает это положение».

В меморандуме Сциларда предлагалось также, чтобы во избежание внезапного или случайного нападения между руководством обеих стран была установлена линия прямой телефонной связи, с чем Хрущев также согласился. Как известно, спустя некоторое время, в июне 1963 г., между правительствами Советского Союза и Соединенных Штатов было достигнуто соглашение об установлении такой линии прямой связи. По предложению Сциларда было условлено, что дальнейшие контакты с ним будут продолжены через АН СССР. Разговор продолжался два часа вместо ранее намеченных 15 минут. В конце 1960 г. Сцилард вместе с группой американских ученых участвовал в четвертой Пагуошской конференции, проходившей в Москве.

В мае 1960 г. он получает премию «Атомы для мира». До конца своих дней (скончался Сцилард от инфаркта в мае 1964 г.) он продолжал активную общественную деятельность, связанную с контролем над атомными вооружениями. В июне 1962 г. он создает первую организацию активистов-сторонников разоружения – Совет за безопасный мир (*Council for a Livable World*), в декабре 1963 г. выдвигает концепцию «минимального сдерживающего средства» в целях стабилизации и ограничения гонки ядерных вооружений между двумя державами. После его смерти Американское физическое общество учредило премию Лео Сциларда, которой в 1983 г. был удостоен Андрей Дмитриевич Сахаров.

РАЗДЕЛ II

НАЧАЛО АТОМНОЙ ЭРЫ. ИСТОРИЯ СОВЕТСКОГО АТОМНОГО ПРОЕКТА

Начало атомной эры¹

Официально атомная эра началась 16 июля 1945 г. первым испытанием американской атомной (плутониевой) бомбы в районе Аламогордо (штат Нью-Мексико). Трумэн был поставлен в известность об успешном испытании во время Потсдамской конференции трех руководителей антигитлеровской коалиции (17 июля – 2 августа)².

Американский президент, прежде чем информировать Сталина об атомной бомбе, отрепетировал свой разговор с ним со Стимсоном, госсекретарем Бирнсом и Черчиллем. Было решено прямо не говорить об атомной бомбе, дабы избежать возможных вопросов Сталина о дальнейшей судьбе этого оружия. Разговор состоялся 24 июля после окончания вечернего заседания конференции. Существует несколько версий того, как проходила беседа Трумэна со Сталиным.

---

¹ Из кн.: *Тимербаев Р.М.* Россия и ядерное нераспространение. С. 25–28.

² Трумэн добивался откладывания начала Потсдамской конференции, с тем чтобы использовать испытание бомбы в своей дипломатической игре. Это был, в сущности, первый акт *атомной дипломатии* (*Hewlett R., Anderson O. Op. cit.* P. 360).

Согласно одной из версий, Трумэн, подойдя к Сталину без своего переводчика³ и полагаясь на перевод русского переводчика, «как бы невзначай» упомянул, что США «располагают оружием необычайной разрушительной силы». В своих мемуарах Трумэн потом напишет: «Русский премьер не проявил особого интереса. Все, что он сказал, это то, что он был рад услышать об этом и надеется, что мы «хорошо воспользуемся этим оружием против японцев»⁴. Черчилль в своих мемуарах вспоминал: «Лицо Сталина оставалось веселым и радушным. Я находился примерно в пяти метрах от них [Трумэна и Сталина], наблюдая с большим вниманием за историческим разговором. Я заранее знал, как будет действовать президент. Главное было оценить, какой эффект его слова произведут на Сталина. Я вижу его лицо, как будто это было вчера. Казалось, что он был восхищен. Новая бомба! Чрезвычайной мощи! Вероятно, приведет к скорому решению войны с Японией! Какая удача!»

Но вот Иден, который вместе с Черчиллем наблюдал за разговором также с расстояния нескольких метров, писал в своих мемуарах, что Сталин просто кивнул головой и сказал: «Благодарю Вас», никак не комментируя сообщение Трумэна»⁵. Переводчик Сталина В.Н. Павлов, переведивший разговор, в интервью советскому историку, а в прошлом ответственному сотруднику МИДа В.Г. Трухановскому в основном подтвердил рассказ А. Идена, и, как он припоминает, Сталин вообще ограничился легким кивком головы, и слово «спасибо» произнесено не было⁶.

По мнению ряда историков, Трумэн и Черчилль были убеждены, что Сталин не сознавал, что речь идет об атомной бомбе. Но воспоминания советских участников Потсдамской конферен-

---

³ Помощник госсекретаря Чарльз Болен, который был переводчиком Трумэна, писал позднее американскому историку Г. Файсу: «Как я себе представляю и как мне помнится, хотя я и не могу припомнить никаких особых замечаний президента на этот счет, он хотел, чтобы сказанное им было воспринято как абсолютно непреднамеренная реплика, и поэтому, оставив меня, своего переводчика, позади, он приблизился к Сталину во время короткого перерыва или в конце заседания, с тем чтобы и сделать это. Важно отметить, что не я переводил сказанное президентом и поэтому не слышал, что он говорил».

⁴ *Truman H. Memoirs. Vol. I: 1945. Year of Decision.* N.Y.: Signet Books, 1965. P. 458.

⁵ *Eden A. The Reckoning.* Boston: Houghton Mifflin. 1965. P. 635.

⁶ *Трухановский В.Г. Английское ядерное оружие: историко-политический аспект.* М.: Международные отношения, 1985. С. 23.

ции определенно свидетельствуют: Сталин отлично знал, что Трумэн имел в виду атомное оружие. Более того, он еще до отъезда на Потсдамскую конференцию располагал информацией, полученной через советскую разведку, о готовящемся ядерном взрыве в штате Нью-Мексико»⁷.

Маршал Г.К. Жуков вспоминает:

«[...] В ходе конференции после одного из заседаний глав правительств Г. Трумэн сообщил И.В. Сталину о наличии у США бомбы необычайно большой силы, не назвав ее атомной. В момент этой информации, как потом писали за рубежом, У. Черчилль впился глазами в лицо И.В. Сталина, наблюдая за его реакцией. Но тот ничем не выдал своих чувств, сделав вид, будто ничего не нашел в словах Г. Трумэна. Черчилль, как и многие другие англо-американские деятели, потом утверждали, что, вероятно, И.В. Сталин не понял значения сделанного ему сообщения. На самом деле, вернувшись с заседания, И.В. Сталин *в моем присутствии* (выделено мной. – Авт.) рассказал В.М. Молотову о состоявшемся разговоре с Г. Трумэном. В.М. Молотов тут же сказал:

– Цену себе набивают.

И.В. Сталин рассмеялся.

– Пусть набивают. Надо будет сегодня же переговорить с Курчатовым об ускорении нашей работы»⁸.

Примерно сходные воспоминания оставил А.А. Громыко, тогдашний посол в США:

«24 июля после окончания заседания, когда Сталин направился к выходу, президент США задержал его и сказал:

---

⁷ Во время встречи с советским агентом Голдом («Раймондом») в Санта-Фе в начале июня 1945 г. К. Фукс передал информацию, что атомное испытание намечено на середину этого месяца. Он сообщил, что, как ожидалось, мощность взрыва составит около 10 тыс. т тринитротолуола. 19 сентября он информировал, что присутствовал при испытании первой атомной бомбы (Феклисов А.С. Подвиг Клауса Фукса // Воен.-ист. журнал. 1990. № 12. С. 26; Феклисов А. За океаном и на острове. Записки разведчика. М.: ДЭМ, 1994).

⁸ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 2 т. М.: АПН, 1974. Т. 2. С. 418.

– Я хотел бы сделать конфиденциальное сообщение.

Сталин остановился, а Трумэн сообщил ему следующую информацию:

– Соединенные Штаты создали новое оружие большой разрушительной силы, которое мы намерены применить против Японии.

Эту информацию Сталин принял к сведению спокойно, не проявив каких-либо эмоций. Американский президент, как стало известно позже, был немало разочарован такой реакцией советского руководителя. Черчилль с волнением ожидал окончания разговора Трумэна со Сталиным. И когда он завершился, английский премьер поспешил спросить президента США:

– Ну как?

Тот ответил:

– Сталин не задал мне ни одного уточняющего вопроса и ограничился лишь тем, что поблагодарил за информацию».

Далее, продолжает Громыко: «[...] Сталин незамедлительно из Потсдама дал советскому ученому-физику И.В. Курчатову указание ускорить дело с созданием атомной бомбы, которое стало мощным импульсом для всего комплекса работ в нашей стране»⁹.

Посол СССР в США в 1960–1980 гг. А.Ф. Добрынин, не присутствовавший на Потсдамской конференции, пишет в своих мемуарах, что после разговора с Трумэном Сталин позвонил Курчатову и приказал ему ускорить работы. Курчатов стал жаловаться на то, что он сталкивается с трудностями: требуется огромное количество электроэнергии, которой не хватает; недостаточно тракторов для расчистки площадок в сибирских лесах для строительства атомных предприятий. «Сталин, – продолжает Добрынин, – тут же принимает решение: во-первых, просто отключить свет в нескольких крупных населенных районах, оставив электроснабжение только для заводов, и переключить электроэнергию на атомный проект, и, во-вторых, предоставить в распоряжение Курчатова две танковые дивизии, с тем чтобы танки

⁹ Громыко А.А. Памятное. М.: Госполитиздат, 1988. Кн. 1. С. 221.

использовались в качестве тракторов для расчистки площа-док»¹⁰. Вряд ли в ходе данного разговора Курчатова затрагивали такие конкретные и тем более технические вопросы, поскольку атомный проект только начинался и находился на стадии научно-исследовательских и лабораторных работ, так что Добрынин, видимо, имел в виду последующие разговоры вокруг проблем создания инфраструктуры атомной промышленности.

Состоявшийся в Потсдаме 24 июля разговор между Трумэнном и Сталиным (если только его можно назвать разговором) имел важное историческое значение. «Сталин, – как верно отмечает американский историк Герберт Фейс, – был способен скрыть любое проявление того, что ему известно, и подавить любой возникающий признак того, что дипломатический и военный баланс между Западом и Советским Союзом может быть поколеблен новым оружием»¹¹. Именно этот разговор дал мощный стимул развертыванию советской атомной программы.

---

¹⁰ *Dobrynin A.* In Confidence. Moscow's Ambassador to Six Cold War Presidents (1962–1986). N.Y.: Times Books, Random House, 1995, P. 23.

¹¹ *Feis Herbert.* The Atomic Bomb. Princeton, 1970. P. 102.

Советский атомный проект¹

Сталину стало совершенно очевидно: разрушение Хиросимы и Нагасаки американскими атомными бомбами подтвердило имевшиеся в его распоряжении данные, что США на деле обладают невиданной доселе мощью – ядерным оружием. Оно воочию показало, что Соединенные Штаты в состоянии распоряжаться этим оружием в качестве инструмента преобладающей силы и могут угрожать планам социалистического строительства в СССР, сохранению советского государства как великой державы, а также препятствовать распространению коммунистического влияния в мире. Сталину, советскому руководству было ясно, что Советский Союз должен как можно скорее положить конец монополии Соединенных Штатов на ядерное оружие и создать в противовес США свою собственную атомную бомбу.

Ядерная физика в Советском Союзе сделала большие успехи еще до начала Второй мировой войны. В 1940 г. Я.Б. Зельдович и Ю.Б. Харитон пришли, в принципе, к тем же выводам, которые Отто Фриш и Рудольф Пайерлс сформулировали в своем известном меморандуме от апреля 1940 г.: имея десятикилограммовую массу урана-235, можно сделать бомбу огромной разрушительной силы. Существует мнение, что расчеты Зельдовича и Харитона были более точными, чем вычисления Фриша и Пайерлса².

В 1942 г. были сделаны первые шаги к началу работ по овладению атомной энергией. Толчком к этому послужили предложения самих советских ученых (в частности, известное письмо, направленное Сталину в середине 1942 г. физиком-атомщиком

---

¹ Из кн.: *Тилмербаев Р.М.* Россия и ядерное нераспространение. С. 31–33

² *Холлоуэй Д.* Некоторые соображения по ранним советскому, американскому, британскому и германскому проектам. Сообщение, сделанное на Международном симпозиуме «Наука и общество. История Советского атомного проекта (40–50-е гг.)». Дубна, 14–18 мая 1996 г. М.: ИздАТ, 1997. Т. I. С. 554.

Г.Н. Флеровым, открывшим до войны совместно с К.А. Петржаком явление самопроизвольного деления ядер урана), и сведения, полученные разведкой, главным образом от немецкого ученого-антифашиста Клауса Фукса – участника атомных исследований в Англии и США, который осенью 1941 г. добровольно предложил передавать Советскому Союзу данные об атомных работах на Западе³ (в обобщенном виде они были доложены Сталину в записке Л.П. Берии от 10 марта 1942 г.⁴).

О том, как начиналась эпопея борьбы за освоение атомной энергии, рассказывает заместитель председателя Совета Народных Комиссаров СССР М.Г. Первухин в своих воспоминаниях. В 1942 г. В.М. Молотов пригласил его к себе и ознакомил со сведениями, полученными от иностранных ученых. После изучения их Первухин предложил Молотову пригласить группу специалистов для оценки этих данных. По рекомендации директора Ленинградского физико-технического института А.Ф. Иоффе были вызваны молодые ученые И.В. Курчатов, А.И. Алиханов и И.К. Кикоин, которые дали положительную оценку достоверности полученных сведений и подготовили письменное заключение с предложением организовать широкие работы по ядерной физике⁵. 15 февраля 1943 г. было принято решение о создании Лаборатории № 2 АН СССР (известной также как *лаборатория ЛИПАН*) в целях раскрытия путей овладения энергией деления ядер урана и исследования возможности военного применения энергии урана. Начальником лаборатории был назначен Курчатов.

Однако в широких масштабах советский атомный проект развернулся лишь после окончания войны – после известного разговора Трумэна со Сталиным на Потсдамской конференции 24 июля 1945 г. и атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. 20 августа 1945 г. Государственный Комитет Обороны (ГКО) СССР образовал Специальный комитет под председательством Л.П. Берия и Первое главное управление (ПГУ) при СНК СССР во главе с Б.Л. Ванниковым для работ «по использованию внут-

---

³ Феклисов А. За океаном и на острове. Записки разведчика. С. 144.

⁴ Создание первой советской ядерной бомбы. С. 41–42.

⁵ Первухин подготовил эти воспоминания для ознакомления Политбюро ЦК КПСС в мае 1967 г. См.: там же. С. 45.

риатомной энергии урана», а также «разработки и производства атомных бомб»⁶.

Вскоре после принятия этих постановлений, решительно ускоривших атомные работы в Советском Союзе, состоялись первые контакты между руководителями внешнеполитических ведомств СССР и США, на которых они обменялись первыми пристрелочными «залпами» зарождающейся *атомной дипломатии*.

Уезжая в Лондон на Совет министров иностранных дел, открывавшийся 11 сентября, Бирнс, по замечанию Стимсона, «походил на человека, державшего, так сказать, *бомбу в кармане брюк*, как мощное орудие для решения стоявших проблем»⁷. Молотов тоже *держал бомбу*, но пока что только в уме. Вопрос об атомной энергии формально на повестке дня Лондонского СМИДа не стоял (он был посвящен послевоенному урегулированию и подготовке мирных договоров с бывшими вражескими государствами), но советский министр сам его затрагивал, правда, на дипломатических приемах, не раз как бы в шутку задавая госсекретарю один и тот же вопрос, не привез ли тот с собой «бомбу в кармане». По общему признанию, Молотов проводил на сентябрьском СМИДе жесткую линию, Бирнс отвечал ему тем же, и заседание Совета министров завершилось практически безрезультатно.

Однако более нюансированно в этот период держался с американскими представителями И.В. Сталин. В беседе с послом США А. Гарриманом 26 октября, как докладывал посол своему госсекретарю, советский руководитель, «несмотря на ряд резких высказываний» в адрес администрации США, вел разговор в «спокойной и открытой манере». «У меня такое чувство, что он хотел бы уладить дела вместе с нами, но с большой подозрительностью относится к каждому нашему шагу, который он воспринимал как попытку оказать на него давление»⁸.

---

⁶ Полный текст решения ГКО. См.: там же. С. 52–54.

⁷ Дневники Стимсона, запись от 4 сентября 1945 г. Хранятся в Йельском университете. Цит. по: *Holloway D. Stalin and the Bomb*. P. 155.

⁸ U.S. National Archives, General Records of the Department of State, Decimal File, 1945–49. RG. 59. Main File, 1945–49. Box 3428.711. 61/10-2624. Harriman to Secretary of State. 1945, Oct. 26. Цит. по: *Мальком В.Л.* Указ. соч. С. 157.

Советское руководство, как следует из этого, стремилось вести дело таким образом, чтобы США, обладая атомной монополией, не могли извлечь из нее политические выгоды, пока Советский Союз отставал в развитии атомной энергии.

Об отношении академика Капицы и некоторых других советских ученых к атомному проекту, атомной бомбе и контролю над ней¹

[...] В процессе формирования советской политики по ядерному нераспространению и ядерной проблеме в целом участвовали многие люди – партийные и государственные деятели, военные, дипломаты, администраторы науки, ученые.

Для составления более многомерного представления о том, как проходил этот процесс, немалый интерес представляет, как советские ученые относились к атомному оружию, к тому, как избежать его использования, к возможным последствиям применения этого оружия, к установлению международного контроля над ним. Среди наших ученых-атомищиков, как и в Соединенных Штатах, к этим вопросам не было однозначного отношения, хотя подавляющее большинство из них без каких-либо колебаний приняло активное участие в создании атомной бомбы. И в первую очередь, представляет интерес позиция крупнейшего советского физика того времени академика П.Л. Капицы, который, как известно, не участвовал в создании атомного оружия².

Петр Леонидович Капица был прекрасно знаком с развитием ядерной физики. По-видимому, он первым из советских ученых публично указал на реальность использования ядерной энергии для создания атомного оружия. Выступая на антифашистском митинге ученых в Колонном зале Дома Союзов 12 октября 1941 г.,

---

¹ Впервые опубликовано: Тимурбаев Р.М. Об отношении академика Капицы и некоторых других советских ученых к атомному проекту, к атомной бомбе и контролю над ней // *Ядерный Контроль*. 1998. № 1 (37), январь-февраль. С. 62–70.

² Предисловие редакции журнала *Ядерный Контроль*, где была впервые опубликована данная статья. – *Прим. ред.*

Капица заявил: «Одним из основных орудий войны являются взрывчатые вещества. Наука указывает принципиальную возможность увеличить их взрывчатую силу в полтора-два раза. Но в последние годы открыты еще новые возможности – использование внутриатомной энергии. Теоретические подсчеты показывают, что если современная мощная бомба может, например, уничтожить целый квартал, то атомная бомба, даже небольшого размера, если она осуществима, могла бы уничтожить крупный столичный город с несколькими миллионами населения»³.

И, видимо, неслучайно в наиболее раннем документе по атомной проблеме, направленном Л.П. Берия на имя Сталина в марте 1942 г., в списке тех, кто рассматривался как возможный научный руководитель работ по расщеплению атомного ядра, на первом месте значился Капица. Начало работы И.В. Курчатова по созданию атомной бомбы относится к весне 1943 г.

Когда 20 августа 1945 г. Сталин образовал при Государственном комитете обороны СССР (ГКО) Специальный комитет по «руководству всеми работами по использованию внутриатомной энергии урана» под председательством Берия, он включил в него только двух ученых – Курчатова и Капицу. Оба они, наряду с некоторыми другими учеными и администраторами, вошли и в Технический совет при Специальном комитете, который возглавил Б.Л. Ванников⁴.

Однако уже 25 ноября 1945 г. Капица в письме на имя Сталина еще раз просил его освободить от работы по атомной бомбе (АБ). В письме ученый указывал: «Хоть и тяжело будет, но, во всяком случае, попробовать надо скоро и дешево создать АБ. Но не таким путем, как мы идем сейчас, он безалаберен и без плана». Далее он подробно излагал план действий по созданию атомного оружия и объяснял мотивы своего ухода: «Товарищи Берия, Маленков, Вознесенский ведут себя в Особом Комитете (имеется в виду Специальный комитет. – *Авт.*) как сверхчеловеки. В особенности тов. Берия. Правда, у него дирижерская палочка в руках. Это неплохо, но вслед за ним первую

³ Правда. 1941. 13 окт.

⁴ Полный текст постановления ГКО см.: Создание первой советской атомной бомбы / Гл. ред. В.Н. Михайлов, зам. гл. ред. А.М. Петросьянц. М.: Энергоатомиздат, 1995. С. 52–54.

скрипку все же должен играть ученый. Ведь скрипка дает тон всему оркестру. У тов. Берия основная слабость в том, что дирижер должен не только махать палочкой, но и понимать партитуру. С этим у Берия слабо»⁵. Капица был освобожден от участия в атомном проекте 21 декабря 1945 г., а затем – в августе 1946 г. – и от руководства Институтом физических проблем АН СССР, созданным им в 1935–1936 гг.

В дальнейшем, в письме на имя Н.С. Хрущева от 22 сентября 1955 г., Капица еще раз объяснил, почему он вышел из проекта: «[...] Единственной причиной, заставившей меня отказаться от этой работы, было невыносимое отношение Берия к науке и ученым. Мне думается, что моя тогдашняя критика начального хода развития атомных работ была в дальнейшем учтена и оказала пользу. Так что все нарекания на меня, что я, дескать, пацифист и поэтому отказался от работы по атомной бомбе, ни на чем не основаны. Хотя я лично не вижу, почему следует вменять в вину человеку, если он по своим убеждениям отказывается делать оружие разрушения и убийства?»⁶

Эта последняя фраза, как представляется, все же заставляет задуматься о подлинных причинах выхода Капицы из атомного проекта, хотя многие считают, в том числе и его жена, что он ушел из-за разногласий с Берия.

Так, американский исследователь Дэвид Холлоуей считает: «Письма [Капицы] ясно показывают, что его уход мотивировался не возражениями нравственного или политического порядка против создания бомбы, а его неудовлетворенностью отношением Берия к ученым и курсом на копирование США»⁷.

В том же духе высказывалась и жена Капицы Анна Алексеевна. На вопрос о существовании версии, что П.Л. сам не хотел заниматься созданием бомбы, она ответила так: «Он не хотел

---

⁵ Капица П.Л. Письма о науке. М., 1989. С. 237–247.

⁶ Следует отметить, что авторы книги «Создание первой советской атомной бомбы» неточно, а потому несправедливо утверждают, что Капица был отстранен от участия в атомном проекте (с. 370). Формулировка постановления [...] гласила: «Удовлетворить просьбу академика Капицы П.Л. и освободить его от работы в Специальном комитете при Совнаркоме СССР и Техническом совете указанного комитета. [...]». Текст постановления хранится в архиве П.Л. Капицы в Институте физических проблем РАН.

⁷ Капица П.Л. О науке и власти. М., 1990. С. 39.

иметь дело с Берия. Он не мог принимать в этом участия. Вначале он был в Атомном комитете, но потом написал то самое письмо Сталину, в котором указывал, что Берия – как *дирижер, который машет палочкой, не понимая партитуры*. Вот, например, Курчатов был очень хороший ученый, потрясающий дипломат и тактик. Он умел заставить наших правителей и уважать его, и слушать. Он умел подойти к ним с какой-то такой стороны, когда они чувствовали, что их не презирают, наоборот – *запанибрата*. [...] П.А. этого не мог. [...]»⁸.

Среди ряда современников и коллег Капицы, с которыми приходилось беседовать, существует убеждение, что ученый, зная о недоверии к нему всесильного Берия, возглавлявшего *Атомный проект*, искал удобный повод уйти в сторону без больших потерь и в конце концов нашел такой повод – написать письмо Сталину о том, что он не сработался с Берия. Петр Леонидович полагал, что, учитывая международный авторитет ученого, Сталин не позволит Берия физически расправиться с Капицей. Хотя ему пришлось уйти из основанного им института, все же он остался жив и смог продолжать плодотворную научную работу на своей даче на Николиной горе.

И тем не менее не подлежит сомнению, что для Капицы нравственный вопрос представлял большое значение. Это видно по многим источникам и, в частности, из его письма на имя В.М. Молотова, обнаруженного среди архивных документов МИД СССР. В этом письме, датированном 18 декабря 1945 г. (то есть за несколько дней до освобождения академика от работы над атомным проектом), он предложил выступить в печати со статьей, с тем чтобы «дать более объективное освещение» ситуации, которая «создалась в мировой науке в связи с вопросами атомной энергии». В изложенных в письме тезисах такой статьи Капица, в частности, писал⁹:

«1. Достигнутые успехи науки и техники в использовании атомной энергии, несомненно, по своей значимости отмечают новую эру в культуре человечества.

---

⁸ Holloway D. Stalin and the Bomb. Yale University Press, 1994. P. 141.

⁹ Здесь и далее пункты выбраны автором, нумерация сохранена в соответствии с оригиналом. – Прим. ред.

2. Главное значение технического использования атомных процессов – это то, что в руки человечества дан новый могущественный источник энергии. [...]

5. То, что происходит сейчас, когда атомную энергию расценивают первым делом как средство уничтожения людей, так же мелко и нелепо, как видеть главное значение электричества в возможности постройки электрического стула. Атомная энергия для бомб будет так же мало применяться в будущем, как электричество для электроказни.

6. Как ни значителен успех научной работы в Америке, но все же техника использования атомной энергии находится в своей инфантильной стадии, главное значение последних научных достижений в том, что показана возможность получения и управления атомной энергией в значительных масштабах. Но над ее практическим использованием надо еще много работать. [...]

9. [...] Главное значение в применении атомной энергии лежит в мирных культурных целях, где ей предстоит революционизировать энергетику и ряд других ведущих областей техники.

10. За годы войны советские инженеры и ученые, благодаря эвакуации основных научных учреждений и тяжести борьбы, которая легла непосредственно на них, должны были сосредоточить свои силы на вопросах, связанных непосредственно с войной и менее проблемного характера, чем атомная энергия. Это временно и помешало им принять участие в решении большого числа проблем, связанных с атомной энергией, как это удалось поставленным в более спокойные условия ученым, работавшим за океаном. Советские ученые всегда видели то колоссальное поле деятельности, которое раскрывают перед творческими работниками науки и техники вопросы, связанные с получением и использованием атомной энергии главным образом для мирного строительства.

11. Благодаря тому, что первый раз за историю науки ее результаты делаются секретными, работа ученых поставлена в нелепое положение. Ученым вместо того, чтобы дружно со своими коллегами за рубежом дополнять дости-

жения друг друга, приходится в значительной степени заниматься тем, что «открывать открытое». Это самый нездоровый путь развития мировой науки и техники, который может существовать.

12. История никогда еще не показала, что засекречиванием можно остановить развитие науки и техники в стране, где она находится на должном уровне. Это является следствием единого закона развития культуры всего человечества.

13. Несомненно, что последующие поколения будут рассматривать эти извращения в путях развития вопросов атомной энергии, этой важнейшей области мировой науки и техники, свидетелями которой мы являемся, примерно так же, как мы сейчас рассматриваем тот период средневековья, когда в интересах религии и ее служителей тормозилось развитие прогрессивной и передовой науки.

Капица завершает письмо Молотову словами, что «тезисы отражают то, что я сейчас думаю, и то, что, я уверен, *думают всюду большинство ученых* (выделено мной. – Авт.)». Ученый просил согласия на опубликование статьи, основанной на этих тезисах¹⁰.

Точка зрения Капицы относительно необходимости открытости в науке поразительно перекликается с мыслями Нильса Бора, изложенными в его известной статье «Энергия атома. Возможности и вызов. Взгляд ученого», опубликованной в газете *New York Times* 11 августа 1945 г. (то есть сразу же после атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки), в которой датский ученый впервые открыто высказал свои мысли о необходимости объединения усилий человечества и обеспечения возможности «международного регулирования» во имя того, чтобы «избежать всеобщей угрозы» (известно, что эта статья была подготовлена заблаговременно и только дождалась официального сообщения о применении ядерного оружия над Японией).

Первоначально Молотов высказался за то, чтобы разрешить Капице опубликовать статью. Его резолюция на письме – впоследствии зачеркнутая – гласила: «Т. Берия. По-моему, можно раз-

¹⁰ Зотиков И. Три дома Петра Капицы // Новый Мир. 1995. № 7, июль. С. 206.

решить Капице напечатать такую статью. В. Молотов». Видимо, в результате обмена мнениями между Молотовым и Берией появилась окончательная резолюция Молотова: «Сообщить т. Капице по телефону, что, по-моему, лучше подождать с этим».

Еще участвуя в атомном проекте, П.Л. ставил перед Спецкомитетом и добивался принятия решений по мирному использованию атомной энергии. Это зафиксировано в протоколах комитета и его Технического совета:

«Из протокола № 7 заседания Спецкомитета при СНК СССР. 26 октября 1945 г.

[Слушали]: О разработке мероприятий по использованию атомной энергии в мирных целях. [Постановили] Поручить Техническому Совету обсудить предложения Капицы П.Л. об использовании внутриатомной энергии в мирных целях, разработать план мероприятий в этой области и доложить его Спецкомитету. Председатель Спецкомитета при СНК СССР Л. Берия».

«Из протокола № 8 заседания Технического Совета Спецкомитета. 13 ноября 1945 г.

[Слушали]: Об организации исследовательских работ по использованию атомной энергии в мирных целях (поручение Специального Комитета). [Постановили]: поручить т. Капице П.Л. (созыв), Курчатову И.В., Первухину М.Г. в месячный срок подготовить и внести на рассмотрение Совета предложения об организации [...] исследовательских работ по использованию внутриатомной энергии в мирных целях. Председатель Технического Совета Б.Л. Ванников. Ученый секретарь А. Алиханов»¹¹.

Недавно стало известно (благодаря изысканиям секретаря комиссии по научному наследию Капицы П.Е. Рубинина), что русский ученый высказывал мысли о долге ученых в связи с новыми

---

¹¹ Цит. по: Гапонов В., Озеруд Ф., Рубинин П. Новый взгляд на поездку Я.П. Терлецкого к Н. Бору в 1945 году // Сборник трудов международного симпозиума «Наука и общество. История советского атомного проекта (40–50-е гг.). Труды». М.: ИздАТ, 1997. Т. 1. С. 495–496.

научными открытиями в письме на имя Нильса Бора в октябре 1945 г., а также в июле 1946 г. по случаю избрания его Датской академией своим иностранным членом.

В письме от 22 октября 1945 г. Капица писал: «В настоящее время я много раздумываю над проблемами международного сотрудничества работников науки, которое совершенно необходимо для здорового развития культуры во всем мире. Последние открытия в области ядерной физики – я имею в виду знаменитую атомную бомбу – показали еще раз, как мне кажется, что наука не является более «развлечением» университетской профессуры, а стала одним из тех факторов, которые могут повлиять на мировую политику. В наши дни существует опасность, что научные открытия, содержащиеся в секрете, могут послужить не всему человечеству, а могут быть использованы в эгоистических интересах отдельных политических и национальных группировок. [...]».

Отвечая на идею организации сотрудничества ученых, Бор пишет Капице 12 апреля 1946 г. письмо, в котором он информирует П.Л. об избрании его иностранным членом Датской академии наук и искусств и пишет: «Что касается организации международной конференции ученых, о которой Вы мне писали, то я убежден, что если Вы и некоторые из Ваших коллег смогли бы принять в ней участие, то многие из наших английских и американских коллег с радостью приветствовали бы встречу с нами здесь, в Копенгагене. И я готов, как только получу Ваш ответ, приступить к подготовке подобной встречи, которая, на мой взгляд, может быть организована в любое удобное для Вас время»¹².

При получении им диплома члена Датской академии в июле 1946 г. Капица сказал: «Сейчас, в связи с колоссальными возможностями, которые для человечества открыла атомная энергия, идея [...] интернационального сотрудничества науки подвергается большим опасностям. [...] Центр тяжести проблемы лежит, несомненно, не в военном применении новых открытий, а в той необычайной мощи энергетических источников, которые обе-

---

¹² Архив П.Л. Капицы в Институте физических проблем им. П.Л. Капицы РАН. Цит. по: Рубинин П. Нильс Бор и Петр Леонидович Капица // Успехи физических наук. Январь 1997. Т. 167. С. 106.

щает предоставить человечеству атомная энергия и которые, как можно ожидать, со временем совершенно изменят весь облик нашей культуры. Те опасности, которым подверглось развитие науки в этом направлении, несомненно, самым губительным образом могут сказаться на ходе развития науки и прогресса. [...]

Наши точки зрения (с Нильсом Бором) совпадают в том отношении, что ученые должны выступить с протестом против засекречивания работ в этом направлении и против всяческих попыток превращения одного из самых замечательных научных достижений в игрушку узко империалистических устремлений или агрессивных замыслов отдельных стран»¹³.

Спустя месяц Сталин подписывает постановление, в котором снимает Капицу со всех его постов и освобождает его от руководства созданным им Институтом физических проблем. Такова была кара за отказ сотрудничать с Берия в создании атомной бомбы.

Капица, несмотря на отказ Берии и Молотова дать ему возможность довести до общественности свою позицию по атомной бомбе, после смерти Сталина пишет еще одну статью и направляет ее на этот раз Хрущеву. В статье *Ядерная энергия*, датированной 11 января 1955 г. и направленной тогдашнему советскому руководителю 16 января, он подробно описывает свое видение развития использования ядерной энергии, не лишенное актуальности и сегодня. П.Л. затрагивает и вопросы контроля над энергией атома.

Он, в частности, пишет: «Так неужели же всегда существовавшая среди людей рознь в политических, религиозных и других мировоззрениях может привести к использованию термоядерной бомбы, как к методу доказательства своей правоты и этим самым к общей гибели? Очевидно, сейчас есть один выход из создавшегося положения, это категорическое запрещение любого типа атомного оружия и *осуществление строжайшего общественного международного контроля* за выполнением этого запрещения» (выделено мной. – Р.М.)¹⁴.

Капица настойчиво подчеркивает свою принципиальную убежденность в необходимости рассекречивания атомных работ:

---

¹³ Там же. С. 102.

¹⁴ Исторический Архив. 1994. № 6. С. 122.

«Поскольку обе стороны располагают примерно одинаковым количеством знаний в этой [атомной] области, естественно появляется возможность рассекретить эти знания и сделать их достоянием ученых всего мира. Просматривая научную литературу, нетрудно заметить, что такое пока еще робкое рассекречивание ядерной физики уже началось, и можно с уверенностью предсказать, что оно полностью завершится через несколько лет – срок, который нужен соответствующим государственным органам, ответственным за секретность, чтобы осознать и полностью разобратся в создавшемся положении.

Рассекречивание ядерной физики нужно приветствовать, так как оно, несомненно, приведет к прогрессу в научных работах над мирным применением ядерной энергии. Сразу же будет вовлечен в эту работу круг ученых и начнется сотрудничество ученых, работающих в различных областях знания; этого сейчас остро недостает. [...]

Пока главным тормозом, мешающим развитию этой объединенной работы, является *секретничество*, связанное с научной работой по ядерным процессам. Это мешает объединяться в работе не только ученым в международном масштабе, но, как это видно из иностранной прессы, даже ученым внутри одной страны.

Я уже указал, что сейчас, когда гонка атомного вооружения пришла в тупик, есть все основания предвидеть, что уже в ближайшие годы в области ядерной физики секретность должна прекратиться, и это сразу приведет к расцвету науки. Но не надо забывать, что на пути к международному общению ученых все же останется и другое крупное препятствие – это *холодная война* и ее исток – классовая нетерпимость к коммунистическому мировоззрению. Для любого прогрессивно мыслящего человека в этой нетерпимости, конечно, не может не чувствоваться возрождения средневековых методов борьбы с новыми идеями в науке, подобных тем, которые были когда-то организованы против Коперника, Галилея и их последователей. Людям уже давно следовало понять, что никогда и нигде полицейскими мероприятиями нельзя опровергнуть передовое мировоззрение и приостановить его развитие. Хотелось бы верить, что в наш век такая ситуация долго продолжаться не может и дружное международное сотрудничество ученых снова возро-

дится, и это сразу же двинет вперед мирное применение ядерной энергии»¹⁵.

Как представляется, достаточно откровенные ссылки Капицы на полицейский режим в науке имели вполне определенный адрес, что конечно же и определило решение ЦК КПСС о нецелесообразности опубликования статьи академика¹⁶.

Так каковы все же были истинные причины нежелания Капицы участвовать в советском атомном проекте? Однозначного ответа на этот вопрос, видимо, нет.

Академик И.М. Халатников выдвигает весьма правдоподобную версию. По его мнению, для П.Л. сразу же возникла проблема его роли в атомном проекте. Руководить многотысячным коллективом было не в духе Капицы, он должен был найти свое место, в котором его могучий ум ученого и инженера мог себя проявить. Ему же приходилось подолгу участвовать в заседаниях, на которых председательствовал Берия. Могущественный сановник был хорошо информирован разведкой о конструкции американской бомбы, которая уже сработала. Естественной была идея, что нужно идти по этому самому пути.

Капица же почти наверняка не располагал такой информацией и как человек, всегда мыслящий оригинально, стал думать об альтернативных решениях и продвигать их на заседаниях Специального комитета. А поскольку Берия знал больше об американском проекте, чем Капица, его это, продолжает Халатников, очень раздражало. Возникло взаимное раздражение, и ситуация стала критической. Берия к этому моменту понял, что Капица ему для атомных дел не нужен и с ним можно разделиться.

И тут Капица находит нетривиальный и рискованный ход: он пишет Сталину, что Берия руководит атомным проектом, ничего не понимая в сути дела. Последствия этого хода, по мнению академика Халатникова, П.Л. рассчитал, по-видимому, правильно. Он выиграл: спас себе жизнь. Его могли бы обвинить во вредительстве, а хорошо известно, чем в те времена кончались подобные обвинения¹⁷.

---

¹⁵ Исторический Архив. 1994. № 6. С. 124 и 128.

¹⁶ Докладная записка отдела науки и культуры ЦК КПСС о статье П.Л. Капицы «Ядерная энергия» от 27 января 1955 г.

¹⁷ Капица П.Л. Воспоминания, письма, документы. М.: Наука, 1994. С. 209–211.

А.Д. Сахаров в своих воспоминаниях пишет, что Капица, отказавшись принимать участие в разработке атомного оружия, «выдвигал тогда на первый план не идейные соображения, а несогласие по организационным проблемам и нежелание подчиняться людям, которых он считал ниже себя в научном отношении. [...] Я думаю, что тут была не только уловка, а действительное сочетание разнородных причин, в какой комбинации – трудно сказать».

Что касается позиции самого Сахарова, то, как он пишет в своих мемуарах, главным для него и других участников группы акад. И.Е. Тамма, работавшей над созданием термоядерного оружия, было *внутреннее убеждение, что эта работа необходима*: «Я не мог не сознавать, какими страшными, нечеловеческими делами мы занимались. Но только что окончилась война – тоже нечеловеческое дело. Я не был солдатом в той войне – но чувствовал себя солдатом этой – научно-технической. [...] Со временем мы узнали, или сами додумались до таких понятий, как стратегическое равновесие, взаимное термоядерное устрашение и т.п. Я и сейчас думаю, что в этих глобальных идеях действительно содержится некоторое (быть может, и не вполне удовлетворительное) интеллектуальное оправдание создания термоядерного оружия и нашего персонального участия в этом»¹⁸.

А.Д. [Сахаров] занимался работами, связанными с разработкой термоядерного оружия, и примыкающими темами двадцать лет – с июня 1948 г. по июль 1968 г., когда он был отстранен от секретных работ. В предисловии к изданному в США в 1974 г. сборнику *Sakharov Speaks* он пишет, что ощутил себя ответственным за проблему радиоактивного заражения при ядерных испытаниях, начиная с 1957 г. Стал писать докладные записки И.В. Курчатову, Н.С. Хрущеву, выступать на совещаниях. Возражал против возобновления ядерных испытаний в 1961 г., которые положили конец трехлетнему советско-американско-английскому мораторию на ядерные взрывы. В 1962 г. ставил перед министром среднего машиностроения Е.П. Славским вопрос о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах. В 1963 г. заключением Московского договора эта идея была реализована¹⁹.

¹⁸ *Знамя*. 1990. № 11, ноябрь. С. 129.

¹⁹ *Сахаров А.Д.* Мир, прогресс, права человека. Статьи и выступления. Ленинград: Советский писатель, 1990. С. 5–7.

Нужно сказать, что Капица с большим пониманием и симпатией относился к жизненной позиции и деятельности А.Д. Сахарова. Как свидетельствует друг Капицы Ю.П. Любимов, когда между ними был разговор о том, как разрядить обстановку вокруг Сахарова, Петр Леонидович сказал: «Что же делать, Юрий Петрович? Они даже не понимают, какого уровня этот ученый. И второе: они совершенно не понимают, что у него комплекс вины. Я ведь не стал делать бомбу для них, а Андрей Дмитриевич стал. [...]».

Далее Ю. Любимов так оценивает действия Капицы в 1945 г.: «То была вовсе не отчаянная, безумная храбрость, которая ничего не дает – кроме ареста. Он все рассчитал, включая и письма свои к Сталину, в которых он писал, что Берия – дирижер, не умеющий читать партитуру. Все рассчитал и пришел к выводу, что он это должен сделать. Зато ему потом будет гораздо спокойнее. Его не будет грызть совесть. И ему не придется работать с Берией. Вместе с ним создавать советскую атомную бомбу. [...]»²⁰.

В одном из рассекреченных документов КГБ («Тезисы в отношении Капицы П.Л.», 24.03.60, без подписи), переданных семье П.Л. Капицы в 1995 г. и основанном, судя по всему, на донесениях агентов и данных оперативной техники, излагается разговор П.Л. Капицы с его близким другом, английским физиком Полем Дираком в октябре 1956 г., когда Дирак приезжал в Москву. Разговор был очень личным, при котором никто из посторонних присутствовать не мог. Прочитируем эти тезисы: «Разговор в октябре 1956 г. с английским физиком *Дираком*. [...] Заявление *Дираку* о том, что не хотел отдавать себя работе над созданием атомной бомбы, считая ее *позорной*»²¹.

Следует упомянуть также о позиции академика Л.Д. Ландау, который руководил теоретическим отделом в институте Капицы. Известно, что Ландау участвовал в атомном проекте как физик-теоретик на начальной стадии. Он получил звание Героя Социалистического Труда, был трижды удостоен Сталинской премии²², однако занимался спецработами (как тогда было принято говорить) не по убеждению, что видно из докладной

²⁰ Капица П. Воспоминания, письма, документы. С. 299.

²¹ Архив Капицы в Институте физических проблем РАН. Сообщено П.Е. Рубининым.

²² Как известно, Л.Д. Ландау был и лауреатом Нобелевской премии по физике.

записки председателя КГБ И.А. Серова на имя заведующего отделом науки ЦК КПСС В.А. Кириллина от 20 декабря 1957 г.

КГБ докладывал на основании агентурных данных и оперативной техники, что еще в 1952 г. он был занят мыслью сделать как можно меньше. По данным КГБ, Ландау говорил, что разумный человек должен стараться держаться как можно дальше от практической деятельности подобного рода. Надо употребить все силы, чтобы не войти в гушу атомных дел. В то же время всякий отказ и самоустранение от таких дел должны делаться очень осторожно.

Ландау считает, сообщал КГБ, что целью умного человека, желающего, если возможно, счастливо прожить свою жизнь, является максимальное самоотстранение от задач, которые ставит перед собой государство, тем более советское государство, которое построено на угнетении.

В конце марта (1955), докладывал КГБ, Ландау был вызван вместе с [академиком В.Л.] Гинзбургом к [министру среднего машиностроения А.П.] Завенягину по поводу спецдеятельности. [...] В разговоре с источником Ландау высказывался очень резко по адресу Зельдовича, «от которого идут всякие пакости». Ландау сказал источнику, что он ни за что не согласится опять заниматься спецделами и что ему неприятно вести об этом разговор. По дороге в министерство Ландау предупредил Гинзбурга, чтобы он не вздумал заявить, что Ландау ему нужен для предстоящей работы. Ландау рассказывал источнику после, говорилось далее в докладной КГБ, что министр принял его весьма вежливо и любезно и держался очень хорошо. Ландау быстро убедил присутствующих, что ему не следует заниматься спецработой, но, как он сам выразился, не мог отказаться от предложения изредка разговаривать по этим вопросам. «На самом же деле, конечно, никаких разговоров и не будет», – сказал Ландау²³.

Завершим статью словами Ю.Б. Харитона, который, наряду с И.В. Курчатовым, внес решающий вклад в создание и совершенствование советского ядерного арсенала: «Сознавая свою причастность к замечательным научным и инженерным свер-

---

²³ ЦХСД. Ф. 89. Оп. 18. Д. 24. Л. 170–186. Опубликовано в: Исторический Архив. 1993. № 3. С. 151–161.

шениям, приведшим к овладению человечеством практически неисчерпаемым источником энергии, сегодня, в более чем зрелом возрасте, я уже не уверен, что человечество созрело до владения этой энергией. Я осознаю нашу причастность к ужасной гибели людей, к чудовищным повреждениям, наносимым природе нашего дома – Земли. Слова покаяния ничего не изменят. Дай Бог, чтобы те, кто идет после нас, нашли пути, нашли в себе твердость духа и решимость, стремясь к лучшему, не натворить худшего»²⁴.

---

²⁴ Особое выступление Юлия Борисовича Харитона. (J. Robert Oppenheimer Memorial Committee. July 1995. P. 8.)

РАЗДЕЛ III

ПЕРВЫЕ ШАГИ НА ПУТИ К ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ. ИСТОРИЯ ПЕРЕГОВОРОВ ПО ДНЯЮ

Ирландская резолюция¹

Первой предметно поставила перед Организацией Объединенных Наций проблему предотвращения дальнейшего распространения оружия Ирландия. Следует особо отметить личную инициативу в этом вопросе ее министра иностранных дел Фрэнка Эйкена, который проявлял большую настойчивость в продвижении предложения о ядерном нераспространении².

В октябре 1958 г. на XIII сессии Генеральной Ассамблеи ирландская делегация предложила проект резолюции, в котором констатировалось «наличие [...] опасности того, что увеличение числа государств, обладающих ядерным оружием, может вызывать усугубление международного напряжения и трудности в поддержании мира во всем мире, а также создание таким обра-

---

¹ Из кн.: Тиммербаев Р.М. Россия и ядерное нераспространение. С. 165–171.

² Автор капитального труда по ядерному нераспространению Мохамед Шакер писал об Эйкене: «Высокие идеалы министра иностранных дел Ирландии г-на Фрэнка Эйкена, как можно видеть из его заявлений и публикаций, явно были катализаторами позиции его страны» (*Shaker Mohamed. The Nuclear Non-Proliferation Treaty. London, Rome, New-York: Oceana Public., Inc. 1980. P. 3.*)

зом больших затруднений для достижения общего соглашения о разоружении» (п. 2 Преамбулы). Проект резолюции предлагал «учредить специальный комитет для изучения опасностей, неразрывно связанных с дальнейшим расширением использования ядерного оружия» и рекомендовал XIV сессии Генассамблеи «принять соответствующие меры для предотвращения этих опасностей»³.

Сообщая в Москву об этом проекте, советская делегация предлагала воздержаться при его голосовании. Позиция США и Англии была ей еще не известна, однако делегация высказывала предположения, что США не поддержат этот проект, поскольку «он в известной мере направлен против оснащения бундесвера ядерным оружием». В Москве Громыко, докладывая ЦК КПСС об ирландском проекте, высказал мнение, что «такая направленность ирландского проекта отвечает нашим интересам», и предложил, чтобы советская делегация проголосовала за проект. Предложение Громыко было утверждено Политбюро ЦК КПСС⁴.

В докладной записке Громыко не содержалось каких-либо соображений относительно *китайского* аспекта проблемы нераспространения, хотя, казалось бы, этот момент должен был быть отражен: ведь в тот период Советский Союз еще продолжал оказывать Китаю помощь в создании ядерного оружия. Однако в Москве уже начинали задумываться над дальнейшим отношением к предоставлению КНР содействия в овладении ядерным оружием. Незадолго до открытия сессии ООН, в конце июля 1958 г., Пекин посетил Хрущев, его беседы с Мао Цзэдуном носили напряженный характер. Но помощь Китаю в атомной области была прекращена только в 1959 г. Видимо, поэтому делегация в Нью-Йорке и предлагала занять осторожную позицию, но в Москве решили поступить иначе и поддержать предложение Ирландии, направленное на нераспространение ядерного оружия.

Ирландская делегация, однако, не настаивала на постановке всего проекта резолюции на голосование, довольствовавшись тем, что было проведено голосование по пункту 2 Преамбулы, который был принят 37 голосами при 44 воздержавшихся. СССР

³ Док. ООН А/С1/Л.206.

⁴ АВП РФ. Ф. 047. Оп. 4. П. 97. Д. 28. Л. 145–158.

голосовал за этот пункт, признававший опасность увеличения числа ядерных государств. Советская делегация не пояснила свою позицию и предпочла не выступать по мотивам голосования.

Американцы же и их союзники воздержались по пункту 2 Преамбулы, очевидно, считая, что выражение поддержки признанию опасности распространения создавало бы *психологический барьер* предпринимавшимся тогда Соединенными Штатами мерам по размещению в Европе ракет *Тор* и *Юпитер*⁵.

На следующей сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1959 г. Ирландия внесла вопрос о предотвращении распространения ядерного оружия в повестку дня и 28 октября предложила проект резолюции, в котором признавалась опасность распространения ядерного оружия и содержалась рекомендация Женевскому комитету 10 государств по разоружению⁶ рассмотреть возможность заключения международного соглашения, подлежащего инспекции и контролю, в соответствии с которым державы, производящие ядерное оружие, воздержались бы от передачи контроля над таким вооружением любым государствам, не обладающим им, а страны, не обладающие таким оружием, воздерживались бы от его производства⁷.

Ирландская резолюция 1959 г. «О предупреждении более широкого распространения ядерного оружия» была принята 68 голосами при 12 воздержавшихся, «против» голосов подано не было. В основном пункте резолюции говорилось:

«Генеральная Ассамблея [...]

1. **Высказывает пожелание** о том, чтобы в ходе своих прений Комитет десяти государств по разоружению рассмотрел вопрос о соответствующих средствах предотвращения этой опасности (опасности того, что может произойти увеличение числа государств, обладающих ядерным ору-

⁵ См.: *Shaker Mohamed*. Op. cit. P. 12.

⁶ Комитет десяти государств по разоружению был создан в сентябре 1959 г. по соглашению между СССР, США, Англией и Францией в составе 10 государств, входящих в НАТО и Варшавский договор. Он просуществовал до июня 1960 г., когда делегации стран – участниц Варшавского пакта вышли из него, сославшись на то, что он превратился в «ширму для прикрытия гонки вооружений».

⁷ Док. ООН A/4286 para. 5. (A/C.1/L.235/Rev.1-3).

жием. – *Авт.*), включая возможность заключения подлежащего инспекции и контролю международного соглашения, на основе которого государства, производящие ядерное оружие, воздержались бы от передачи контроля над таким оружием любой стране, не обладающей ядерным оружием, а государства, не обладающие таким оружием, воздержались бы от производства его»⁸.

Ирландский проект 1959 г. содержал новое положение о **непередаче контроля** над ядерным оружием, которое явно было заимствовано из американского атомного законодательства, принятого в 1958 г. Смысл этого положения закона состоял в том, что США не будут передавать контроль над самим оружием (и, следовательно, право его применения), сохраняя, однако, за собой возможность передавать своим союзникам информацию, необходимую, например, для обучения войск обращению с ядерным оружием.

США проголосовали за резолюцию. А Советский Союз, высказав обеспокоенность по поводу распространения ядерного оружия, не поддержал ирландскую резолюцию и воздержался при голосовании, мотивировав свою позицию тем, что в резолюции не предусматривались случаи доставки ядерного оружия на территорию союзного государства. Реальная опасность, по мнению советской делегации, состояла не в тайной передаче ядерного устройства, а в **открытом размещении** ядерного оружия на союзных территориях и базах. Франция также воздержалась при голосовании на том основании, что передачу расщепляющихся материалов и ядерного оружия трудно, если вообще возможно, проконтролировать⁹.

Комитет десяти государств по разоружению заседал в 1960 г. в течение нескольких месяцев в Женеве, но, несмотря на обращение к нему Генеральной Ассамблеи ООН, проблемой нераспространения ядерного оружия так и не занялся.

2 июня 1960 г. Хрущев направил главам правительств всех стран послание, к которому были приложены предложения

---

⁸ Резолюция 1380 (XIV). Приводится по: Сборник документов МИД СССР. Т. III (1959–60). С. 921.

⁹ United Nations... P. 259.

советского правительства об основных положениях договора о всеобъемлющем и полном разоружении. Одно из положений первого этапа проекта договора предусматривало:

«5. Государства, располагающие ядерным оружием, берут на себя обязательство не передавать такое оружие или информацию, необходимую для его производства, государствам, которые не обладают таким оружием. Одновременно государства, не обладающие ядерным оружием, обязуются воздерживаться от производства этого оружия».

Хотя это положение советского проекта не содержало требования о запрещении размещения американского ядерного оружия на территории союзников США, однако предложения о неразмещении содержались в других пунктах проекта Договора¹⁰.

В том же 1960 г. на сессии Генассамблеи Ирландия вновь внесла проект резолюции по нераспространению ядерного оружия. Ирландский проект, к которому в качестве соавторов присоединились делегации Японии, Ганы, Мексики и Марокко, призывал все правительства прилагать «всяческие усилия для достижения постоянного соглашения о предотвращении более широкого распространения» ядерного оружия. Новым моментом в проекте был призыв к государствам, производящим такое оружие, в качестве **временной и добровольной меры впредь и до заключения постоянного соглашения**, воздерживаться от передачи контроля над ядерным оружием неядерным государствам, а последним – воздерживаться от производства такого оружия и от иного рода попыток его приобрести¹¹.

Призыв Ирландии к незамедлительному принятию мер по нераспространению имел под собой серьезные основания. Именно в тот период в средствах массовой информации стали все чаще появляться сообщения об атомных программах и практических действиях целого ряда государств в области использования атомной энергии, что вызывало озабоченность международной общественности.

¹⁰ Сборник документов МИД СССР. Т. III. С. 499–511.

¹¹ Док. ООН. А/С1/L.253/Rev.1. Приводится по: там же. С. 832–833.

Советский Союз поддержал проект, подчеркнув опасность передачи ядерного оружия Западной Германии в той или иной форме. Страны НАТО разделились: Канада, Дания, Исландия и Норвегия были за ирландское предложение, а США, Англия, Франция, Италия и Нидерланды не поддержали его. Американцы воздержались по проекту, сославшись на то, что «ядерные державы не могут ожидать от других стран, что они будут бесконечно отказываться от такого (ядерного. – *Авт.*) оружия, которое может потребоваться для их обороны, в то время как они, ядерные державы, отказываются взять на себя ответственность за прекращение наращивания своих ядерных арсеналов и отказываются начать процесс уничтожения ядерного оружия». Делегация США подвергла критике и то, что в ирландской резолюции предлагались неконтролируемые обязательства государств¹².

Из приведенной мотивировки видно, что США еще не были готовы занять определенную линию в пользу *безусловного* нераспространения ядерного оружия. Именно в момент принятия ирландской резолюции, в декабре 1960 г., Госсекретарь США Кристиан Гертер выступил на сессии Североатлантического альянса с предложением о создании многосторонних ядерных сил НАТО. Очевидно, не в последнюю очередь на позицию некоторых стран НАТО в отношении ирландской резолюции повлияло то, что Франция как раз в 1960 г. приступила к проведению ядерных испытаний.

Ирландская резолюция была принята 20 декабря 1960 г. 68 голосами при 26 воздержавшихся, голосов против подано не было¹³.

«Генеральная Ассамблея [...]

1. **Призывает все государства**, в особенности государства, обладающие в настоящее время ядерным оружием, приложить всемерные усилия к обеспечению заключения международного соглашения, содержащего постановления, согласно которым ядерные державы обязывались бы

¹² Цит. по: *Shaker Mohamed*. Op. cit. P. 21–22.

¹³ Резолюция 1576(XV). Текст см.: Сборник документов МИД СССР. Т. III. С. 925–926.

воздерживаться от передачи контроля над ядерным оружием и от передачи сведений, необходимых для производства этого оружия, государствам, не обладающим таким оружием, а также постановления, согласно которым государства, не обладающие ядерным оружием, обязывались бы не производить такого оружия или каким-либо иным способом приобретать контроль над ним»¹⁴.

Проект был более простым, чем предыдущий, он не предлагал принятия временных мер и встретил всеобщую поддержку. Хотя некоторые делегации высказали сожаление, что проект, запрещая **передачу контроля** над ядерным оружием, не содержал запрета на **физическую передачу** такого оружия и, следовательно, не предупреждал возможность передачи ядерного оружия неядерным странам при сохранении ядерными державами контроля за его применением»¹⁵.

Ирландскую резолюцию на этот раз поддержали обе основные ядерные державы – СССР и США, где к власти пришла новая администрация Кеннеди, и она была одобрена единогласно¹⁶. Нужно, однако, отметить, что обе державы выступили на сессии со своими предложениями по другим вопросам разоружения, в которых зафиксировали отличающиеся в существенных аспектах позиции своих стран по нераспространению ядерного оружия.

Представитель США при ООН Эдлай Стивенсон направил председателю Генассамблеи 25 сентября 1961 г. «Заявление о разоружении – предлагаемая США программа всеобщего и полного разоружения в условиях мира во всем мире». Статья I американской программы содержала следующий пункт:

«е) Государства, располагающие ядерным оружием, не передают контроля над таким оружием государствам, которые не обладают им, и не передают таким государст-

---

¹⁴ Док. ООН А/С.1/L.298/Rev.1. Приводится по: Сборник документов МИД СССР. Т. IV (1961). С. 483.

¹⁵ United Nations... P. 262–263.

¹⁶ Резолюция 1685(XVI). Текст см.: Сборник документов МИД СССР. Т. IV. С. 521–522.

вам сведений или материалов, необходимых для их производства. Государства, не располагающие ядерным оружием, принадлежащим другим государствам, также не добиваются и не получают информации или материалы, необходимые для производства такого оружия»¹⁷.

Советский Союз, со своей стороны, на следующий день внес «Меморандум о мерах, направленных на разрядку международной напряженности, укрепление доверия между государствами и содействующих всеобщему и полному разоружению». Он содержал раздел «О мерах против дальнейшего распространения ядерного оружия», в котором акцент делался на недопущение передачи атомного оружия в распоряжение ФРГ. Если сейчас вопрос о ликвидации ядерного оружия вызывает такие трудности, указывалось в советском меморандуме, «то чего же можно ожидать, если ядерным оружием будет владеть не три-четыре, а, скажем, десяток государств Востока и Запада?»¹⁸

Советская поддержка ирландской резолюции объясняется еще и тем, что одновременно по предложению Швеции была одобрена резолюция Генеральной Ассамблеи, в которой принималось к сведению предложение о том, что «следует обследовать условия, на которых страны, не обладающие ядерным оружием, были бы готовы принять конкретные обязательства воздерживаться от производства или приобретения иными способами такого оружия, а также **не разрешать размещать в будущем на своих территориях** (выделено мной. – *Авт.*) ядерного оружия другим странам», и поручалось Генеральному секретарю ООН подготовить такое исследование¹⁹. Шведская идея создания «безъядерного клуба» в противовес «ядерному клубу» получила название «плана Ундена» – по имени министра иностранных дел Швеции Эстена Ундена²⁰.

---

¹⁷ Док. ООН А/4891. Приводится по: Сборник документов МИД СССР. Т. IV. С. 305.

¹⁸ Док. ООН А/4892. Приводится по: там же. С. 325–326.

¹⁹ Док. ООН А/С.1/L.297. Приводится по: Сборник документов МИД СССР. Т. IV. С. 458–459.

²⁰ План Ундена был внесен в ООН после дискуссий в шведском риксдаге, где еще шли дебаты относительно того, стоит ли Швеции или нет обзаводиться

Делегация СССР (от ее имени выступил Л.И. Менделевич²¹) поддержала принятие шведского проекта, хотя и высказала критическое замечание в отношении слов «в будущем», считая, что эти слова ослабляют резолюцию²². США же заявили, что будут голосовать против, поскольку ее одобрение могло бы нанести ущерб существующим оборонительным соглашениям²³. Шведская резолюция была принята 58 голосами против 10 при 23 воздержавшихся (резолюция 1664 (XVI)).

собственным ядерным оружием. План был одобрен парламентом. Несколько позднее, когда в мае 1963 г. Финляндия выступила с предложением о создании на Севере Европы безъядерной зоны в составе Дании, Норвегии, Швеции и Финляндии, получившей название *плана Кекконена*, Швеция, несмотря на то, что все названные страны фактически были безъядерными, прохладно отнеслась к инициативе Финляндии. Она предпочитала образование более широкого *безъядерного клуба*. Сдержанное отношение к *плану Кекконена* проявили и другие скандинавские страны.

²¹ Лев Менделевич (1918–1989) – в 1963–1965 гг. работал заместителем заведующего Отделом международных организаций, в 1965–1968 гг. – заведующим Отделом стран Латинской Америки, позднее – послом в Дании.

²² Сборник документов МИД СССР. Т. IV. С. 484–486.

²³ United Nations... P. 264.

Переговоры по Договору о нераспространении ядерного оружия¹

Рассмотрение проблемы предотвращения дальнейшего распространения ядерного оружия в ООН и в Женевском комитете по разоружению в конце 1950-х – первой половине 1960-х гг. и параллельно проходившие консультации и контакты по этому вопросу между СССР и США подготовили почву для основательных переговоров по заключению ДНЯО, сначала между этими державами, а затем в Женевском комитете 18 государств по разоружению и, наконец, на Генеральной Ассамблее ООН. Эти переговоры продолжались без малого два года – с сентября 1966 по июнь 1968 г.

1. Канун переговоров

Осенью 1966 г., в период работы XXI сессии Генеральной Ассамблеи ООН, в Нью-Йорке начались конфиденциальные советско-американские переговоры по ДНЯО.

Этому предшествовали интенсивные консультации между делегациями СССР и США в Комитете 18-ти летом 1966 г., проходившие на фоне дальнейших подвижек в американской позиции по многосторонним ядерным силам НАТО. Эти подвижки вытекали из постепенного пересмотра отношения Соединенных Штатов к проблеме МЯС² и «разделения ядерной ответственности» в рамках Североатлантического союза, а также из все более отчетливого понимания неотложного характера проблемы предотвращения распространения ядерного оружия и необходимости заключения ДНЯО.

---

¹ Из кн.: Тилмербаев Р.М. Россия и ядерное нераспространение. С. 250–259.

² Подразумеваются многосторонние ядерные силы. – *Прим. ред.*

По свидетельству Сиборга, важным фактором в произошедшем сдвиге в позиции администрации США был «феномен» Дина Раска, тогдашнего американского госсекретаря. Начиная с середины 1966 г., он «перестал быть частью проблемы, а стал частью ее решения»³. В немалой степени этому сдвигу способствовала позиция руководства Агентства по контролю над вооружениями и разоружению (АКВР) – прежде всего директора агентства Уильяма Фостера и его заместителя Адриана Фишера, которые последовательно и настойчиво отстаивали в межведомственных дискуссиях важность, с точки зрения национальных интересов США, скорейшего заключения ДНЯО⁴. В июне 1966 г. Раск предложил межведомственной рабочей группе подготовить упрощенный вариант основных статей Договора с учетом советской позиции.

В том же июне 1966 г. Раск предложил межведомственной рабочей группе подготовить упрощенный вариант основных статей Договора с учетом советской позиции о необходимости запрета «физического доступа» к ядерному оружию неядерных государств⁵. Можно с определенностью говорить о том, что указание Раска было согласовано с президентом Джонсоном⁶, потому что вскоре после этого, на пресс-конференции 5 июля, президент заявил, что появилась возможность достижения «взаимоприемлемого компромисса» с русскими по тексту договора.

---

³ Выражение принадлежит Сперджену Кини мл. сотруднику аппарата Белого Дома, в дальнейшем заместителю директора АКВР, а ныне президенту неправительственной организации Ассоциации по контролю над вооружениями и редактору издаваемого ею журнала *Arms Control Today*. Приводится по: *Seaborg G. Stemming the Tide, Arms Control in the Johnson Years*. Lexington (MA); Toronto: Lexington Books, 1986. P. 189.

⁴ На эту сторону справедливо обратил внимание журнал *Arms Control Today* в 1997 г., когда администрация США решила прекратить самостоятельное существование АКВР и подчинить его госдепартаменту. Сперджен Кини писал в этой связи: «В период администрации Джонсона настойчивые усилия АКВР договориться о ДНЯО, вопреки оппозиции госдепартаменту, дали возможность Джонсону пойти на этот договор, несмотря на возражения наших основных союзников» (*Arms Control Today*. 1997. Apr. P. 2).

⁵ FRUS. Vol. XI. (1964–1968). *Arms Control and Disarmament*. Wash, (D.C.): U.S. Gov. Print. Office. P. 334–339.

⁶ Линдон Джонсон – 36-й президент США от Демократической партии (1963–1969), 37-й вице-президент США при президенте Джоне Кеннеди (1961–1963). – *Прим. ред.*

8 июля 1966 г. заместитель директора АКВР Адриан Фишер предложил компромиссную формулировку, предусматривавшую запрет на «передачу ядерного оружия любому государству, не обладающему ядерным оружием, или любой группировке государств»⁷. Представитель США в Комитете 18-ти (он же директор АКВР Фостер) прилетел в Вашингтон и добился получения указаний, одобренных Раском, переговорить «на личной основе» и *ad referendum*⁸ с новым советским представителем А.А. Рошиным, незадолго до этого сменившим в Женеве С.К. Царапкина (который был назначен послом в Бонн), и выяснить «личное мнение» Рошина относительно возможной договоренности.

В инструкциях американскому представителю от 27 июля говорилось:

«Вы должны сказать ему (представителю СССР. – *Авт.*), что на Вас произвело впечатление, какой упор он делает на запрет «передачи» ядерного оружия. Добавьте к этому, что Вы обдумывали, какие рекомендации направить в Вашингтон [...], и Вы были бы благодарны за обмен мнениями на личной основе с тем, чтобы можно было представить Ваши рекомендации до конца недели. [Скажите, что], как Вы понимаете, ни он, ни его правительство никоим образом не будет связано его мнением, так же как Вы и Ваше правительство не будет связано Вашим предложением».

Представителю США (в Женеве в это время был Фишер, а его начальник Фостер находился в Вашингтоне) было поручено предложить Рошину следующий текст:

---

⁷ *Bunn G. Arms Control by Committee. Managing Negotiations with the Russians. Stanford (CA): Stanf. Univ. Press, 1992. P. 75; Seaborg Glenn T. Op. cit. P. 189.*

⁸ *Ad referendum* (lat.) – для доклада вышестоящей инстанции. Как поясняет Банн, было отдано предпочтение такому личному обращению, чтобы оставить возможность дезавуирования на тот случай, если Советский Союз использовал бы согласие на формулу о «непередаче» с целью поставить США в затруднительное положение перед союзниками по НАТО, с которыми этот вопрос не согласовывался (*Bunn G. Op. cit. P. 75*).

«Каждое из государств – участников настоящего Договора, обладающих ядерным оружием, обязуется не передавать ядерное оружие какому-либо государству, не обладающему ядерным оружием, и не помогать, не поощрять и не побуждать какое-либо государство, не обладающее ядерным оружием, к производству или к приобретению каким-либо иным способом ядерного оружия».

Слова «или любой группировке государств» не были включены в передаваемый Рошину текст. В этой связи Фишеру было дано указание:

«Если Рошин спросит, почему отсутствует формулировка о группировках государств, [...] Вам следует ответить, что цель Вашего предложения состоит в том, чтобы выяснить, не может ли быть найдена простая формула, дабы избежать некоторых из тех трудностей, которые вызывали *тупиковое положение*. Вам не следует давать каких-либо дополнительных пояснений, а лишь стремиться выяснить его реакцию. [...]»⁹.

В ходе бесед, состоявшихся 28 июля и 8 августа, Рошин сказал Фишеру, что предложенный текст является шагом в направлении советской позиции. Однако, заметил он, в нем отсутствует ряд положений, в том числе о передаче ядерного оружия группировкам государств, и поэтому текст не может служить основой для переговоров¹⁰.

По результатам неофициальных консультаций Фишер передал в Вашингтон 25 августа измененный текст, который, по его мнению, мог бы стать базой для переговоров. Статья I сохранялась бы в формулировке, предложенной Рошину, но при этом была бы добавлена отдельная статья, предусматривающая, что ни одно из запрещаемых действий не могло бы осуществляться через третьи государства, группировки государств или подразделения вооруженных сил, даже если они приданы военному

---

⁹ LBJ Library. National Security File. National Security Council. History of Non-Proliferation Treaty. Boxes 55–56.

¹⁰ Ibid.

союзу. Однако одновременно Фишер предложил еще одну новую статью, в соответствии с которой Договор оставался бы в силе в течение пяти или десяти лет, и за шесть месяцев до истечения срока действия Договора созывалась бы конференция для решения вопроса о его продлении. Он пояснил, что это предложение «направлено на то, чтобы ослабить [нежелательное] воздействие на потенциальные ядерные государства и избежать впечатления, что решение об отказе от ядерного оружия принимается на вечные времена, тем самым сделав его более приемлемым для ФРГ на том основании, что будущее развитие НАТО не будет навсегда заблокировано»¹¹.

Из доступных архивных или каких-либо других источников не известна реакция американской администрации на телеграмму Фишера, однако следует полагать, что его предложения развития не получили, так как ни по вопросу о передаче, ни по срокам действия договора США в тот период с подобными предложениями не выступали.

Тем не менее, 26 августа президент Джонсон, выступая в штате Айдахо, заявил: «Я считаю, что мы сможем найти приемлемую формулировку, с которой согласились бы разумные люди. Просто необходимо двигаться вперед, потому что для всех нас на карту поставлена большая ставка – строительство мира на той планете, на которой мы живем»¹².

Подводя итоги советско-американских консультаций в Женеве в июле-августе 1966 г., Фостер в меморандуме на имя Раска от 30 августа информировал его на основании бесед между Фишером и Рошиным, что можно предвидеть возможность выработки договора, который не запрещал бы консультационного типа договоренностей с НАТО (т.е. типа комитета ядерного планирования, предложенного Макнамарой¹³) и не препятствовал бы функционированию существующих двусторонних договоренностей (*bilateral arrangements*) с партнерами по НАТО, т.е. договоренностей, основанных на принципе «двух ключей» в отношении применения американского ядерного оружия,

¹¹ Ibid.

¹² *Seaborg Glenn T.* Op. cit. P. 191.

¹³ Роберт Макнамара – американский предприниматель и политик-республиканец, министр обороны США в 1961–1968 гг. – *Прим. ред.*

переданного Североатлантическому союзу, следовательно, при сохранении американского вето на его использование.

Однако «заключить договор, который обходил бы вопрос о передаче группировкам государств, – по мнению Фостера, – было бы невозможно». «Я считаю, – продолжал он, – что для достижения договора нам придется запретить передачу ядерного оружия неядерному государству как прямо, так и косвенно через группировку государств. Я думаю, однако, что мы смогли бы разработать договор, который не исключал бы любое решение, на которое мы могли бы реально рассчитывать». Фостер предложил, чтобы президент направил послание канцлеру ФРГ Эрхарду, в котором информировал бы его, что создание сил НАТО, влекущих за собой коллективное владение ядерным оружием, размещаемым Соединенными Штатами, более нереально и что европейские ядерные силы могли бы стать возможными только в контексте полной политической федерации, в которую вступила бы одна из существующих (западноевропейских) ядерных держав.

Директор АКВР предложил сообщить советской стороне, что США «не предполагают создание каких-либо сил в рамках НАТО, которые влекли бы за собой совместное владение ядерным оружием», и высказал мнение, что следует вступить в «серьезные переговоры» с Советским Союзом либо на уровне Раск – Громько, либо путем направления послания президента США на имя председателя Совета министров СССР¹⁴.

2 сентября помощник президента по национальной безопасности Уолт Ростоу докладывал Джонсону на основании своего разговора с Макнамарой, что, по его мнению и по мнению министра обороны, договариваться с Советским Союзом о нераспространении следовало бы на той основе, что США обязуются не отказываться от своего права вето на применение ядерного оружия «ни при каких обстоятельствах в будущем и какую бы форму ядерная организация на Западе ни приняла». Но, продолжал Ростоу в своем меморандуме президенту, в случае договоренности с русскими еще придется убеждать своих европейских союзников. На основании этого меморандума Ростоу, видимо, с согласия президента, направил 3 сентября свое предложение

¹⁴ LBJ Library. National Security File. Boxes 55, 56.

Раску. В нем он подчеркнул, что вначале следует договариваться с русскими, а также отметил значение соглашения о нераспространении для решения и других проблем, в том числе для «сдерживания гонки в области противоракетной обороны»¹⁵.

В порядке подготовки к встрече между Раском и Громыко, которая планировалась в связи с открывавшейся в середине сентября очередной сессией Генассамблеи ООН, 9 сентября состоялась беседа между руководителем юридической службы АКВР (*General Council*) Банном и советником посольства СССР в Вашингтоне Ю.М. Воронцовым, в ходе которой Банн информировал, что США не пойдут на заключение такого договора о нераспространении, который привел бы к изменению существующих в НАТО договоренностей о размещении ядерного оружия или запрещал бы проведение консультаций по ядерной обороне. В то же время Банн подчеркнул: «Мы понимаем озабоченность в отношении того, чтобы комитет Макнамары не превратился в орган, который путем голосования принимал бы решения относительно применения американского ядерного оружия. Но мы и не намерены так поступать»¹⁶.

Громыко прибыл на сессию Генассамблеи ООН, имея указание исходить из того, что если в ближайшее время совместными усилиями СССР и США не будут приняты действенные меры по недопущению распространения ядерного оружия и с этой целью не будет заключен договор, то в дальнейшем это будет сделать несоизмеримо труднее. Договор должен исключать какое бы то ни было распространение и не допускать никаких лазеек. СССР готов договориться о том, какие действия должны быть по договору запрещены, именно запрещены, а не разрешены. При подготовке этих указаний МИД исходил из того, что вопрос о проведении консультаций по ядерным вопросам в рамках *Комитета Макнамары* не следует считать препятствием к заключению Договора о нераспространении, в Договоре об этом просто не будет упоминаться. Учитывалось также и то, что положительные факторы в пользу договора превышают тот относительно отрицательный момент, что руководство КНР, очевидно, попытается

---

¹⁵ Ibid. Files of Walt W. Rostow. Box 11. September 2, 1966. Memorandum by Rostow was published in FRUS, 1964–1968. Vol. XI. P. 354–356.

¹⁶ LBJ Library. Boxes 55. 56; *Bunn G. Op. cit.* P. 76.

использовать договор для измышлений о сговоре с США. В подготовленных в МИД для ЦК КПСС материалах сообщалось, что в ближайшее время смогут начать производство ядерного оружия Индия, Канада, Италия, Япония, Бельгия, Швеция, Нидерланды, Израиль, ЧССР и, что особенно опасно, ФРГ.

Громыко и Раск имели две продолжительные встречи 22 и 24 сентября. Министры подчеркнули неотложный характер проблемы нераспространения. Раск заверил Громыко, что США «никогда не намеревались предоставлять ядерное оружие и отказываться от контроля над ним под прикрытием смешанных сил, например, МЯС». С советской стороны было обращено внимание на то, что из-за известных разногласий было потеряно очень много времени. Раск сказал, что в результате недавних контактов Женеве между Фостером и Роциным «ощущается возможность движения к соглашению»¹⁷.

Между 22 и 24 сентября состоялись контакты между экспертами обеих сторон, в ходе которых обсуждались возможные формулировки статей I и II. Затем министры в общих чертах прошли по предварительным вариантам статей и очертили границы, в рамках которых возможно достичь соглашения. В ходе встреч между двумя министрами было достигнуто общее понимание, что Договор не будет разрешать передачу ядерного оружия или контроля над ним группировкам государств, но существующие мероприятия по ядерным вооружениям в военных союзах, и в том числе вопросы ядерного планирования, не будут подлежать запрету. Раск высказал мнение, что такое общее понимание составляет 99% соглашения между двумя странами по нераспространению. Со своей стороны, Громыко согласился, что позиции двух стран близки и что их представителям в Комитете 18-ти следует продолжить работу по согласованию взаимоприемлемого проекта¹⁸.

Министрами было решено создать двустороннюю рабочую группу для выработки соглашения по ключевым статьям догово-

---

¹⁷ LBJ Library. National Security File. Boxes 55, 56. Administrative History of the Department of State. Vol. I. Chap. 3 (Europe), Sec. A & B. Box 7. Doc. b. 3. P. 26–27.

¹⁸ Ibid. Sec. E (The Soviet Union and the United States). Box I. Subsection j. (The Nuclear Nonproliferation Treaty.) P. 33; Memoranda of Rusk-Gromyko Conversations on 22 and 24 September, 1966. Published in FRUS, 1964–1968. Vol. XI. P. 368–374, 375–382.

ра – I (основные обязательства ядерных государств), II (основные обязательства неядерных государств) и III (контроль), а также и по другим положениям Договора. С советской стороны в группу вошли А.А. Рошин, Л.И. Менделевич и Р.М. Тимербаев, с американской – У. Фостер, С. де Пальма, Дж. Банн. В переговорах участвовали также советник советской делегации М.В. Антясов и советник госдепартамента по юридическим вопросам Л. Микер. На одной из встреч делегаций присутствовал находившийся в тот период в Нью-Йорке первый заместитель министра иностранных дел СССР В.В. Кузнецов.

10 октября в Вашингтоне состоялись беседы Громыко с президентом Джонсоном и отдельно с госсекретарем Раском, в ходе которых стороны подтвердили стремление к скорейшему заключению договора и высказали оптимистическое отношение как Советского Союза, так и США к перспективам его выработки.

В обеих столицах существовали системы межведомственных согласований позиций на переговорах. В Советском Союзе в тот период не было специального межведомственного механизма подготовки решений по вопросам ограничения вооружений и разоружения. Проекты решений перед представлением на утверждение Политбюро ЦК КПСС (которые затем обычно, но далеко не всегда, оформлялись как постановления или распоряжения правительства) согласовывались между заинтересованными ведомствами в рабочем порядке, часто по телефону правительственной связи, или в рабочих группах, создаваемых для каждого отдельного случая. Созывал эти группы обычно МИД. Поэтому ключевую роль в ходе согласований, как правило, играли его ответственные представители – обычно К.В. Новиков, заведующий Отделом международных организаций, а в его отсутствие один из его заместителей (Ю.М. Воронцов, О.А. Гриневский или Р.М. Тимербаев). Межведомственная комиссия по нераспространению ядерного оружия под председательством первого заместителя министра иностранных дел Г.М. Корниенко была создана в конце 1970-х гг.¹⁹

¹⁹ Что касается других проблем разоружения, то для проработки вопросов ограничения сокращения стратегических вооружений и подготовки решений в ноябре 1969 г. была создана специальная комиссия Политбюро – «Большая пятерка» (см.: *Savelyev A., Detinov N. The Big Five. Arms Control Decision-Making in the Soviet Union* // Westport (CT): Praeger, 1995).

Следует подчеркнуть, что за все время переговоров по нераспространению (а мне довелось быть причастным к ним на всем их протяжении – либо в Нью-Йорке, либо в Женеве, либо в Москве) я не припомню случая, когда при межведомственных согласованиях возникали бы какие-либо трудности и тем более разногласия принципиального характера. Все основные ведомства – соответствующие отделы ЦК КПСС, МИД, Министерство обороны, Министерство среднего машиностроения (нынешний Минатом), ВПК (Комиссия Совета Министров по военно-промышленным вопросам), КГБ – действовали вполне согласованно, имея перед собой в качестве центральной задачи жизненно важную необходимость для интересов безопасности Советского Союза поставить предел распространению в мире ядерного оружия и, главное, предотвратить допуск к нему ФРГ. Не возникало сложностей при согласовании позиций на переговорах по нераспространению и с союзниками СССР по Варшавскому договору, если не считать некоторых трений с Румынией, к которым в Москве привыкли и особенно большого значения им не придавали. Нам было известно, что румынские представители информируют западные делегации о том, что происходило на заседаниях группы социалистических стран, и мы принимали необходимые меры к тому, чтобы ограничить обмен с ними наиболее конфиденциальной информацией. Как показывает знакомство с американскими архивными материалами, особенно с телеграммами миссии США в Женеве госдепартаменту, некоторые румынские представители не раз «грешили» нелояльным отношением к своим союзникам по Варшавскому пакту.

У наших основных контрагентов – Соединенных Штатов в Вашингтоне, как уже отмечалось, функционировал Комитет основных представителей (*Committee of Principals*) – межведомственный комитет по проблемам контроля над вооружениями, состоящий из руководителей или заместителей руководителей соответствующих ведомств под председательством государственного секретаря, директора АКВР или их заместителей.

Серьезные переговоры о заключении Договора о нераспространении стали возможными, когда обе державы в полной мере прониклись пониманием своей глубокой заинтересованности, с точки зрения совпадающих интересов национальной безопас-

ности и независимо от разногласий по многим другим внешне-политическим и иным проблемам (не следует забывать, что в тот период США вели войну во Вьетнаме), в скорейшем предотвращении дальнейшего распространения ядерного оружия. А как только для них это превратилось в очевидность, в политический императив, стороны стали не только возлагать надежды, но и высказывать даже уверенность в том, что переговоры непременно должны привести к положительному результату. Соответственно этому они и строили свое отношение к обсуждавшимся на переговорах вопросам.

Они отлично понимали, что этот процесс по необходимости будет сложным, а потому медленным и потребует максимума терпения и настойчивости и что нужно будет делать все реалистически возможное, чтобы не допустить срыва переговоров. В наибольшей степени это, пожалуй, относилось к американцам, которым приходилось иметь дело и со своими союзниками, прежде всего с руководством Западной Германии, где процесс «приобщения» к идее нераспространения шел особенно сложно. Советская сторона и ее союзники, как уже подчеркивалось, не испытывали каких-либо колебаний в отношении необходимости договора, настаивая лишь на том, чтобы он закрывал любые лазейки для распространения, и стремились помочь нахождению взаимоприемлемых формул, никак не ущемлявших их позиций. Понимание этого общего интереса незримо ощущалось с первых встреч в Вашингтоне и Нью-Йорке и в ходе всех последующих переговоров в Женеве и вновь в Нью-Йорке на сессии ООН в 1968 г., и именно это явилось залогом успеха переговоров.

2. Порядок, формат и ход переговоров

Переговоры в Нью-Йорке велись конфиденциально и на основе *ad referendum*. Как правило, они проходили в резиденции Фостера в Нью-Йоркском отеле *Уолдорф-Астория Тауэрс*. Первые заседания начались в конце сентября 1966 г. и продолжались почти до Рождества. В Нью-Йорке первая и вторая статьи были практически согласованы, и началась работа над третьей и некоторыми другими статьями Договора.

Возобновились переговоры в Женеве в начале 1967 г., в рамках Комитета 18-ти²⁰, и проходили тут с небольшими перерывами более года – с 21 февраля 1967 г. по 14 марта 1968 г. Этот Комитет состоял, как уже отмечалось, из трех групп государств: пяти социалистических (СССР, Польша, Чехословакия, Болгария и Румыния), пяти западных (США, Англия, Франция, Италия и Канада) и восьми неприсоединившихся и нейтральных (Бирма, Бразилия, Индия, Мексика, Нигерия, ОАР, Швеция и Эфиопия).

Комитет работал на основе консенсуса. СССР и США были его постоянными сопредседателями. На практике это означало, что делегации обеих стран разрабатывали и согласовывали рекомендации, которые затем представлялись на рассмотрение и одобрение Комитета. Само собой разумеется, что сопредседатели при выработке рекомендаций действовали в тесном контакте со своими союзниками, а также консультировались с наиболее влиятельными неприсоединившимися государствами. Сопредседатели время от времени, как правило по взаимному согласованию, информировали Комитет о ходе переговоров. Многие делегации выступали в нем с заявлениями, а также направляли сопредседателям ноты, памятные записки и другие дипломатические документы, в которых излагались их позиции или предложения и поправки по тем или иным положениям Договора.

Ряд государств, внимательно и заинтересованно (исходя, разумеется, из своих собственных национальных интересов) следивших за ходом переговоров по договору о нераспространении, в частности такие, как ФРГ, Япония, ГДР, Бельгия, Югославия, не были представлены в Комитете. Они направили в Женеву своих наблюдателей, из которых своей активностью в работе

---

²⁰ Комитет восемнадцати государств по разоружению был учрежден Организацией Объединенных Наций в 1961 году. В Комитете рассматривались вопросы разоружения, мер укрепления доверия и контроля за ядерными испытаниями. В период с 1965 по 1968 год в Комитете велись переговоры по выработке Договора о нераспространении ядерного оружия. В Комитет входили 18 государств: Канада, Франция, Великобритания, Италия, США, Болгария, Чехословакия, Польша, Румыния, СССР, Бразилия, Мьянма, Эфиопия, Индия, Мексика, Нигерия, Швеция, Объединенная Арабская Республика (позднее – Египет). Считается, что Комитет 18-ти стал прототипом нынешней Конференции по разоружению. – *Прим. ред.*

с членами Комитета выделялись специальные представители Бонна в ранге послов Ш. Шниппенкёттер²¹ и Ю. Дизель²². Часто точка зрения ФРГ по Договору озвучивалась в Комитете одной из западных стран, чаще всего Италией²³. Значительный интерес к переговорам по ДНЯО проявляла японская миссия в Женеве, в частности, ее представитель Сенгоку.

Сопредседатели поддерживали контакты по вопросам Договора с государствами – членами Комитета 18-ти в ходе двусторонних консультаций, проходивших в Москве, Вашингтоне, и в других столицах, а также и с другими государствами²⁴.

Переговоры между делегациями проходили практически исключительно на английском языке. [...] Это обстоятельство намного ускоряло процесс переговоров, позволяло легче находить взаимоприемлемые формулировки, что, как правило, достигалось в ходе доверительных встреч. Предварительно согласованные между двумя делегациями положения и пункты тех

---

²¹ Директор бюро по вопросам разоружения и контроля над вооружениями МИД ФРГ.

²² Генеральный консул ФРГ в Женеве.

²³ Как отмечала исследовавшая позицию Италии на переговорах Луиза Каламо, «итальянское правительство строго придерживалось немецкой позиции» (*Calamo Luisa. Non-Proliferation in Italy // Lo Spettatore Internazionale. 1967. No. 3. P. 227. Цит. по: Kunizel M. Bonn & the Bomb, German Politics and the Nuclear Option. L.: Pluto Press, 1985. P. 86.*

По оценке ЦРУ, «во многих отношениях итальянские лидеры более громко возражают против проекта договора, чем немцы [...] Решительность их возражений удивила многих, но Риму будет трудно не последовать за союзниками, если те пойдут на договор» (CIA. Intelligence Memorandum, Status of Negotiations on the Nonproliferation Treaty. May 8, 1967. P. 5. LBJ Library. National Security File. Subject File. Box 26).

Англичане же считали, что во внутренних обсуждениях внутри НАТО итальянцы «прячутся за спинами немцев», как выразился Стрит, заведующий Отделом атомной энергии и разоружения Форейн Офиса, в беседе с советником посольства США в Лондоне 31 марта 1967 г. (U.S. NARA. General Records of the Department of State. Central Foreign Policy Files, 1967–1969. Political and Defense. Box 1632).

²⁴ Так, американцы, в частности, имели контакты с Израилем и Южной Африкой и доверительно высказывали нам свою неудовлетворенность тем, что не проявили достаточной настойчивости в своих усилиях вовлечь эти государства в процесс нераспространения. Что касается Израиля, то демократические администрации Кеннеди и Джонсона действительно предпринимали определенные попытки сдержать его ядерные амбиции, однако это не встречало поддержки в Конгрессе. После же прихода к власти администрации Никсона, ситуация изменилась пользу Израиля.

или иных статей Договора тут же переводились на русский язык и передавались в Москву на утверждение. В интересах дела советская сторона сознательно шла на отказ от взаимности и на некоторое «ущемление» прав русского языка, и в конечном счете такое решение было полностью оправданным. Здесь хотелось бы еще раз со всей определенностью подчеркнуть, что обе стороны нередко отказывались от многих условностей ради скорейшего достижения конечного положительного результата.

Наряду с основной работой над Договором, проходившей в Женеве, между Советским Союзом и Соединенными Штатами время от времени проводились консультации на более высоком уровне, включая высший. В ходе встречи между председателем Совета Министров СССР Косыгиным и президентом США Джонсоном в Гласборо (штат Нью-Джерси) 23–25 июня 1967 г. состоялся обмен мнениями о положении дел на переговорах по ДНЯО. По окончании встречи Косыгин заявил на пресс-конференции:

«Что касается [...] нераспространения ядерного оружия, то мы считаем, что имело место существенное продвижение вперед. [...] Мы продолжаем наши усилия в интересах нахождения решения этой проблемы. Я хочу сказать, что Советский Союз заинтересован в достижении положения, когда не будет распространения ядерного оружия. И мы считаем, что Соединенные Штаты преследуют ту же цель, как и большинство стран мира».

Со своей стороны, президент Джонсон заявил на пресс-конференции: «Мы согласились, что сейчас очень важно достичь международного соглашения по Договору о нераспространении»²⁵.

Завершающая стадия переговоров состоялась в Нью-Йорке в ходе XII возобновленной сессии Генеральной Ассамблеи ООН (24 апреля 12 июня 1968 г.), которая одобрила Договор и открыла его для подписания.

---

²⁵ Background Paper on Non-Proliferation, U.S. Arms Control and Disarmament Agency. Wash, (D.C.) June 26. 1967. Hoover Institution Archives, Atlantic Council of the U.S. Collection. Box 200.

Чуть не поймали¹

Своеобразно проходили многосторонние переговоры относительно Договора о нераспространении ядерного оружия в Комитете восемнадцати государств по разоружению в 1967 и начале 1968 г. в Женеве. Комитет имел оригинальный состав и необычную процедуру. В него входили по пять представителей от блоков – НАТО и Варшавского договора и восемь представителей от неприсоединившихся и нейтральных государств (которых ради сокращения называли *H+H*). Сопредседателями были представители СССР и США – А.А. Рошин и Уильям Фостер. На сопредседателей возлагалась обязанность предварительно согласовывать между собой то или иное положение Договора и затем официально представлять его на суд всего Комитета. Члены Комитета могли принять предложение, отклонить его или внести изменения. Но окончательное решение должно было приниматься с общего согласия, или, говоря языком процедуры, на основе консенсуса.

Переговоры между двумя державами проходили туго, ведь каждая из них имела собственное видение того или иного вопроса, да еще приходилось проводить внутреннее согласование с союзниками по блокам. Бывало так, что комитет неделями, а то и месяцами дожидался предложений от сопредседателей, и в такой обстановке представители *H+H*, естественно, всеми силами стремились как можно раньше узнать, как идет согласование того или иного положения Договора, а по возможности, даже повлиять на ход этого согласования в своих интересах. Нельзя ведь не учитывать, что Договор с самого начала замышлялся как соглашение между государствами, обладающими ядерным оружием, и всеми остальными странами,

---

¹ Впервые опубликовано: Тилмербаев Р.М. Рассказы о былом. Воспоминания о переговорах по нераспространению и разоружению и о многом другом М.: РОССПЭН, Библиотека ПИР-Центра, 2007. С. 15–16.

которые взяли бы на себя обязательство не иметь такое оружие, да к тому же поставить себя под обязательный международный контроль – то есть как соглашение заведомо неравноправное. Сопредседателям в этой обстановке приходилось прибегать к разным ухищрениям, чтобы обеспечить необходимую тайну встреч, что было не так-то просто сделать в таком сравнительно небольшом городе, как Женева.

Практически переговоры проходили на уровне вторых и третьих лиц из состава обеих делегаций, которые в интересах конспирации то устраивали катание на яхтах по Женевскому озеру, то уезжали в горы и совершали пешие прогулки по альпийским лугам. Но некоторые представители *Н+Н* все же выслеживали нас. Помнится, как во время одного из ответственных периодов на переговорах представитель одного из неприсоединившихся государств обнаружил нас в каком-то маленьком швейцарском городке, что привело и американцев (Дж. Банна и К. Глайстина), и нас (меня и В.В. Шустова) в немалое смущение. Мы постарались как можно скорее скрыться, дабы не сталкиваться лицом к лицу с этим представителем, так как нам пришлось бы вступить с ним в разговор (все мы друг друга прекрасно знали), что в тот период было бы крайне нежелательным. Такой нетрадиционный метод переговоров на деле оказался довольно эффективным и в определенной мере способствовал заключению Договора, который, как известно, был подписан в 1968 г. [...]

Шелковая нить¹

Придавая первостепенное значение неустанному поддержанию эффективности международного режима ядерного нераспространения, Громыко в начале 1980-х гг., когда температура напряженности в советско-американских отношениях достигала высшей отметки, поддержал создание механизма регулярных (каждые шесть месяцев) консультаций между двумя странами по самому широкому спектру вопросов нераспространения. И они проходили весьма продуктивно, с пользой для обеих сторон. Припоминаю, что уже тогда (на встрече в Хельсинки, в 1982 или 1983 г.) стороны обсуждали ядерную проблему на Корейском полуострове. Американцы даже показывали нам схему (не карту) размещения в КНДР ядерных объектов, вызывающих у них подозрения. По прибытии в Москву мы познакомили с полученными данными наши соответствующие службы, и они подтвердили наличие у северных корейцев строящихся ядерных объектов.

А.А. [Громыко] как-то сказал в тот период, что нераспространение – это *единственная шелковая нить*, которая связывала в тот период обе державы. Думаю, что Громыко, судя по всему, лучше, чем кто-либо другой из руководства страны, даже в тех крайне сложных условиях международной жизни, понимал необходимость взаимодействия с США для сохранения определенного уровня в отношениях между двумя странами и поддержания международной стабильности, особенно в вопросах сохранения режима ядерного нераспространения.

---

¹ Впервые опубликовано: *Тилмербаев Р.М.* Рассказы о былом. Воспоминания о переговорах по нераспространению и разоружению и о многом другом. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), Библиотека ПИР-Центра, 2007. С. 16–17.

РАЗДЕЛ IV

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ГАРАНТИЙ ПОД ЭГИДОЙ МАГАТЭ И СИСТЕМЫ ЭКСПОРТНОГО КОНТРОЛЯ

Система гарантий МАГАТЭ¹

Конец американской атомной монополии и появление новых ядерных государств – Советского Союза и Великобритании – совпали по времени с первыми шагами по развитию мирного использования атомной энергии. На базе инфраструктуры и опыта, приобретенного при создании военной атомной промышленности, стало интенсивно развиваться мирное применение ядерной энергии – вначале в США, СССР и Великобритании, а затем к этому процессу примкнул и ряд других стран. В энергии атома многие видели путь ускоренного промышленного развития и достижения высокого технологического уровня, а также – никак не в последнюю очередь – и создания базы для ее потенциального использования в военных программах. Но в новых условиях идея международного контроля не могла не претерпеть существенных изменений.

В Обнинске (Калужская обл.) в 1954 г. была пущена в эксплуатацию первая в мире АЭС небольшой мощности (5 МВт), но значение и воздействие этого события на дальнейшее развитие атом-

---

¹ Впервые опубликовано: *Тимербаев Р.М.* Международный контроль над атомной энергией // Научные записки ПИР-Центра: Национальная и глобальная безопасность. 2003. № 22. С. 154–191.

ной энергетики было во много раз больше номинальной мощности реактора. В СССР, США и Великобритании начали строить экспериментальные и учебные, а также проектировать вначале небольшие, а потом и крупные энергетические реакторы.

Закладывается первый советский атомный ледокол, с 1951 г. под руководством академика Л.А. Арцимовича начинаются исследования возможностей получения электроэнергии за счет управляемых термоядерных процессов на базе системы *Токамак*, о чем впервые было объявлено И.В. Курчатовым в докладе в английском атомном центре *Харуэлл* в 1956 г.

Ядерные государства приступили к заключению соглашений о сотрудничестве в области развития и использования атомной энергии в мирных целях со многими другими странами. В США и Великобритании частный сектор живо заинтересовался перспективами производства электроэнергии с помощью атомных реакторов, возможностями завоевания рынков сбыта таких реакторов, вложения капитала в этой области. В США такому развитию, однако, препятствовало действовавшее тогда законодательство (*Закон Макмагона* 1946 г., устанавливавший строгий запрет на передачу атомных технологий и материалов другим странам и частному сектору).

В 1953 г. в американском Конгрессе начались слушания по новому законопроекту об атомной энергии, который снимал некоторые юридические препятствия для участия частной промышленности в атомной деятельности. Так, разрешалось бы на основании лицензий, выданных Комиссией по атомной энергии (КАЭ), частное владение энергетическими реакторами и расщепляющимися материалами, используемыми в качестве топлива для реакторов. Допускалось бы и международное сотрудничество в области применения атомной энергии при соответствующих гарантиях неиспользования ее в недозволенных целях. Выступая в Объединенном комитете Конгресса по атомной энергии, заместитель государственного секретаря Б. Смит говорил: «Первостепенное значение для наших международных связей вообще имеет поддержание и совершенствование Соединенными Штатами своего руководящего положения в развитии атомной энергии. [...] Положению Соединенных Штатов был бы нанесен большой ущерб, если бы другая страна стала первой в этой области и особенно – если бы Советский Союз превзошел

нас в развитии атомной энергии»². В августе 1954 г. в *Закон Макмагона* были внесены существенные изменения, что позволило США проводить более активную политику в области международного атомного сотрудничества. [...]

Советско-американские переговоры о создании МАГАТЭ

После смерти Сталина советское руководство было готово завязать диалог с новой американской администрацией. К этому времени обе державы овладели секретом водородной бомбы и испытали ее, к тому же, с очень небольшим временным промежутком. В двух испытаниях 1955 г. СССР первым в мире произвел сброс термоядерных бомб с самолета, США первое такое испытание провели в 1956 г.³ Советский Союз достиг статуса самодостаточного ядерного государства, обладающего необходимыми ядерными технологиями.

Это, несомненно, придавало советским руководителям чувство уверенности в силах и возможностях молодой атомной промышленности. В заявлении советского правительства от 21 декабря 1953 г. относительно предложения о создании Международного атомного агентства и о передаче ему части ядерных материалов обращалось внимание на то, что, во-первых, «главная масса атомных материалов по-прежнему будет направляться на производство атомных и водородных бомб» и что, во-вторых, «предложение президента Эйзенхауэра нисколько не ограничивает саму возможность использования атомного оружия». Тем не менее, выражалась готовность принять участие в переговорах о создании Агентства, однако в ходе этих переговоров должно было быть *одновременно* рассмотрено следующее предложение:

«Государства-участники соглашения, руководствуясь стремлением к уменьшению международной напряжен-

---

² Цит. по: *Малинин С., Онушкин В.* Международное сотрудничество в области мирного использования атомной энергии. М.: Соцгиз, 1961. С. 23.

³ *Гончаров Г.А.* Хронология основных событий в истории создания водородной бомбы в СССР и США. Доклад на международном симпозиуме «Наука и общество. История советского атомного проекта (40–50-е гг.)». Труды симпозиума. Т. 1. М.: ИздАТ, 1997. С. 251–252.

ности, принимают на себя торжественное и безоговорочное обязательство не применять атомного, водородного и другого оружия массового уничтожения»⁴.

Таким образом, советский ответ также содержал политико-пропагандистский элемент, явно продиктованный стремлением вести переговоры с США о новом атомном органе в наступательном плане.

Первый диалог между В.М. Молотовым и госсекретарем США Д.Ф. Даллесом состоялся во время берлинского совещания министров иностранных дел великих держав в конце января – начале февраля 1954 г. В марте стороны приступили к переговорам, в ходе которых Даллес вручил советскому послу в Вашингтоне Г.Н. Зарубину меморандум, содержащий «предварительные взгляды, поясняющие предложения о Международном агентстве по атомной энергии». Агентство предлагалось учредить «под эгидой ООН». Как оценивал МИД СССР, его роль сводилась бы к получению поставок ядерных материалов от стран-членов, которые имеют запасы таких материалов, для целей поощрения исследований и мирного использования атомной энергии. США были бы готовы сделать «в качестве пожертвования значительный первоначальный взнос». СССР сделал бы «эквивалентное пожертвование». Агентство обладало бы необходимыми полномочиями для «обеспечения того, чтобы выделенный расщепляющийся материал использовался в целях, для которых он был выделен»⁵.

Советское правительство усмотрело в американских предложениях попытку США создать организацию подобно специализированным учреждениям ООН, в которых американцы тогда безраздельно господствовали. Руководство СССР на основе опыта рассмотрения в ООН *плана Баруха*⁶ считало, что вопросы, относящиеся к использованию атомной энергии, непременно

---

⁴ К переговорам между правительством СССР и правительством США по атомной проблеме. М.: Госполитиздат. 1954. С. 14–22.

⁵ АВП РФ. Ф. 047. Оп. 16. П. 77в. Д. 9. Л. 10–12, 29–34.

⁶ Американский план, представленный на комиссию ООН по атомной энергетике в 1946 г., в котором содержались условия, на которых США предлагали другим странам развивать сотрудничество по линии мирного использования атома. – *Прим. ред.*

должны находиться *под неусыпным оком* Совета Безопасности ООН как органа, несущего главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности, органа, где великие державы, включая СССР, располагают правом вето.

Советская реакция была довольно жесткой. В памятной записке, врученной Молотовым Даллесу в Женеве 27 апреля 1954 г., подтверждалась позиция СССР в пользу необходимости запрещения применения атомного оружия и подчеркивалось, что без достижения договоренности об этом «начавшиеся переговоры не могут дать должных результатов».

Американцы тоже решили «проявить характер» и приступили к обсуждению планов создания атомного агентства без СССР – в кругу одних лишь западных стран, хотя сомнительно, что без второго ядерного государства учреждение такой организации имело бы какой-либо смысл. В неофициальной записке, врученной Д.Ф. Даллесом В.М. Молотову в Женеве 1 мая, государственный секретарь сообщил, что «ввиду отсутствия интереса у Советского Союза к тому, чтобы в настоящее время продолжать рассмотрение этого предложения [о создании Агентства], Соединенные Штаты будут считать себя свободными в рассмотрении ими вопроса о создании такого агентства совместно с другими заинтересованными странами. Если же Советский Союз впоследствии решит, что желает участвовать в таком обсуждении, Соединенные Штаты будут, конечно, приветствовать это участие»⁷.

Обмен мнениями между обеими державами все же был продолжен. В советской записке Соединенным Штатам от 22 сентября 1954 г. была выражена готовность «в любое время возобновить переговоры для рассмотрения как предложения Советского правительства, так и предложения правительства США». В записке при этом *впервые* высказывалась готовность рассмотреть вопрос о *гарантиях* мирного применения ядерных материалов:

«В меморандуме правительства США указывается, что возможны такие формы мирного использования атомной энергии, при которых могут быть намечены пути, чтобы

---

⁷ К переговорам между правительством СССР и правительством США по атомной проблеме. М.: Госполитиздат, 1954. С. 40–41.

создать гарантию против утечки материалов из реакторов, производящих энергию, и что, по мнению правительства США, имеются такие формы мирного использования, при которых вопрос о материалах, идущих на производство атомного оружия, не возникает. Советское правительство готово рассмотреть в ходе дальнейших переговоров соображения правительства США по данному вопросу»⁸.

Новым важным элементом в советской записке было также заявление о том, что «советское правительство разделяет мнение правительства США относительно того, чтобы соответствующий международный орган докладывал Совету Безопасности и Генеральной Ассамблее о своей деятельности. Само собой разумеется, что в тех случаях, когда в связи с этим будут возникать вопросы, касающиеся безопасности тех или иных государств, необходимые решения должен принимать именно Совет Безопасности, как орган, на который возложена главная ответственность за поддержание мира и международной безопасности»⁹.

Трудное начало переговоров о создании агентства во многом объяснялось происходившими в советском руководстве после смерти И.В. Сталина сложными процессами: осмысливанием стратегического и политического значения атомного и водородного оружия, оценкой безопасности СССР в условиях разворачивавшейся гонки ядерных вооружений. Министерство среднего машиностроения (нынешний Минатом), которое тогда возглавлял В.А. Малышев, отрицательно относилось к плану «Атомы для мира». Военные также высказывали возражения против участия в учреждении нового международного атомного органа. Начальник Генерального штаба маршал В.Д. Соколовский писал Молотову 18 сентября 1954 г., что с точки зрения военных интересов вступать в международный орган нецелесообразно, поскольку СССР будет вынужден открыть членам этого органа данные о запасах атомного сырья, уровне атомного производства и пр. Советский же Союз во всяком случае получить новые сведения вряд ли сможет. Он больше проиграет, чем выиграет.

---

⁸ Там же. С. 53–54.

⁹ Там же.

В МИД СССР существовало иное мнение, изложенное в записке Отдела по делам ООН: «Неучастие СССР в проектируемом Агентстве дало бы США возможность возглавить все это дело, определять направление деятельности этого агентства по их усмотрению, устанавливать условия предоставления помощи различным государствам в области мирного применения атомной энергии и использовать связи с учеными кругами других стран исключительно в своих интересах. Кроме того, неучастие СССР в указанном агентстве могло бы быть использовано американской пропагандой для попыток изобразить Советский Союз в качестве противника международного сотрудничества в этой области»¹⁰.

Проведение линии по созданию международного агентства в конце концов возобладало, так как она отражала общую тенденцию по налаживанию сотрудничества с Западом, складывавшуюся тогда в советском руководстве. Она объективно соответствовала и стремлению Советского Союза через международный атомный орган предотвратить возможность использования помощи другим странам в атомной области в неблагоприятных целях. В июле 1955 г. была выражена готовность принять участие в многосторонних переговорах. В памятной записке правительству США от 18 июля Советский Союз подчеркнул свою прежнюю позицию, заявив, что вопросы развития международного атомного сотрудничества находятся в прямой зависимости от решения проблемы запрещения атомного оружия, и изложил свои принципиальные подходы к созданию МАГАТЭ. При этом было особо подчеркнуто, что Агентство должно быть создано в рамках ООН и должно представлять доклады СБ и ГА ООН, когда любой из этих органов сделает соответствующий запрос. Расщепляющиеся материалы и специальное оборудование будут предоставляться государствами, оказывающими помощь, непосредственно государствам-потребителям на основе заключенных при содействии Агентства соглашений между заинтересованными государствами. Ответственность за хранение и использование полученных расщепляющихся материалов несет само государство-потребитель в соответствии с заключенным соглашением.

---

¹⁰ АВП РФ. Ф. 047. Оп. 1. П. 64. Д. 4. Л. 15.

В связи с предложением США о проведении экспертами обеих стран совместного изучения «проблемы, вытекающей из того, что само применение атомной энергии в мирных целях связано с возможностью увеличения количества расщепляющихся материалов, которые служат основой для производства атомного оружия», в памятной записке подтверждалось согласие на проведение подобного совещания экспертов. Таким образом, выражалась готовность рассмотреть вопрос о контроле.

Советский Союз высказал также намерение внести в Международный фонд атомных материалов 50 кг расщепляющихся материалов, как только будет достигнуто соглашение о создании Агентства. США объявили о внесении 100 кг расщепляющихся материалов осенью 1954 г., в июне 1955 г. заявили, что увеличат свой взнос до 200 кг, а потом до 500 кг. Англичане, со своей стороны, заявили о выделении 20 кг.

Многосторонние переговоры о создании атомного Агентства

Проект Устава Агентства, выработанный группой западных стран, был направлен правительством США Советскому Союзу 29 июля 1955 г. С советской точки зрения проект был далеко не совершенным документом. В нем не предусматривалось установление достаточно тесной связи между Агентством и ООН, а структура Агентства не отличалась демократизмом. Тем не менее советское правительство согласилось, чтобы проект с некоторыми поправками был положен в основу выработки Устава. В памятной записке правительству США от 3 октября 1955 г. советское правительство сделало замечания по проекту Устава, суть которых сводилась к следующему:

1. Поскольку деятельность Агентства будет самым тесным образом связана с использованием расщепляющихся материалов, необходимо предусмотреть в Уставе положение относительно контроля за расходом поступающих в Агентство материалов с тем, чтобы не допустить их использования в военных целях. Для этого нужно обеспечить надлежащее наблюдение и контроль над работой Агентства со стороны ООН.

2. Устав Агентства должен исходить из признания того принципа, что ни одна страна или группа стран не будет находиться в привилегированном положении. Агентство должно осуществлять деятельность по оказанию помощи государствам таким образом, чтобы предоставление этой помощи не обуславливалось предъявлением стране, получающей помощь, требований политического, экономического или военного характера, как и иных требований, не совместимых с суверенными правами государства.

3. Контроль и инспекция использования государствами получаемой от Агентства помощи должны осуществляться с соблюдением суверенных прав этих государств. (За этой формулировкой скрывалось критическое отношение к гарантиям, которое советские представители отстаивали в процессе разработки Устава и в течение первых лет деятельности Агентства. – Прим. авт.).

4. Постоянные члены СБ ООН должны быть включены в Совет управляющих Агентства в качестве постоянных членов.

Советское правительство предложило созвать совещание экспертов правительств наиболее заинтересованных государств (США, СССР, Чехословакии и тех стран, с которыми США вели переговоры о создании Агентства) для совместного рассмотрения вопросов, связанных с выработкой Устава Агентства¹¹.

По предложению США было условлено, что в августе 1955 г. состоятся предварительные технические переговоры по рассмотрению гарантий (контроля) для создаваемого международного атомного Агентства с участием, наряду с представителями США и СССР, делегаций Великобритании, Франции, Канады и Чехословакии. Делегацию СССР возглавлял директор Физического института АН СССР академик Д.В. Скобельцын, американскую – председатель Генерального консультативного комитета КАЭ США И. Раби, английскую – Д. Кокрофт, французскую – Ф. Перрен.

Обе основные делегации прибыли на переговоры слабо подготовленными. Американская сторона изложила на совещании

¹¹ *Международная жизнь*. 1956. № 10. С. 133.

общие принципы обеспечения физической сохранности и установления процедур отчетности. Академик Скобельцын в основном ограничивался общими рассуждениями и больше задавал вопросы, не выдвигая каких-либо предложений. В коммюнике по итогам встречи говорилось, что состоялся «полезный обмен мнениями технического порядка» и что обсуждавшиеся проблемы будут «дополнительно рассмотрены соответствующими правительствами». В отчете Госсекретарю США о результатах совещания шести стран И. Раби писал, что позиция советской делегации на совещании «отражала стремление [...] советского правительства к определенно открытым и основанным на сотрудничестве взаимоотношениям с США. [...] Советский представитель и его советники тщательно избегали прямой полемики с США, оставляя открытой дверь для соглашения в будущем, не связывая, однако, себя принятием наших предложений»¹².

Администрация США, начиная с 1955 г., разработала и стала осуществлять процедуры применения гарантий к своим двусторонним соглашениям в области мирного использования атомной энергии. Процедуры гарантий были двух видов – для исследовательских и для энергетических реакторов, при этом в отношении последних применялся более жесткий контроль. Соглашения о поставках исследовательских реакторов предусматривали передачу только несекретной информации и реакторного топлива менее чем 20%-ного обогащения. Соглашения о гарантиях для поставок энергетических реакторов допускали передачу некоторой секретной информации и обогащенного топлива. При этом в секретных приложениях к соглашениям содержались положения о физической защите и обращении с секретной информацией. Установки по обогащению и переработке облученного ядерного топлива (ОЯТ) Соединенными Штатами не поставлялись.

США обратились к советскому правительству с предложением изучить возможность применения к своим соглашениям о мирном использовании атомной энергии гарантий, которые предполагалось установить по разрабатываемому Уставу МАГАТЭ,

---

¹² US National Archives and Records Administration. General Records of the Department of State. Special Assistant to the Secretary for Energy and Outer Space. Records Relating to Atomic Energy Matters. Box 79.

где это предусматривалось бы осуществлять на добровольной основе, в порядке договоренности между соответствующими сторонами. Советский Союз, однако, ушел от этого вопроса, заявив, что «к нему можно было бы вернуться после принятия Устава Агентства, с учетом работы конференции и после необходимой ратификации Устава»¹³.

В своей практике заключения двусторонних соглашений со странами «советского блока» и дружественными развивающимися государствами СССР требовал, чтобы получатели давали юридически оформленные заверения, что помощь будет применяться *исключительно в мирных целях* и что поставляемое оборудование, топливо и информация не будут передаваться другим государствам и их гражданам, но не выдвигал условия об установлении гарантий на предоставляемых установках. Эти соглашения, вместе с тем, содержали обязательства для стран-получателей о *возвращении ОЯТ в СССР*, чем в определенной степени обеспечивалось, что эти страны не смогут выделять для себя энергетический плутоний, накапливающийся в поставляемом ядерном топливе. Наконец, как правило, советские специалисты наблюдали не только за поставкой, но и за эксплуатацией передаваемых ядерных установок, чтобы не допустить их переключения на недозволенные цели.

Вашингтонское совещание и конференция в Нью-Йорке по выработке Устава МАГАТЭ

С 27 февраля по 18 апреля 1956 г. в Вашингтоне проходило совещание 12 стран по подготовке Устава Агентства.

В директивах правительства советской делегации поручалось исходить из того, что «проект Устава может быть положен в основу для выработки Устава МАГАТЭ». При этом делегации «следует ограничиться необходимым минимумом поправок, направленных на обеспечение прав и интересов Советского Союза. [...]».

Делегация должна была также исходить из того, что с научно-технической точки зрения заинтересованность СССР в создании

---

¹³ *Международная жизнь*. 1956. № 10. С. 144–148.

международного органа определялась возможностью получать интересующую советских ученых информацию, которая будет поступать в этот орган, и, кроме того, участие в нем даст возможность устанавливать контакты с научно-техническими кадрами, имеющимися в этой области в других странах¹⁴.

Директивы давали возможность советской делегации на Вашингтонском совещании проявлять гибкость: «При голосовании проекта Устава Агентства выступить с изложением основных замечаний Советского Союза по проекту Устава, но голосовать за принятие Устава даже в том случае, если эти замечания не будут приняты».

Одним из важнейших на Вашингтонском совещании был вопрос о *взаимоотношениях между Агентством и ООН*. Было согласовано, что между двумя организациями будет установлена тесная связь. Одними из наиболее спорных были вопросы о составе Совета управляющих и *взаимоподчиненности* создаваемых органов Агентства.

При рассмотрении проблемы гарантий советская делегация, не возражая в принципе против установления необходимой системы инспекции и контроля, в то же время подчеркивала, что проверка и контроль за использованием каким-либо государством помощи, получаемой от Агентства, должны осуществляться лишь в той мере, в какой это необходимо, и при обязательном соблюдении суверенных прав таких государств. Делегация СССР тесно сотрудничала с делегацией Индии в попытках ослабить положения о гарантиях, предлагавшиеся США и Великобританией.

В итоге Вашингтонское совещание единогласно одобрило проект Устава. Заключительным этапом в создании Агентства стала Международная конференция в Нью-Йорке, проходившая с 20 сентября по 23 октября 1956 г. и собравшая представителей 81 страны.

По проблеме гарантий, рассмотрение которой вызвало на Нью-Йоркской конференции наиболее острую борьбу, США предлагали, чтобы в Устав (ст. XII) были включены примерно те же условия контроля и инспекции, которые предусматривались в двусторонних соглашениях, заключавшихся США с другими странами.

¹⁴ АВП РФ. Ф. 047. Оп. 2. П. 79. Д. 18. Л. 7–11, 38–41.

К открытию конференции Советский Союз ужесточил свою позицию по гарантиям. МИД и Минсредмаш внесли в ЦК КПСС предложение изменить советскую позицию в отношении условий контроля за использованием государствами полученной от Агентства атомной помощи в сторону смягчения этих условий, вплоть до исключения из проекта Устава положений об инспектировании государств, получающих атомную помощь. Сохранялись бы лишь положения, предусматривающие обязательство государств предоставлять Агентству отчеты и доклады об использовании получаемой помощи. При этом в Москве исходили из того, что изменение позиции в отношении контроля в сторону его смягчения найдет положительный отклик и встретит поддержку со стороны развивающихся стран, таких как Индия, Египет, Сирия, Индонезия и др.

В соответствии с директивами правительства советской делегацией на Нью-Йоркской конференции было заявлено, что она «считает достаточной гарантией предусматриваемые в проекте Устава обязательства государств не использовать получаемую от Агентства помощь для производства ядерного оружия, а также обязательства государств представлять отчеты и доклады об использовании помощи, получаемой от Агентства».

И действительно, против американской позиции по контролю на конференции выступили делегации Индии, Индонезии, Цейлона (Шри-Ланки), Египта, Ирана, Сирии, Афганистана, Филиппин, Ливана и ряда других стран. Особенно упорно против американских предложений по контролю выступала на конференции делегация Индии. Франция также возражала против жесткого контроля, считая его посягательством на национальный суверенитет. Французский представитель Б. Гольдшмидт вспоминал: «Индия была лидером оппозиции очень строгому применению гарантий, и Франция, которую я представлял, поддержала ее, предложив смягчить гарантии в отношении естественного урана и настаивая на том, чтобы гарантии не были столь суровыми, чтобы отпугивать будущих государств-членов от обращения к новому агентству за помощью»¹⁵.

---

¹⁵ *Goldschmidt Bertrand*. The Origins of the International Atomic Agency. International Atomic Energy Agency: Personal Reflections. Vienna: IAEA, 1997. P. 11.

В финале конференции, когда возникла угроза отклонения проекта статьи XII или ее принятия очень небольшим числом голосов, Франция и Швейцария предложили компромиссную поправку, которая с некоторыми изменениями была принята. После включения в статью еще некоторых смягчающих ее поправок текст, во многих отношениях близкий к его первоначальной редакции, был единогласно одобрен.

В принятом Уставе Агентство уполномочивается «устанавливать и проводить в жизнь гарантии, имеющие своей целью обеспечить, чтобы специальные расщепляющиеся и иные материалы, услуги, оборудование, технические сведения, предоставляемые Агентством или по его требованию, или под его наблюдением или контролем, не были использованы таким образом, чтобы способствовать какой-либо военной цели, и распространять, по требованию сторон, применение этих гарантий на любые двусторонние или многосторонние соглашения или, по требованию того или иного государства, на любые виды деятельности этого государства в области атомной энергии» (ст. III.A.5). На основе этого принципиального положения Устава в статье XII излагается порядок осуществления гарантий.

Ограниченный и компромиссный характер предусмотренной Уставом МАГАТЭ системы гарантий, однако, является очевидным. Контроль может быть установлен только при трех обстоятельствах:

1. Помощь государству-получателю оказывается самим Агентством. Эта помощь на практике носит чрезвычайно ограниченный характер. Обещанные США, СССР и Великобританией многие сотни килограммов расщепляющихся материалов так и не были предоставлены членам Агентства, за исключением незначительных количеств.

2. Гарантии применяются к двусторонним (или многосторонним) соглашениям о сотрудничестве. Установление контроля зависит, следовательно, от требования государства, предоставляющего помощь, и от согласия на это государства-получателя.

3. Государство само добровольно соглашается поставить под гарантии свою ядерную деятельность. Этот вариант некоторыми скептиками тогда считался гипотетическим

и даже наивным, но во всяком случае безвредным. Однако в дальнейшем, после заключения Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), именно в соответствии с этим положением все ядерные державы добровольно согласились поставить под гарантии МАГАТЭ свою гражданскую ядерную деятельность (или часть ее), а участники соглашений о зонах, свободных от ядерного оружия, приняли международные гарантии для контроля за обеспечением безъядерного статуса таких зон. В 1996 г. была достигнута договоренность между Россией, США и МАГАТЭ о добровольной постановке под международный контроль расщепляющихся материалов оружейного происхождения (*Трехсторонняя инициатива*). Конкретные технические, правовые и финансовые аспекты контроля МАГАТЭ были проработаны, о чем было объявлено в сентябре 2002 г.

США считали текст статьи о гарантиях минимальным, но приемлемым выходом, который был «предпочтительнее, чем ничего», и рассчитывали в дальнейшем постепенно усиливать систему контроля, что в действительности впоследствии и произошло. Советский Союз, удовлетворившись тем, что не все требования США были приняты и что ему удалось завоевать поддержку ряда развивающихся стран, также согласился на принятие статьи XII.

Большое место в дискуссиях на конференции занял вопрос о взаимоотношениях между МАГАТЭ и ООН, в рассмотрении которого активность проявляла советская делегация. В Уставе МАГАТЭ была зафиксирована особая форма взаимоотношений между двумя организациями. Не будучи специализированным учреждением ООН, Агентство имеет автономный статус в рамках «семьи ООН».

Уставное положение об особом характере взаимоотношений между МАГАТЭ, ООН и ее Советом Безопасности было конкретизировано в соглашении между МАГАТЭ и ООН, заключенном в 1957 г. Во многом благодаря усилиям Советского Союза текст статьи IX этого соглашения был сформулирован следующим образом: «Агентство сотрудничает с Советом Безопасности, представляя ему по его требованию такие сведения и оказывая такую помощь, какие могут потребоваться при исполнении им своих

обязанностей по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности»¹⁶.

Именно это положение в дальнейшем послужит юридической основой для тесного сотрудничества между СБ и МАГАТЭ в деле разоружения ядерного потенциала Ирака после войны в Персидском заливе в 1991 г.

В отношении другого важного аспекта деятельности МАГАТЭ – его участия в контроле за ограничением ядерных вооружений и разоружением – в Уставе Агентства с общего согласия было записано положение о том, что МАГАТЭ «проводит свою деятельность в соответствии с целями и принципами Организации Объединенных Наций, направленными на укрепление мира и поощрение международного сотрудничества, и в согласии с проводимой Организацией Объединенных Наций политикой содействия установлению обусловленного гарантиями разоружения во всем мире и в согласии с любыми международными соглашениями, заключенными в соответствии с такой политикой» (ст. III.B.1).

Эта статья Устава в дальнейшей деятельности Агентства стала юридической основой для усилий Агентства по контролю за соблюдением ДНЯО, договоров о зонах, свободных от атомного оружия, и других соглашений.

23 октября 1956 г. Устав МАГАТЭ был единогласно принят Нью-Йоркской конференцией и вступил в силу 29 июля 1957 г.

Основные цели Агентства, как они определены статьей II Устава, состоят в содействии использованию атомной энергии в мирных целях и в обеспечении того, чтобы это *не способствовало «какой-либо военной цели»* (выделено мной. – Р.Т.). *Функции* МАГАТЭ заключаются, в соответствии со статьей III, в том, чтобы: во-первых, содействовать научно-исследовательской работе, развитию и применению атомной энергии в мирных целях; во-вторых, обеспечивать услуги, материалы, оборудование и технические средства; в-третьих, способствовать обмену научно-технической информацией; в-четвертых, поощрять обмен научными работниками; в-пятых, устанавливать гарантии; в-шестых, устанавливать нормы безопасности для охраны здоровья; и, в-седьмых, приобретать или создавать любые установки, заводы и оборудование.

---

¹⁶ Док. МАГАТЭ INFCIRC/11.

МАГАТЭ явилось первой универсальной международной организацией, располагающей функциями контроля и инспекции на территории ее государств-членов. Создание Агентства стало крупным шагом к институционализации международного контроля над атомной энергией.

Система гарантий по Уставу МАГАТЭ

На основе Устава Секретариат к маю 1959 г. подготовил документы об общих принципах и о детальных процедурах гарантий. На сессии Совета управляющих в июне-июле того же года советский представитель заявил о своих возражениях, считая преждевременным и нецелесообразным на данной стадии учреждать систему контроля. Не приняв никаких решений по существу вопроса, Совет решил перенести обсуждение на сентябрьскую сессию 1959 г.

К этому времени стало ясно, что среди стран-получателей единой линии в отношении гарантий нет. Представители Индии, Индонезии и ОАР (Египта) выступали против учреждения системы гарантий, а Бразилия, Аргентина, Пакистан и некоторые другие страны не проявляли четкой позиции по этому вопросу. С оговорками они высказались в поддержку системы гарантий, «рассчитывая, – по оценке МИД СССР, – на то, что американцы передадут со временем под контроль Агентства свои двусторонние соглашения и жесткий американский контроль, осуществляемый по этим соглашениям, будет заменен международным контролем Агентства»¹⁷.

Документ о гарантиях был в предварительной форме одобрен Советом¹⁸ в сентябре 1959 г. В нем определялись типы предпочтений, к которым должны применяться гарантии, виды помощи, требующие гарантий, количества ядерных материалов, предоставление которых получателю не вызывает необходимости в установлении гарантий, и т.д.

Об отрицательном отношении Москвы к выработке системы гарантий на этом этапе свидетельствовало, в частности, предложение Минсредмаша, сделанное в 1959 г., выступить в Совете

¹⁷ АВП РФ. Ф. 047. Оп. 6. П. 117. Д. 37. Л. 74–75.

¹⁸ Подразумевается Совет управляющих МАГАТЭ. – Прим. ред.

управляющих с заявлением о «неудовлетворительной деятельности» МАГАТЭ и с требованием, чтобы Агентство «впредь до заключения соглашения о запрещении атомного оружия и установления контроля за таким соглашением временно отказалось от создания той жесткой системы контроля, которая предусматривается Уставом Агентства, поскольку такой контроль является односторонним – распространяется лишь на страны-получатели помощи от Агентства – и отпугивает страны-члены Агентства от использования такой помощи». Однако министр иностранных дел А.А. Громыко высказал возражения, и такое заявление против разработки системы гарантий сделано не было¹⁹.

Работа над гарантиями тем временем продолжалась. В январе 1960 г. Совет управляющих рассмотрел процедуры применения гарантий к реакторам тепловой мощности менее 100 МВт, т.е. в основном к исследовательским реакторам, образовав комитет под председательством Г. Рандерса (Норвегия) для детальной проработки процедур гарантий.

Доклад комитета рассматривался Советом управляющих, и при постатейном обсуждении документа о гарантиях представителями СССР, Чехословакии и Болгарии был внесен ряд поправок, ориентированных «на приведение системы гарантий и контроля в соответствие с объемом и характером помощи», но за их принятие проголосовали только страны «советского блока» и Индия. В январе 1961 г. Совет управляющих при прохладной поддержке Франции и при пяти воздержавшихся (СССР, Чехословакия, Болгария, Индия и Шри-Ланка) одобрил первый документ МАГАТЭ о гарантиях (*INFCIRC/26*).

Изменение отношения СССР к гарантиям

В 1962 г. Агентство приступило к практическому осуществлению гарантий в ряде стран – к инспектированию исследовательских реакторов небольшой мощности. Но уже строились энергетические реакторы большой мощности, в частности в Японии, ФРГ и других странах. США добровольно заключили соглашение с Агентством о постановке под контроль крупного энергетического реактора *Янки*, чтобы дать возможность опробовать систе-

¹⁹ АВП РФ. Ф. 047. Оп. 5 а. П. 108. Д. 2. Л. 1–18.

му гарантий применительно к мощным реакторам. В этих условиях Совет управляющих в феврале 1963 г. решил, что действующую систему гарантий, принятую для реакторов малой мощности, следует распространить на реакторы любой мощности.

Была создана рабочая группа, в которой Советский Союз поначалу занимал неконструктивную позицию, поддерживая *обструкционистскую* линию Индии. Тем не менее, в советской позиции по гарантиям уже намечались перемены. В июне 1963 г. Совет управляющих *единодушно* постановил распространить *INFCIRC/26* в предварительном порядке на более мощные реакторы (*INFCIRC/26/Rev. 1*), который предусматривал более жесткие условия контроля, включая доступ на установки в любое время, и провести общий пересмотр всей системы гарантий. Управляющий от СССР В.С. Емельянов *впервые* активно поддержал систему гарантий Агентства. Как писал управляющий от Франции Б. Гольдшмидт, Емельянов заявил перед изумленной аудиторией, что «он всегда рассматривал применение гарантий в качестве наиболее важной задачи Агентства»²⁰.

В феврале 1964 г. Совет учредил рабочую группу под председательством Г. Рандерса для широкого пересмотра системы гарантий, и при конструктивном сотрудничестве со стороны Советского Союза в 1964–1965 гг. группой была разработана и в феврале 1965 г. принята Советом, а в сентябре того же года единодушно утверждена Генеральной конференцией новая система гарантий, применимая к реакторам *любой* мощности (*INFCIRC/66*). [...]

После принятия документа о гарантиях в отношении реакторов любой мощности возник вопрос о распространении документа на заводы по переработке ОЯТ. Советский Союз поддержал проведение этой работы. Следующим этапом было распространение системы гарантий на заводы по изготовлению ядерного топлива. В рабочей группе МАГАТЭ, рассматривавшей этот вопрос в ноябре 1967 г., советская делегация решительно отстаивала необходимость строгого контроля, учитывая характер подвергаемых гарантиям объектов, и полностью поддержала проект документа, подготовленного секретариатом Агентства. Она выступила против предложения ЮАР, поддер-

²⁰ Goldschmidt B. Le Complexe Atomique. Paris: Fayard, 1980. P. 404.

жанного ФРГ, Японией и Индией, о том, чтобы гарантии распространялись не на сами заводы, а только на ядерные материалы, находящиеся на них. Руководитель советской делегации Г.П. Аркадьев заявил, что предложение ЮАР расходится с ранее принятым документом о гарантиях в отношении заводов по переработке. Советскую позицию поддержали США, Чехословакия и Аргентина, и предложение ЮАР было отклонено.

Эксперт от ФРГ В. Хефеле выступил с предложением, чтобы инспекции на заводах по изготовлению топлива осуществлялись только в «ключевых местах», т.е. на входе и выходе с предприятий и в пунктах между производственной зоной и зоной хранения, причем контроль осуществлялся бы преимущественно с помощью приборов. Однако делегации СССР, США и Великобритании выступили с возражениями, и предложение немецкого эксперта было отклонено. Проект, подготовленный секретариатом, был принят при минимальных поправках и в июне 1968 г. утвержден Советом управляющих. В сводной форме документ о гарантиях получил индекс *INFCIRC/66/Rev. 2*.

В таком виде указанная система гарантий Агентства действует и сейчас применительно к *отдельным* атомным объектам, в отношении которых между Агентством и соответствующими странами заключены соглашения о гарантиях.

Существовало немало предположений о том, что послужило причиной изменения Советским Союзом в 1963–1964 гг. своего критического отношения к гарантиям в сторону активного включения в работу по усовершенствованию и усилению системы гарантий Агентства. Так, управляющий от Франции Б. Гольдшмидт высказывал предположение, что главной причиной была наступившая после Карибского кризиса 1962 г. разрядка в советско-американских отношениях, которая подтолкнула оба ведущих ядерных государства к заключению в 1963 г. Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космосе и под водой²¹. [...]

Д. Фишер, многие годы успешно руководивший Отделом внешних сношений Агентства и отвечавший за заключение соглашений о гарантиях, придерживался мнения, что поворот в отношении СССР к гарантиям произошел по той причине, что

²¹ Ibid. P. 176.

Советский Союз «обжегся», помогая КНР создавать ядерное оружие, но в последний момент передумал из-за опасений, как бы это оружие не было использовано против «самого благодетеля»²².

В действительности причины перемены в подходе к гарантиям руководства СССР лежали главным образом в том, что Москва в начале 1960-х гг. стала проявлять все большую озабоченность ускоренным развитием атомной энергетической промышленности ФРГ.

В начале 1964 г. МИД СССР запрашивал Минсредмаш об имеющихся у него данных относительно развития атомной энергетики в Западной Германии. В ответе приводились детальные сведения о количестве, мощности, типе, других характеристиках германских исследовательских и энергетических реакторов. Особое внимание было обращено на соглашение, заключенное фирмой *Siemens* с Комиссариатом по атомной энергии Франции о строительстве реакторов на природном уране с графитовым и тяжеловодным замедлителями²³.

Ядерная деятельность ФРГ и других западноевропейских стран находилась вне контроля МАГАТЭ и под гарантиями только Евратома, к которому у Советского Союза тогда никакого доверия не было. В аналитическом материале «ФРГ и гарантии Евратома», подготовленном в МИД СССР в мае 1966 г., отмечалось, что для ФРГ значение Евратома состоит в том, что он потенциально может открыть путь для налаживания производства ядерного оружия. «Даже при наличии формального запрещения производства ядерного оружия в ФРГ последняя может через свое участие в Евратоме создать необходимую научно-техническую и производственную базу для перехода к военному производству»²⁴.

---

²² Однако в дальнейшем Д. Фишер изменил свое мнение. В 1997 г. он сказал: «Нет сомнения, что подоплекой перемены позиции была советская озабоченность по поводу Федеративной Республики Германии и ее развивающейся ядерной программы. Стало ясным, что более строгие международные гарантии будут отвечать интересам СССР, даже несмотря на то, что в 1963 г. отнюдь не было уверенности, что гарантии МАГАТЭ будут применяться в ФРГ» (*Fischer D. History of the International Atomic Energy Agency. The First Forty Years. Vienna: IAEA, 1997. P. 251–252*).

²³ АВП РФ. Ф. 047. Оп. 10. П. 116. Д. 42. Л. 85–87.

²⁴ Там же. Оп. 12. П. 131. Д. 34. Л. 68.

Советский Союз не мог не испытывать озабоченности и в отношении ряда других государств, в частности Японии, где также быстро развивалась атомная деятельность.

Разумеется, общая эволюция международной обстановки после разрешения Карибского кризиса 1962 г. в сторону смягчения напряженности между Советским Союзом и Соединенными Штатами, заключение в 1963 г. *Московского договора о запрещении ядерных испытаний в трех средах* также содействовали изменению подхода СССР к гарантиям МАГАТЭ в положительную сторону. [...]

Разработка системы гарантий по ДНЯО

После вступления в силу Договора о нераспространении ядерного оружия в 1970 г. возникла необходимость в создании новой системы гарантий. Если прежняя система гарантий (*INFCIRC/66/Rev.2*) применяется лишь в отношении *конкретного* материала и оборудования, то договором о нераспространении (статья III) требуется *обязательная* постанoвка под гарантии *всей* ядерной деятельности в *неядерных* государствах – участниках ДНЯО с тем, чтобы «не допустить переключения ядерной энергии с мирного применения на ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства». Договор стал дальнейшим шагом в развитии концепции международного контроля над атомной энергией, не только охватив таким контролем все неядерные государства – участники ДНЯО, но и подтолкнув также и ядерные державы к принятию принципа гарантий. При разработке новой системы необходимо было также учитывать, что, если Устав Агентства не допускал использования атомной энергии для «какой-либо военной цели», то ДНЯО устанавливал запрет на производство неядерными государствами только ядерного оружия и других ядерных взрывных устройств.

Система гарантий по договору была разработана в 1970–1971 гг. специальным комитетом Совета управляющих МАГАТЭ при тесном сотрудничестве СССР, США и Великобритании, которые добивались в комитете установления строгой системы вопреки противодействию ФРГ, Японии и некоторых других стран. Новая система, являющаяся всеобъемлющей (*comprehensive*), была утверждена Советом в виде типового проекта соглашения о гаран-

тиях между Агентством и неядерным государством-участником ДНЯО (INFCIRC/153).

По соглашению государство обязуется информировать Агентство о ядерных материалах, которые оно импортирует или производит внутри страны, и сообщать обо всех местах нахождения таких материалов, а инспекторы МАГАТЭ проводят независимую проверку и дают оценку «точности и полноты» (*correctness and completeness*) заявлений государства относительно ядерных материалов и мест их нахождения.

Основным способом обеспечения гарантий является учет ядерных материалов, для чего государство создает и ведет национальную систему учета и контроля. Меры Агентства по контролю доступа к ядерным материалам, например, использование печатей на контейнерах и дверях (*containment*), а также наблюдение с помощью видеокамер и других устройств за ядерными материалами и/или за маршрутами, по которым они проходят (*surveillance*), применяются для пополнения информации, полученной на основе практики учета материалов, и подтверждения ее неизменности. Целью практики учета является своевременное установление количества ядерного материала, находящегося в ядерной установке, и изменений, которые могут в нем произойти.

Инспекторы МАГАТЭ, обладающие необходимыми привилегиями и иммунитетом, периодически посещают установку с целью проверки инвентарного количества ядерного материала и его изменений, а также для определения правильности отчетов. Проверка включает измерения ядерного материала на месте и отбор проб для последующего анализа в Агентстве.

Результаты проверки и выводы, сделанные инспекторами, Агентство направляет государству. Если данные свидетельствуют о том, что могло иметь место переключение ядерного материала на запрещенные цели, Генеральный директор должен представить доклад Совету управляющих о несоблюдении Устава. Если Совет приходит к выводу, что МАГАТЭ не в состоянии проверить факт отсутствия переключения ядерного материала, он должен представить доклад Совету Безопасности ООН для принятия соответствующих мер по Уставу ООН. Совет управляющих представлял такие доклады по двум странам – по Ираку в 1991 г. и по КНДР в 1992 г., а также в последующие годы.

Из всех неядерных государств-участников ДНЯО 48 еще не выполнили своих обязательств по заключению соглашений о гарантиях с Агентством²⁵. Впрочем, практически все эти государства не имеют ядерной деятельности, подлежащей гарантиям.

Дополнительный протокол

События, имевшие место в мире в начале 1990-х гг. (выявление тайной деятельности Ирака по созданию ядерного оружия в 1991 г., свертывание ядерной программы в ЮАР в 1991–1992 гг., а также ставшая известной информация, связанная с ядерной деятельностью в КНДР), показали ошибочность предположения о том, что угрозы режиму нераспространения ядерного оружия исходят лишь от тех, кто не является участником этого режима. Но что еще более важно, эти события выявили, что система гарантий МАГАТЭ на основе ДНЯО, которая строится на учете лишь заявленной ядерной деятельности и предусматривает довольно ограниченные права доступа к информации и площадкам, на деле не является ни достаточно надежной, ни всеобъемлющей.

Сложившаяся ситуация побудила МАГАТЭ предпринять ряд усилий по укреплению системы гарантий. Совет управляющих подтвердил право на использование специальных инспекций (проводимых Агентством, если оно считает, что информация, предоставленная государством или полученная в результате обычных инспекций, является недостаточной), а также принял решения относительно заблаговременного предоставления информации о конструкции установок, находящихся в стадии строительства или модернизации, о более широкой схеме отчетности по импорту и экспорту ядерных материалов, а также по экспорту специального оборудования и неядерного материала.

Процессу укрепления системы гарантий был дан новый импульс, когда в апреле 1993 г. Постоянная консультативная группа по применению гарантий при МАГАТЭ (SAGSI) представила на рассмотрение Генерального директора Агентства доклад, содержащий рекомендации по повышению эффективности и в то же

---

²⁵ Данные указаны по состоянию на момент публикации оригинала текста. – Прим. ред.

время экономичности системы гарантий. В результате рассмотрения доклада Советом управляющих Агентства в июле 1993 г. была утверждена программа по созданию более эффективной и более экономичной системы гарантий, широко известная как *Программа 93+2*, которая была рассчитана на два года.

Программа предусматривала реформирование и внесение усовершенствований по трем основным направлениям: повышение эффективности доступа МАГАТЭ к информации, облегчение доступа Агентства к местам нахождения материала и рационализация и усовершенствование ряда административных мер, ускоряющих процесс назначения инспекторов.

В результате реализации *Программы 93+2* в мае 1997 г. Совет управляющих принял типовой Дополнительный протокол, изданный Агентством под индексом *INFCIRC/540*, в качестве стандарта для дополнительных протоколов к соглашениям о всеобъемлющих гарантиях по документу *INFCIRC/153*.

Этот протокол дал Агентству дополнительные полномочия и важные новые средства повышения действенности и эффективности осуществления гарантий. Он значительно повышает возможности МАГАТЭ обнаруживать незаявленные ядерные материалы и деятельность, предоставляя ему более широкие права доступа к информации, площадкам и другим местам нахождения материала.

Теперь государства, присоединившиеся к Дополнительному протоколу, берут на себя обязательства предоставлять более полный объем информации о своей ядерной деятельности посредством *расширенного* заявления о своих ядерных программах. До этого времени государства – члены МАГАТЭ представляли заявления, которые включали только ядерные материалы и установки, содержащие или могущие содержать заявленные ядерные материалы, находящиеся на территории государства или под его юрисдикцией или контролем. В расширенном заявлении, в дополнение к этой информации, должны содержаться сведения о *всех других видах* ядерной деятельности государства. Эта информация должна включать описание всех процессов и местонахождение *всех* объектов, относящихся к ядерной деятельности (производство, исследования и разработки, обучение персонала и т.д.).

У Агентства появилось больше возможностей проверить точность и полноту данных расширенных заявлений, а также не только возможные факты переключения заявленного материала, но и наличие незаявленного материала или деятельности, так как значительно расширилась возможность доступа инспекторов МАГАТЭ к местам, где может находиться подобный материал. Основные меры, предусматриваемые Дополнительным протоколом, состоят в следующем:

1) получение информации и доступ инспекторов *ко всем аспектам* ядерного топливного цикла государств, *от урановых рудников до хранилищ урановых отходов*, а также к любым другим местам нахождения, где имеется ядерный материал, предназначенный для неядерного использования;

2) получение информации об исследованиях и разработках, связанных с ядерным топливным циклом, и механизмы их инспектирования;

3) получение информации *обо всех зданиях, находящихся на ядерной площадке*, и доступ к ним инспекторов с *краткосрочным уведомлением*;

4) получение информации об изготовлении и экспорте *чувствительных технологий, связанной с ядерной деятельностью*, и механизмы инспекций в местах изготовления и импорта;

5) *отбор проб окружающей среды за пределами заявленных мест* нахождения в тех случаях, когда МАГАТЭ считает это необходимым;

6) административные мероприятия, улучшающие процесс назначения инспекторов, выдачу *многократных въездных виз* (необходимых для необъявленных инспекций) и доступ МАГАТЭ к современным средствам связи.

В целом эти меры существенно укрепляют международную систему гарантий. Теперь в отношении государств, присоединившихся к Дополнительному протоколу, Агентство может делать выводы не только об отсутствии переключения ядерного материала с заявленной деятельности, но и об отсутствии незаявленных ядерных материалов и ядерной деятельности в целом.

Процедуры присоединения к Дополнительному протоколу являются такими же, как и для соглашений о гарантиях. По состоянию на январь 2003 г. Советом управляющих одобрены дополнительные протоколы с 74 государствами, его подписали 67, включая все ядерные²⁶. Но только для 29 государств, включая одно ядерное (Китай), Дополнительный протокол уже вступил в силу. Россия и США протокол еще не ратифицировали²⁷. Страны Европейского Союза приняли решение об одновременном введении в действие Протокола на своих территориях. По данным МАГАТЭ, из членов Союза следующие страны по состоянию на январь 2003 г. не завершили внутренних процедур по вступлению в силу протокола: Великобритания, Дания, Ирландия, Италия, Люксембург и Франция.

Из вышеизложенного видно, что количество стран, в которых уже применяется Дополнительный протокол, пока что довольно невелико. Темпы присоединения государств к протоколу оставляют желать лучшего, поэтому в последнее время Секретариат МАГАТЭ предпринимает активные усилия по его продвижению. В 2001 г. Секретариат разработал план действий, призванный содействовать более активному присоединению стран к протоколу. По этому плану Агентство разделило все государства на государства со значительной ядерной деятельностью (*Группа 1*) и государства с незначительной ядерной деятельностью (*Группа 2*). Последним было предложено подписать так называемый «Протокол малых количеств» (*Small Quantities Protocol*), по которому многие положения типового Дополнительного протокола не применяются (до тех пор, пока государство принадлежит к *Группе 2*).

Среди причин не столь быстрого, как ожидалось, увеличения числа государств, принявших Дополнительный протокол, специалисты называют следующие: во-первых, сказывается отсутствие энтузиазма у таких стран, как, например, Соединенные Штаты,

---

²⁶ По состоянию на 31 декабря 2021 года действуют дополнительные протоколы со 138 государствами и Евратомом. 14 государств подписали дополнительный протокол, но еще не ввели его в действие. См.: Status List. Conclusion of Additional Protocols // Сайт МАГАТЭ. 31.12.2021. URL: <https://www.iaea.org/sites/default/files/20/01/sg-ap-status.pdf> – *Прим. ред.*

²⁷ Россия ратифицировала Дополнительный протокол в 2007 г., США – в 2009 г. – *Прим. ред.*

в отношении международных договоров в области ограничения вооружений, разоружения и нераспространения; во-вторых, нежелание стран ближневосточного региона (пока присоединилась только Иордания) подписывать протокол до тех пор, пока к нему не присоединится Израиль, а ведь именно события в этом регионе подтолкнули начать процесс укрепления системы гарантий МАГАТЭ; в-третьих, отмечают, что во время Конференции по рассмотрению действия ДНЯО 2000 г. и в ходе подготовки к такой конференции 2005 г. Дополнительному протоколу не уделялось и не уделяется достаточного внимания, этот вопрос был отодвинут на задний план дискуссиями о выполнении ядерными державами ст. VI ДНЯО относительно достижения полного ядерного разоружения. [...]

Вопрос, который волнует специалистов и более широкие круги общественности, – сможет ли укрепленная система гарантий обеспечить полную уверенность мирового сообщества в том, что государства, подписавшие Дополнительный протокол, выполняют свои обязательства по нераспространению ядерного оружия и по использованию ядерной энергии в мирных целях. Для этого в первую очередь необходимо, чтобы Дополнительный протокол подписали как можно больше государств, реализуя тем самым потенциал укрепленной системы гарантий.

После принятия типового Дополнительного протокола Агентство продолжает работу над усовершенствованием системы гарантий. С 1998 г. МАГАТЭ приступило к программе разработки *интегрированных гарантий (integrated safeguards)*, которая направлена на оптимизацию системы гарантий с учетом новых мер, предусмотренных Дополнительным протоколом, с целью достижения максимальной эффективности и действенности в пределах выделенных ресурсов. В частности, если Агентство будет убеждено в отсутствии незаявленных установок по переработке отработанного ядерного топлива, то принятые в настоящее время требования к контролю такого топлива могут быть существенно снижены. Подобная оптимизация может быть проведена и в отношении других категорий ядерного материала, не являющихся критическими с точки зрения ядерного нераспространения. Высвобождающиеся таким образом ресурсы могут быть направлены на применение международных гарантий в отношении все возрастающих количеств подлежащего

гарантиям ядерного материала. *Интегрированные гарантии* могут осуществляться только в государствах, где вступили в силу как соглашение о всеобъемлющих гарантиях, так и Дополнительный протокол. В марте 2002 г. Совет управляющих МАГАТЭ одобрил «концептуальные рамки *интегрированных гарантий*», основанные на изложенных принципах. [...]

Практически деятельность Агентства по применению гарантий в государствах, располагающих ядерным оружием, ограничивается небольшим количеством ядерных установок ввиду скромных финансовых возможностей МАГАТЭ. Тем не менее, добровольные действия этих государств способствовали отклонению или во всяком случае смягчению утверждений некоторых неядерных стран, что ДНЯО носит дискриминационный характер. В 2001 г. под гарантиями во всех пяти ядерных государствах находились 12 атомных установок, в основном хранилища ядерных материалов, а также заводы по обогащению, плюс еще 3 установки, в которых под гарантиями имелось некоторое количество ядерных материалов²⁸. [...]

Общий объем деятельности МАГАТЭ по гарантиям

По состоянию на конец 2001 г. Агентство имело 225 действующих соглашений о гарантиях со 141 государством. Всего под контролем Агентства по всем соглашениям о гарантиях, включая установки в ядерных государствах, находились более 900 установок и 117 162 «значимых количеств» материалов в различном виде: выделенный плутоний, высокообогащенный уран (ВОУ), низкообогащенный уран (НОУ), облученное ядерное топливо (ОЯТ) и т.п.^{29, 30}

---

²⁸ Док. МАГАТЭ GC(46)/2. С. 141.

²⁹ Док. МАГАТЭ GC(46)/2. С. 140–141. Под *значимыми количествами* понимаются материалы прямого назначения: 8 кг по плутонию, 8 кг по урану-233 и 25 кг по урану-235 с обогащением 20% и более.

³⁰ Для сравнения: К концу 2020 г. МАГАТЭ применяло гарантии в отношении 184 государств, включая 181 государство – участник ДНЯО; под гарантиями МАГАТЭ находилось более 1300 ядерных установок и мест нахождения. В 2020 г. инспекторы МАГАТЭ провели более 3000 инспекций на местах. См.: *Суссману И.* ДНЯО и гарантии МАГАТЭ // Бюллетень МАГАТЭ. Декабрь 2021 г. URL: <https://www.iaea.org/sites/default/files/iaeaandnptru.pdf> – *Прим. ред.*

Хотя это сравнительно небольшая доля всего ядерного материала, накопленного в мире с начала атомной эры, тем не менее можно с полным основанием говорить о том, что международный контроль над атомной энергией в значительной степени *уже существует*, постоянно расширяется и имеет неплохие перспективы для дальнейшего развития. МАГАТЭ за 45 лет существования зарекомендовало себя как достаточно надежная всемирная организация, которая не стоит на месте, неизменно совершенствуя свой инструментарий международного контроля. Неслучайно членский состав Агентства постоянно растет, вступающие в него новые члены отдают себе полный отчет в том, что развитие атомной энергии невозможно без применения гарантий для недопущения ее использования в недозволенных целях. МАГАТЭ – бесспорный институциональный фундамент международного режима ядерного нераспространения.

Комитет Цангера и Группа ядерных поставщиков¹

Эти международные механизмы, определяющие материалы, оборудование и технологии, подлежащие экспортному контролю, и регулирующие его нормы, являются важной составляющей режима ядерного нераспространения и содействуют обеспечению международного контроля над атомной энергией.

Международная система контроля над ядерным экспортом в целях нераспространения основывается на пункте 2 статьи III ДНЯО, согласно которой каждое из государств – участников ДНЯО «обязуется не предоставлять: а) исходного или специального расщепляющегося материала или б) оборудования или материала, специально предназначенного или подготовленного для обработки, использования или производства специального расщепляющегося материала любому государству, не обладающему ядерным оружием, для мирных целей, если на этот исходный или специальный материал не распространяются гарантии» МАГАТЭ.

Исходя из данной статьи, совместными усилиями промышленно развитых стран был создан режим контроля над ядерным экспортом, реализуемый через национальные законодательства этих государств на основе международных договоренностей, достигнутых в рамках *Комитета Цангера и Группы ядерных поставщиков* (ГЯП).

Необходимость формирования международной системы контроля за ядерным экспортом была обусловлена как международно-политическими, так и экономическими факторами. Первоначальным толчком стал факт проведения в 1974 г. Индией,

---

¹ Впервые опубликовано: *Тимербаев Р.М.* Международный контроль над атомной энергией // Научные записки ПИР-Центра: национальная и глобальная безопасность. 2003. № 22. С. 191–200.

не входящей в ДНЯО, испытания ядерного взрывного устройства, причем существенное содействие ей было оказано из-за рубежа, прежде всего Канадой, поставившей реактор *CIRUS* без требования о гарантиях. Для государств, которые стали позитивно относиться к проблемам ядерного нераспространения после подписания ДНЯО, индийский взрыв послужил явственным сигналом, что предстоит еще много работы по усилению режима нераспространения. Вторым важным событием, оказавшим воздействие на стремление ряда государств скоординировать усилия, стало многократное увеличение цен на нефть в 1973–1978 гг. В этих условиях ядерная энергетика стала заманчивой альтернативой нефтяной. Поскольку многие эксперты полагали, что уран является относительно редким элементом, то в качестве наиболее вероятной перспективы стали рассматриваться ядерные реакторы с плутониевым топливным циклом. МАГАТЭ предсказывало, что к концу 1980-х гг. плутониевое топливо будет использоваться примерно в 40 государствах. Проблема контроля за большими количествами выделенного плутония, который пригоден и для военных целей, представлялась серьезным испытанием для режима ядерного нераспространения.

По мере того, как все возрастающее число государств стало проявлять интерес к переработке топлива и выделению плутония, появилась озабоченность, что предприятия по переработке топлива, *даже находясь под гарантиями МАГАТЭ*, могут переключить находящийся под гарантиями плутоний для изготовления ядерного оружия в относительно короткий период, предоставляя мировому сообществу слишком мало времени для организации эффективного воздействия. Так, Пакистан, подталкиваемый проведенным Индией в 1974 г. испытанием, активизировал попытки приобрести во Франции завод по переработке ОЯТ и осуществить секретную программу по обогащению урана. Тайвань, желая укрепить свои позиции в противостоянии с КНР, обратился к Франции с заявкой на покупку технологии переработки ОЯТ и к Великобритании с заявкой на переработку его ОЯТ. Южная Корея, опасавшаяся своего северного соседа и неуверенная в надежности обязательств США по ее обороне, добилась приобретения технологии переработки у Франции. Ирак, в ответ на угрозы со стороны Израиля и Ирана, ускорил работы по получению возможности как обогащения урана, так и переработки плутония.

Эти события, наряду с неосмотрительной политикой в области экспорта, проводимой государствами-ядерными поставщиками (например, в 1975 г. ФРГ заключила контракт с Бразилией на поставку технологии, охватывающей весь ядерный топливный цикл), вынудили ведущие государства-экспортеры задуматься о неотложных мерах по упрочению контроля за ядерным экспортом.

Решительные шаги были предприняты в США в период администрации Дж. Картера (1977–1981). Соединенные Штаты заявили, что не будут далее перерабатывать ОЯТ либо экспортировать технологии обогащения и переработки. В 1978 г. Конгресс США принял *Закон о ядерном нераспространении*, фактически вводящий норму полноохватных гарантий, которая сегодня стала международно признанной составляющей системы экспортного контроля. Однако в 1970-е гг. она не получила еще широкой поддержки в мире. Решение проблем экспортного контроля можно было найти только на пути международного сотрудничества, и соответствующие усилия предпринимались уже с начала 1970-х гг.

Названный по имени его первого председателя К. Цангера *Комитет Цангера* был создан в 1971 г., чтобы достичь общей договоренности экспортеров – членов ДНЯО относительно взаимоприемлемого определения того, что составляет «оборудование или материал, специально предназначенные или подготовленные для обработки, использования или производства специального расщепляющегося материала», в целях соблюдения обязательств по статье III.2 ДНЯО на основе добросовестной коммерческой конкуренции.

В итоге в августе 1974 г. государствами-поставщиками были согласованы два меморандума: *Меморандум А*, охватывающий экспорт «исходного и специального расщепляющегося материала» (подпункт “а” статьи III.2), и *Меморандум В* – экспорт «оборудования или материала, специально предназначенного или подготовленного для обработки, использования или производства специального расщепляющегося материала» (подпункт “b” той же статьи). В совокупности они составили *Исходный список (Trigger List)*, т.е. перечень предметов, экспорт которых должен контролироваться путем постановки их под гарантии. Были также согласованы Пояснения (*Clarifications*) к *Исходному списку*,

в которых содержались более детальные характеристики ядерного оборудования.

Что касается применения гарантий к поставляемым экспортерами материалам или оборудованию, то достигнутыми договоренностями предусматривалось, что при поставках в неядерные страны, не являющиеся участниками ДНЯО, правительство-экспортер: *a)* будет требовать от получателя в качестве условия поставки, что исходные или специальные расщепляющиеся материалы не должны переключаться на ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства и *b)* должно удостовериться в том, что к таким поставляемым материалам применяются гарантии по соглашению с Агентством и в соответствии с его системой гарантий.

Рекомендации Комитета Цангера имели определенные недостатки. Прежде всего, эти рекомендации привязаны к ДНЯО. Франция, один из крупнейших ядерных экспортеров, в 1970-е гг. еще не являлась участницей ДНЯО. Вместе с тем она поставила реактор Ираку и передала технологию переработки ОЯТ Южной Кореи и Пакистану.

После произведенного Индией испытания 1974 г. страны-поставщики ядерных технологий пришли к выводу о необходимости выработать новые международные нормы контроля над ядерным экспортом. Кроме того, был нужен механизм, напрямую не привязанный к ДНЯО, что дало бы возможность странам, не присоединившимся к Договору, участвовать в многостороннем режиме контроля над ядерным экспортом.

По инициативе США, СССР и Великобритании начиная с 1975 г. в Лондоне проходили переговоры этих стран совместно с Францией, Канадой, ФРГ и Японией, составивших первоначальную основу *Группы ядерных поставщиков* (ГЯП), по выработке единых правил регулирования ядерного экспорта.

В 1977 г. ГЯП единогласно приняла Руководящие принципы для ядерного экспорта, взяв за основу *Исходный список Комитета Цангера* и расширив его за счет таких чувствительных технологий, как производство тяжелой воды, обогащение урана, переработка ОЯТ.

Участники ГЯП согласились на ряд серьезных дополнительных ограничений и гарантий. В частности, товары, импортируемые неядерными государствами, не должны использоваться

для производства каких-либо ядерных взрывных устройств, в том числе для ядерных взрывов в мирных целях. Важным положением стало применение гарантий МАГАТЭ не только при экспорте ядерного материала и оборудования, но и при вывозе ядерных технологий, по крайней мере таких, которые будут сочтены критичными с точки зрения нераспространения. Это положение позволяло ввести контроль над возможным копированием установок по производству тяжелой воды, обогащению урана и переработке ОЯТ, исходя из имевшегося опыта, когда, в частности, Индия получила плутоний для ядерных взрывных устройств с реактора, скопированного с того, который был получен от Канады.

Руководящие принципы требуют таких же заверений в случае реэкспорта, как и при прямой поставке; кроме того, должно быть получено согласие ядерного экспортера на подобную сделку. Было введено требование обеспечения надежной физической защиты предметов ядерного экспорта от хищений и диверсий и определены уровни такой защиты в зависимости от чувствительности материала с точки зрения риска распространения.

11 января 1978 г. участники ГЯП (к тому времени их насчитывалось 15) направили в МАГАТЭ письма, к которым прилагался текст *Руководящих принципов для ядерного экспорта*. МАГАТЭ распространило их как свой официальный документ (*INFCIRC/254*) в целях информирования всех государств-членов Агентства.

ГЯП, вместе с тем, на первом этапе своей деятельности не смогла решить ряд важных вопросов, что сказывалось на эффективности режима. Среди проблем, которые ставились в ходе встреч ГЯП и которые не удалось тогда решить, был вопрос о полноохватных гарантиях. Отрицательная позиция Франции и ФРГ, отговорки Японии, Италии и Швейцарии не позволили включить требование о распространении гарантий МАГАТЭ на всю ядерную деятельность любых государств-получателей, не обладающих ядерным оружием. Советский Союз, активно поддерживавший полноохватные гарантии вместе с Великобританией, Канадой и восточноевропейскими странами, не стал вводить данное требование в свое внутреннее законодательство, мотивируя это необходимостью достижения общеобязательной договоренности между всеми основными ядерными поставщиками. Изменение позиции США в 1978, Японии в 1989 и ФРГ

в 1990 г. открыло дорогу для согласованных действий в этой области.

Другой проблемой, требовавшей решения на многосторонней основе, стал контроль за экспортом оборудования и материалов *двойного использования*, а также соответствующей технологии, применяемых в ядерных целях. Поскольку речь шла о значительном расширении контроля над предметами экспорта по сравнению с *Исходным списком*, односторонние меры государств-поставщиков могли иметь негативные экономические последствия. С большим трудом участники ГЯП пришли в дальнейшем к согласию по поводу создания многостороннего механизма контроля за экспортом продукции двойного использования, применяемой в ядерной области. Слабым звеном было отсутствие механизма обмена информацией и постоянных консультаций между участниками ГЯП.

К 1990-м гг. стали слишком очевидны недочеты режима контроля над ядерным экспортом. Интернационализация научно-технических знаний привела к резкому увеличению числа поставщиков критических технологий. Страны, тайно работавшие над военными ядерными программами, сменили тактику закупок: если ранее они предпочитали строительство ядерного объекта «под ключ», то теперь закупали отдельные товары и технологии двойного использования через посредников и интегрировали эти «узлы» в свою ядерную инфраструктуру. Существовало много обходных путей для размещения заказов на продукцию, подлежащую экспортному контролю.

Так, до операции «Буря в пустыне» Ирак систематически вводил в заблуждение иностранных поставщиков и их правительства относительно конечных получателей закупленных товаров. Широкие рамки иракской программы впоследствии стали побудительным мотивом при принятии решения об ужесточении процедур и контрольных мер МАГАТЭ.

Война в Персидском заливе подтолкнула промышленно развитые страны к переосмыслению политики экспортного контроля, и 27 членов ГЯП после почти 14-летнего перерыва начали работу над совершенствованием этого режима. Встреча в апреле 1992 г. в Варшаве ознаменовала новый этап в эволюции многостороннего режима ядерного экспортного контроля. Во встрече принимала активное участие Россия, взявшая на себя междуна-

родные обязательства Советского Союза в области ядерного нераспространения.

Приложения к *Руководящим принципам* для ядерного контроля были обновлены и гармонизированы с *Исходным списком*, обновленными участниками *Комитета Цангера* после 1978 г. Были приняты три новых важных документа, касающихся экспорта товаров и технологий двойного использования, применяемых в ядерной области: *перечень* последних, *Руководящие принципы* и *Меморандум о взаимопонимании по процедурным вопросам*. Государство, подписавшее Меморандум, обязывалось обмениваться информацией и уведомлять партнеров о предоставленных и неутвержденных лицензиях. Члены ГЯП также приняли правило, согласно которому, хотя окончательное решение о выдаче лицензии принимает каждое государство исходя из собственного понимания проблемы, все участники обязуются не разрешать экспорт без предварительной консультации с правительством страны, по определенным причинам запретившей экспорт данного товара или технологии.

Было также решено образовать контактный пункт для обмена информацией относительно поставок предметов двойного использования, каковым стала миссия Японии при МАГАТЭ в Вене. Страны – члены ГЯП информируют других членов об имеющихся у них сведениях относительно того, что какая-либо организация или фирма осуществляет поставки в нарушение имеющихся международных договоренностей.

На той же встрече в Варшаве было принято заявление о полных гарантиях (*full-scope safeguards*) как обязательном условии ядерных поставок в любое неядерное государство. Передача ядерных установок, оборудования, компонентов, материала и технологии, упомянутых в экспортном *Исходном списке Руководящих принципов для ядерных передач*, не должна разрешаться неядерному государству, если оно не ввело в действие соглашение с МАГАТЭ, требующее применения гарантий в отношении *всего* исходного и специального расщепляющегося материала в его нынешней и будущей мирной ядерной деятельности. Передача может быть разрешена лишь в исключительных случаях, когда она считается весьма важной для *безопасной* эксплуатации существующих установок и если в отношении послед-

них применяются гарантии. Поставщики должны предоставлять информацию и при необходимости проводить консультации, когда они намереваются разрешить такие поставки.

27 марта 1992 г. президент РФ Б.Н. Ельцин подписал указ, который установил, что экспорт из России ядерных материалов, технологий, оборудования, установок и специальных неядерных материалов, предназначенных для их обработки, использования или производства, в любое неядерное государство может осуществляться только при условии постановки всей ядерной деятельности этого государства под гарантии МАГАТЭ. Таким образом, в национальном российском законодательстве был кодифицирован принцип полноохватных гарантий. Это помогло прийти к консенсусу по данному вопросу и принять соответствующее заявление в рамках ГЯП. При этом было согласовано, что подобная политика не применяется к существовавшим на тот момент соглашениям и контрактам.

Решение о введении принципа полноохватных гарантий не имеет обратной силы и, таким образом, не распространяется, в частности, на соглашение между Россией (тогда СССР) и Индией 1988 г. о строительстве АЭС в Куданкуламе при соответствующих гарантиях МАГАТЭ.

В то же время *Руководящие принципы ядерного экспорта*, принятые в ГЯП, допускают в исключительных случаях экспорт в неядерные государства, не поставившие всю свою деятельность под контроль Агентства, для обеспечения безопасности эксплуатации уже действующих ядерных установок, находящихся под гарантиями МАГАТЭ. В России соответствующее положение было закреплено указом президента В.В. Путина от 6 мая 2000 г.

Основываясь на этом принципе ГЯП, введенном в действие в Российской Федерации упомянутым указом президента, Россия поставила в 2000 г. для АЭС *Таранур* в Индии, построенной еще в 1960-х гг. Соединенными Штатами и находящейся под гарантиями Агентства, около 58 т диоксида урана с обогащением от 1,66 до 2,6%. Однако большинство членов ГЯП, включая США, оспаривают обоснованность приводимого российской стороной довода, что поставка топлива вызвана необходимостью обеспечения безопасности этой АЭС. Аргументированное мнение членов ГЯП разделяют и некоторые российские эксперты.

Принятие нового члена ГЯП осуществляется на основе консенсуса. При рассмотрении вопроса о членстве принимаются в расчет следующие факторы:

- 1) способность поставлять предметы (в том числе путем транзита), включенные в приложения к *Руководящим принципам* ГЯП;
- 2) приверженность *Руководящим принципам* ГЯП и осуществление действий в соответствии с ними;
- 3) наличие юридически обязательной национальной системы экспортного контроля, реализующей приверженность действиям в соответствии с *Руководящими принципами*;
- 4) присоединение к ДНЯО, договорам *Тлателолко*, *Пелиндаба*, *Раротонга*, *Бангкокскому договору* или другому аналогичному международному соглашению о ядерном нераспространении, а также полное выполнение обязательств по таким договорам;
- 5) поддержка международных усилий по нераспространению ОМУ и средств его доставки.

ГЯП проводит ежегодные пленарные заседания. В дополнение к ним ГЯП имеет рабочие группы, а также, как указывалось, контактный пункт по вопросам режима двойного использования. Участниками ГЯП являются 40 государств, и Европейская комиссия является постоянным наблюдателем. Россия поставила вопрос о привлечении к работе Группы стран-неучастниц, развитых в ядерном отношении и являющихся потенциальными ядерными поставщиками (Китай, Индия, Пакистан, Израиль и др.), но эта идея пока поддержки в ГЯП не получила. На своих последних пленарных заседаниях, состоявшихся в 2001 и 2002 гг. в Аспене (штат Колорадо, США) и Праге, Председателю ГЯП, который ротируется на ежегодной основе, поручено продолжать контакты с нечленами Группы, такими как Китай, Египет, Индия, Индонезия, Иран, Малайзия, Мексика, Пакистан, Израиль в целях укрепления глобального режима нераспространения, в том числе путем усиления применения мер экспортного контроля².

---

² Nuclear Suppliers Group Plenary Meeting. 2002, 16–17 May. Cermin Palace. Prague. Press statement.

Принятые ГЯП договоренности о нормах ядерного экспорта изданы в виде документов МАГАТЭ *INFCIRC/254/Rev.5/Part 1 (corrected)* и *Rev.4/Part 2*. ГЯП и *Комитет Цангера* постоянно работают над совершенствованием списков ядерных предметов и предметов двойного использования с учетом развития соответствующих технологий. Договоренности о контроле за ядерным экспортом – важный элемент международного контроля над атомной энергией.

РАЗДЕЛ V

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЯДЕРНОГО НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ: УРОКИ ПРОШЛОГО И ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

Право выхода из ДНЯО (на примере КНДР)¹

Имеют ли участники ДНЯО – такие, например, как Северная Корея, – право выхода из Договора на любом основании? О чем говорит история выработки положения о праве выхода? [Редакция].

Венская конвенция о праве договоров устанавливает, что участник может выйти из договора «в соответствии с положениями Договора...» или с согласия всех участников². Второе из этих двух положений относительно выхода определенно неприменимо, если какой-либо из участников высказывает возражения против выхода, как это имело место при выходе из ДНЯО Северной Кореи. Но первое из указанных оснований требует соблюдения положения о выходе из ДНЯО. На Обзорной конференции по ДНЯО 2005 г. Соединенные Штаты заняли позицию, согласно которой участники ДНЯО имеют «суверенное право» выхода и, как

---

¹ Из статьи: Банн Джордж, Тиммербаев Роланд. Право выхода из ДНЯО: мнение двух участников переговоров по выработке договора [С. 32–35] // *Ядерный Контроль*. 2005. № 3. С. 31–45.

² Венская конвенция о праве договоров, ст. 54.

они считают, на любом основании³. Но это не согласуется с позицией, которую Соединенные Штаты отстаивали на переговорах по ДНЯО, не согласуется это и с общепризнанным международным правом договоров, которое мы процитировали в начале данного абзаца.

Соответствовал ли выход из Договора Северной Кореи содержащемуся в ДНЯО положению о праве выхода? Северная Корея представила два основания для своего выхода: во-первых, военные учения, проводившиеся Южной Кореей и Соединенными Штатами в 1993 г., которые, как заявила Северная Корея, представляли для нее угрозу, и, во-вторых, отсутствие объективности со стороны инспекторов МАГАТЭ, которые в 1993 г. имели полномочия от Агентства провести специальную инспекцию в Северной Корее за пределами исследовательского реактора – небольшого завода по переработке ОЯТ и некоторых других объектов, которые Северная Корея ранее объявила открытыми для инспекций. Оба основания были приведены в уведомлении, представленном Северной Кореей в 1993 г. Это уведомление было взято обратно за один день до вступления в силу решения о выходе из Договора в 1993 г. С момента представления уведомления к этому моменту прошло три месяца *минус один день*. Однако в 2003 г. Северная Корея вернулась к своему уведомлению 1993 г., заявив, что в 2003 г. достаточно уведомления за один день, поскольку в 1993 г. срок сделанного тогда уведомления завершился, за исключением одного дня, когда Северная Корея взяла обратно свое тогдашнее уведомление. Поскольку КНДР настаивала на том, что она просто возвращается к своему уведомлению 1993 г., то она полагала, что обоснования, представленные в том уведомлении для оправдания своего выхода из Договора, должны рассматриваться в качестве обоснований для выхода и в 2003 г.⁴

---

³ См.: Заявление представителя США на Обзорной конференции по ДНЯО 2005 г. С. Хорн от 23 мая 2005 г.: Право выхода из Договора остается суверенным правом. URL: <http://www.state.gov/t/vc/rls/rm/46644.htm> от 1 июня 2005 г.

⁴ Некоторые считали, что уведомление, сделанное в 2003 г., является новым уведомлением, которое может вступить в силу спустя три месяца после его направления. Однако к настоящему времени с момента направления уведомления 2003 г. прошло уже больше времени, чем три месяца. См.: *du Preez Jean & Potter William*. North Korea's Withdrawal from the NPT. <http://cns.miis.edu/pubs/week030409.htm> от 9 июня 2003 г.

В 1993 г. КНДР отказалась разрешить инспекторам МАГАТЭ провести инспекцию объектов за пределами того места, которое было объявлено открытым для проведения инспектирования. На этом месте располагались ядерный реактор, завод по выделению плутония и некоторые другие ядерные установки. На основании собранных ими доказательств инспекторы пришли к заключению, что Северная Корея, очевидно, выделила больше плутония, чем ею было заявлено Агентству. Инспекторы высказали пожелание проинспектировать другие близко расположенные объекты, чтобы собрать дополнительные доказательства, относящиеся к выделению плутония. Но Северная Корея отказалась их туда допустить⁵. После того как Совет управляющих МАГАТЭ принял решение поддержать просьбу инспекторов проинспектировать дополнительные объекты, КНДР направила свое уведомление другим участникам ДНЯО и Совету Безопасности ООН. Она отказалась дать разрешение на проведение инспекций МАГАТЭ в течение последовавших за уведомлением 1993 г. трех месяцев, а также и в дальнейшем.

Как указывалось, Северная Корея в 1993 г. представила два основания для выхода из Договора: проводившиеся Соединенными Штатами и Южной Кореей на южнокорейской территории военные учения под названием *Team Spirit*, которые, по утверждению КНДР, представляли угрозу ее безопасности; и второе – «отсутствие беспристрастности» со стороны инспекторов МАГАТЭ, которые обратились с просьбой проинспектировать дополнительные объекты, что Северная Корея не разрешила им сделать. Являлись ли эти основания «связанными с содержанием настоящего Договора исключительными обстоятельствами», поставившими «под угрозу» «высшие интересы» Северной Кореи?

И если эти утверждения Северной Кореи имели под собой какие-либо основания в 1993 г., то сохраняли ли подобные утверждения силу оснований и в 2003 г.? В уведомлении Северной Кореи, сделанном участникам ДНЯО в 2003 г., содержалась жалоба на то, что президент Буш⁶ включил КНДР в состав стран

---

⁵ См.: *Bunn G. A Brief History of DPRK's Nuclear Weapons-Related Efforts // Michael May, et. al. Verifying the Agreed Framework (Livermore and Stanford, CA: Lawrence Livermore Laboratory Center for Global Security Research and Stanford University Center for International Security and Cooperation, 2001). P. 15–16.*

⁶ Имеется в виду 43-й президент США Джордж Уокер Буш. – *Прим. ред.*

Оси зла, а также утверждение, что Соединенные Штаты держат ее под прицелом упреждающего удара⁷. И поскольку КНДР не предусмотрела трехмесячный период для своего выхода из Договора, то она, очевидно, должна была обосновать свой выход, исходя из уведомления 1993 г., но дело в том, что в уведомлении 1993 г. были приведены другие основания для выхода.

Чтобы ответить на указанные выше вопросы, рассмотрим историю выработки положения о праве выхода из ДНЯО. Формулировка этого положения основана, с двумя важными изменениями, на тексте Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой (в дальнейшем: *Договора о трех средах*), который был согласован между Советским Союзом, Соединенными Штатами и Великобританией в Москве в 1963 г. Первоначальный англо-американский проект этого Договора, который был подготовлен и предложен в Москве двумя делегациями, содержал гораздо более детализированное положение о праве выхода, чем то, которое было окончательно согласовано с Советским Союзом. Англо-американский проект перечислял несколько конкретных обоснований, которые могли бы оправдать выход из Договора, включая: «а) невыполнение любым другим Участником обязательств по настоящему Договору» и «б) проведение ядерных взрывов государством, не являющимся Участником настоящего Договора, при обстоятельствах, которые могли бы поставить под угрозу национальную безопасность выходящего из Договора Участника...»⁸ Таким образом, американская и британская делегации на московских переговорах считали, что их страны полагали необходимым иметь право выхода из Договора о трех средах, если другой участник Договора (Советский Союз?) нарушит свои обязательства по Договору путем проведения ядерных испытаний или если государство, не являющееся Участником (Китай?),

---

⁷ *du Preez Jean & Potter William. Op. cit.*

⁸ См.: Anglo-American Proposal Submitted to the 18 Nation Disarmament Committee: Draft Treaty Banning Tests in the Atmosphere, Outer Space and Underwater. August 27, 1962. Documents on Disarmament, 1962 (U.S. Arms Control and Disarmament Agency 1963). P. 804–805. Русский текст см.: Сборник основных документов по вопросу о разоружении. Т. V (1962 г.). М.: МИД СССР, 1963. С. 599–603. (Этот проект, согласованный между правительствами США и Великобритании, был предложен Советскому правительству на переговорах в Москве.)

произведет ядерные испытания, которые могли бы «поставить под угрозу» «национальную безопасность» выходящего из Договора участника.

Американским представителям на переговорах было важно включить в Договор о трех средах положение о праве выхода для получения согласия Сената США на ратификацию этого Договора с тем, чтобы он мог вступить в силу в 1963 г. Некоторые сенаторы могли бы настаивать на том, чтобы США имели право на выход из этого Договора для возобновления ядерных испытаний в атмосфере, если бы, например, Китай начал проведение испытаний в атмосфере, что он и сделал в 1964 г. Такие взрывы в атмосфере были бы запрещены Договором о трех средах, но никто и не ожидал, что Китай присоединится к Договору⁹.

В ходе московских переговоров советский министр иностранных дел А.А. Громыко занимал позицию, согласно которой любая страна имеет право отказаться от выполнения обязательств по Договору, если таковые обязательства будут противоречить ее высшим национальным интересам¹⁰. Громыко предложил формулировку о выходе не по причине желания нарушить Договор, а в порядке осуществления суверенных прав государств, т.е. предложил сформулировать право на выход в более общем виде. Советская сторона не имела возражений против включения в Договор положения об обстоятельствах, которые могли бы вынудить государство-участника принять решение о выходе из Договора в порядке осуществления государственного суверенитета и при наличии угрозы высшим интересам страны. Однако советская сторона стремилась избежать формулировок, которые могли бы содержать намек на Китай. Отсюда – компромиссная формула об исключительных обстоятельствах, «связанных с содержанием» Договора¹¹.

Согласованный компромисс был менее детализированным, чем формулировка англо-американского проекта, но сходным с ним в том, что в обоснование выхода требовалось объяснение причин. Компромиссная формулировка ограничивала причину, по которой разрешался бы выход, «связанными с содержанием»

---

⁹ См.: *Bunn G. Arms Control by Committee*. Stanford University Press, 1992. P. 38.

¹⁰ *Ibid.*

¹¹ См.: *Тилмербаев Р.М.* Россия и ядерное нераспространение. С. 320.

Договора о трех средах «исключительными обстоятельствами». Содержанием Договора, конечно же, являются ядерные испытания в атмосфере. Эта формулировка не включала предложенное в англо-американском проекте положение о том, что участник, пожелавший выйти из Договора, мог бы попросить созвать конференцию всех участников для «оценки значения положения»¹². Но она содержала требование, как и англо-американский проект, что участник, намеревающийся выйти из Договора, «о таком выходе уведомляет за три месяца всех Участников Договора»¹³.

В дальнейшем это положение Договора о трех средах легло в основу формулировки о праве выхода из ДНЯО. Но, прежде чем указанное положение было представлено американской и советской делегациями в 1968 г. на рассмотрение других стран – участниц Женевского комитета по разоружению, оно было изменено в двух важных отношениях. Как и в Договоре о трех средах, к которому многие из этих стран уже присоединились, в проекте ДНЯО говорилось, что право выхода из этого Договора может быть осуществлено только в том случае, если выходящее из него государство решает, что «связанные с содержанием настоящего Договора исключительные обстоятельства поставили под угрозу высшие интересы его страны». Но, в отличие от Договора о трех средах, уведомление о выходе должно быть направлено Совету Безопасности, а также другим участникам, и в нем должно содержаться заявление об «исключительных обстоятельствах», которые выходящий из Договора участник рассматривает как «поставившие под угрозу его высшие интересы».

Таким образом, проект ДНЯО предусматривал достаточно твердые условия для выхода («связанные с [ядерным нераспространением] исключительными обстоятельствами», которые «поставили под угрозу высшие интересы. [...]»). И что весьма важно, требовалось уведомление, в дополнение к уведомлению участников Договора, и в адрес Совета Безопасности, поскольку именно Совет по Уставу ООН имеет полномочия рассматривать угрозы международному миру и безопасности, которые мог бы вызвать выход из ДНЯО. Кроме того, требовалось представить

---

¹² Anglo-American Proposal.

¹³ В англо-американском проекте, правда, говорилось об уведомлении о выходе за 60 дней.

Совету и другим участникам заявление о причинах выхода. И такие причины затем могли быть рассмотрены и по ним вынесено суждение относительно того, действительно ли они составляют «исключительные обстоятельства», которые поставили «под угрозу высшие интересы» данной страны.

Эта американско-советская формула о праве выхода, внесенная на рассмотрение Женевского комитета по разоружению при выработке ДНЯО, была в основном принята большинством делегаций. Так, например, Египет (тогда – Объединенная Арабская Республика) еще раньше согласился с тем, что выход из Договора «должен быть связан не с абсолютным дискреционным правом (выходящего из Договора государства-участника), а с несоблюдением Договора. Это несоблюдение вытекает из невыполнения или нарушения Договора одной из договаривающихся сторон или из того факта, что третье государство пошло по пути распространения ядерного оружия вместе с каким-либо другим государством»¹⁴. Многие делегации придерживались точки зрения Египта. Однако, скажем, Бразилия стремилась к тому, чтобы облегчить выход – путем включения дополнительных причин, оправдывающих право выхода¹⁵. Но она встретила слабую поддержку. Эти переговоры и обсуждения не привели к изменениям формулировки о выходе, которая была предварительно согласована между Советским Союзом и Соединенными Штатами.

Таковой является формула, применимая к выходу из Договора Северной Кореи. Позволяет ли она выход по причинам, выдвинутым КНДР? Как отмечалось, причиной, выдвинутой Северной Кореей в 1993 г. для выхода из ДНЯО, были американско-южнокорейские военные учения, проходившие в Южной Корее, а также отсутствие объективности, по мнению Северной Кореи, со стороны инспекторов МАГАТЭ, которые желали провести специальную инспекцию за пределами ядерного реактора и установки по выделению плутония, регулярно проверявшихся

---

¹⁴ Выступление представителя ОАР Х. Халлафа в Комитете 18 государств по разоружению 3 марта 1966 г. Сборник основных документов по вопросу о разоружении. Т. VIII (1965–1966 гг.). М.: МИД СССР, 1968. С. 325.

¹⁵ Выступление представителя Бразилии А. Кастро в Комитете 18 государств по разоружению 8 февраля 1968 г. Сборник основных документов по вопросу о разоружении. Т. X (1968 г.). М.: МИД СССР, 1971. С. 55.

Агентством в Нёнбене¹⁶. Причины, приведенные Северной Кореей, едва ли являлись связанными с содержанием настоящего Договора «исключительными обстоятельствами» даже в 1993 г., а тем более в 2003 г., когда КНДР объявила, что ее уведомление 1993 г., которое не действовало в течение десяти лет, вступит в силу почти незамедлительно. Уведомление 1993 г. было взято Северной Кореей обратно за один день до истечения трехмесячного срока. В 2003 г. КНДР направила уведомление о выходе за один день, и, как представляется, оно возобновляло уведомление 1993 г., поскольку вступало в силу через один день до срока, оставшегося от трехмесячного периода уведомления 1993 г.

В заявлении для печати, сделанном в 2003 г., Северная Корея объявила об «автоматическом и немедленном вступлении в силу выхода из ДНЯО» (вводимом в действие на следующий день). Выход из Договора, как говорилось в этом сообщении для печати, объясняется «тяжелой ситуацией, в результате которой под самую серьезную угрозу поставлены высшие интересы нашего государства»¹⁷. Текст этого сообщения был, разумеется, основан на формулировке положения ДНЯО о выходе из Договора. В тот же день Северная Корея направила Совету Безопасности ООН уведомление, в котором говорилось, что ее выход вступает в силу немедленно по указанной причине. С точки зрения Северной Кореи, своим заявлением 2003 г. и уведомлением за один день она выполнила требование ДНЯО об уведомлении за три месяца, полагаясь на то, что прошло 89 дней после уведомления 1993 г., прежде чем она объявила за один день до истечения трехмесячного срока, что это уведомление 1993 г. не вступает в силу.

В 2003 г. были основания оспорить заявление о том, что Северная Корея завершила объявленное в 1993 г. уведомление о трехмесячном сроке перед ее выходом, сделав в 2003 г. уведомление о еще одном дне до ее выхода из ДНЯО. Но с момента сообщения для печати 2003 г. и нового уведомления о выходе прошло уже

---

¹⁶ См.: *Bunn G. A Brief History of DPRK's Nuclear Weapons-Related Efforts.*

¹⁷ См.: *Applegarth Claire and Tyson Rhianna. Major Proposals to Strengthen the Nuclear Nonproliferation Treaty: A Resource Guide (Arms Control Association and Women's International League for Peace and Freedom, 2005). P. 30.*

гораздо больше трех месяцев¹⁸. Рассмотрим теперь по существу адекватность выдвинутых КНДР причин выхода из Договора.

Во-первых, проводившиеся Соединенными Штатами в 1993 г. совместные военные учения с южнокорейскими войсками в Южной Корее, которые Северная Корея выдвинула в своем уведомлении 1993 г. в качестве причины для выхода, не были *исключительными обстоятельствами* ни в 1993, ни в 2003 гг. Не были они связаны и с «содержанием» ДНЯО, суть которого состоит в предотвращении ядерного распространения. Военные учения проводились в Южной Корее много раз и до, и после 1993 г., не вызывая потребности в выходе КНДР из Договора. Учения проходили без ядерного оружия и не имели отношения к ядерному нераспространению, как это предусматривается положением о выходе, содержащимся в ДНЯО. Ядерное оружие США, которое в прошлом было размещено в Южной Корее, было выведено из страны в 1991 г. Более того, военные учения, проводившиеся в 1993 г., едва ли могли оправдать выход КНДР из Договора в 2003 г. Таким образом, учения не представляли ядерной угрозы ни в 1993 г., ни в 2003 г.

Во-вторых, «отсутствие беспристрастности» со стороны инспекторов МАГАТЭ, на что ссылалась Северная Корея, даже если и имело место, когда, как утверждала КНДР, инспекторы не проявили объективности, не связано с «содержанием» ДНЯО. И, таким образом, если бы Совет Безопасности в рамках своей юрисдикции высказал суждение и постарался разрешить возникшую ситуацию в 1993 или в 2003 гг., то он, очевидно, не пришел бы к заключению, что Северная Корея представила адекватное оправдание своего выхода, основанное на содержащемся в уведомлении о выходе утверждении, что инспекторы МАГАТЭ в 1993 г. действовали с пристрастием.

В-третьих, выдвинутое Северной Кореей в 2003 г. утверждение, что ее выход объясняется «тяжелой ситуацией, в результате которой под самую серьезную угрозу поставлены высшие интересы нашего государства», ни в коем случае не было адекватным в 2003 г. для оправдания выхода из Договора даже через 90 дней, не говоря уже об одном дне¹⁹.

---

¹⁸ См.: du Preez Jean & Potter William. Op. cit.

¹⁹ См.: Applegarth Claire and Tyson Rhianna. Op. cit. P. 30.

Насколько реально создание безъядерной зоны на Ближнем Востоке?¹

Уже более трех десятилетий *безъядерные зоны* рассматриваются в качестве неперемennого компонента общего режима нераспространения. Впервые идея подобной зоны была выдвинута еще в 1957 г. Польшей, предложившей образовать *безъядерную зону* в Центральной Европе в составе Польши, Чехословакии, ГДР и ФРГ (так называемый *План Рапацкого*²). Однако явно конфронтационный характер этого предложения, направленного в первую очередь на устранение американского ядерного оружия с территории ФРГ, вызвал неизбежно негативную реакцию со стороны НАТО. (Как все же мир изменился с тех пор! Ведь сейчас Польша уже сама не прочь предоставить свою собственную территорию для натовского ядерного оружия.)

Тем не менее, идея безъядерных зон в дальнейшем постепенно приобретала все большую привлекательность не только как мера, способствующая ядерному нераспространению и разоружению вообще, но и как существенный фактор разрядки и урегулирования региональных конфликтных ситуаций. Сейчас это стало консенсусным мнением Организации Объединенных Наций, принявшей в 1993 г. на основе рекомендаций Комиссии

---

¹ Впервые опубликовано: *Тимербаев Роланд*. Насколько реально создание безъядерной зоны на Ближнем Востоке // *Ядерный Контроль*. 1995. № 12 (12). С. 7–11.

² Об истории идеи и перспективах создания ЗСЯО в Центральной и Восточной Европе см.: *Юрк А.В.* Перспективы создания зоны, свободной от ядерного оружия, в Центральной и Восточной Европе / Ред. Е.Г. Чобанян. М.: ПИР-Пресс, 2022. 83 с. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/11/22-08-19-INF-SI-RUS-%E2%84%9616-42-2022.pdf> – *Прим. ред.*

ООН по разоружению³ соответствующую резолюцию в поддержку безъядерных зон⁴.

На основе даже такого краткого обзора можно сделать, как нам представляется, достаточно убедительный вывод, что концепция создания *безъядерных зон* обретает все более реальные очертания, становится конкретным практически путем укрепления международного режима нераспространения ядерного оружия. Более того, можно без преувеличения говорить о том, что прогресс в продвижении концепции зон в последние годы не без влияния окончания *холодной войны* стал набирать темп.

Важно при этом отметить, что *безъядерные зоны* в определенном отношении дают участвующим в них государствам и некоторые преимущества по сравнению с ДНЯО: они устанавливают полностью безъядерный статус, запрещая и присутствие ядерного оружия, принадлежащего ядерным державам (чего ДНЯО не предусматривает); участники зон, кроме того, получают от ядерных держав, в соответствии с уже сложившейся практикой, одобренной теперь, как отмечалось выше, и ООН, юридически обязательные гарантии безопасности от ядерных держав (чего лишены неядерные участники ДНЯО, если, конечно, не считать тех из них, которые связаны с ядерными державами союзническими отношениями).

Переходя теперь к региону Ближнего Востока, напомним, что идея создания там зоны, свободной от ядерного оружия, была выдвинута в ООН шахским Ираном и Египтом еще в 1974 г., а в 1990 г. президент Египта Хосни Мубарак выступил с предложением об образовании зоны, свободной от оружия массового уничтожения.

Поначалу Израиль выступал против даже самой идеи *безъядерной зоны*, но с начала 1980-х гг. не возражает против принятия Генеральной Ассамблеей ООН резолюции в пользу ее создания, которые носят, как известно, лишь рекомендательный характер. Параллельно с этим и Генеральная конференция МАГАТЭ также

---

³ В рекомендациях Комиссии ООН по разоружению, в частности, подчеркивалось, что «образование зон, свободных от ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения, на основе соглашений, добровольно принятых государствами соответствующего региона, представляет собой важную меру разоружения» (A/48/42, Приложение II).

⁴ A/48/75G.

ежегодно с общего согласия своих членов принимает решения (тоже рекомендательного характера) в поддержку применения во всех государствах региона полноохватных (*full-scope*) гарантий, т.е. установления контроля Агентства за всей ядерной деятельностью этих стран.

В 1990 г. по решению ООН было осуществлено обстоятельное исследование проблемы создания ближневосточной безъядерной зоны и подготовлен соответствующий доклад. Сейчас новое исследование этой проблемы завершает ЮНИДИР – находящийся в Женеве Институт ООН по изучению проблем разоружения. В свою очередь, МАГАТЭ провело исследование вопроса о применении гарантий Агентства к ядерной деятельности в регионе, а в 1993 г. организовало семинар на эту тему.

Таким образом, как мы видим, имеется, казалось бы, достаточно основательная политико-юридическая база, поддерживаемая мировым сообществом, для образования на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия. Что же препятствует практической реализации этой идеи?

Для более четкого уяснения обстановки полезно вначале рассмотреть состояние ядерной деятельности в странах ближневосточного региона⁵.

- Алжир имеет две ядерные установки: исследовательский тяжеловодный реактор *Es Salaam* мощностью 15 МВт, использующий уран 3%-ного обогащения, который поставлен Китайской Народной Республикой, и исследовательский легководный реактор *Nur* мощностью 1 МВт, использующий уран 19,7%-ного обогащения, который поставлен Аргентиной. Алжир – участник ДНЯО, и оба реактора находятся под гарантиями МАГАТЭ.
- Ливия обладает легководным реактором IRT *Tajura* мощностью 10 МВт, использующим уран 80%-ного обогащения. Реактор, поставленный Россией, предназначен для исследовательских целей и производства изотопов. При этой установке имеется критическая сборка максимальной мощ-

---

⁵ Представленные данные актуальны на момент первой публикации статьи в 1995 г. – Прим. ред.

ностью 100 Вт. Ливия – член ДНЯО, и вся ее ядерная деятельность находится под гарантиями Агентства.

- Египет располагает двумя ядерными установками: исследовательским легководным реактором *PR-1* мощностью 2 МВт, использующим уран 10%-ного обогащения, который поставлен Россией, а также исследовательской лабораторией для изготовления топливных элементов, которая поставлена Канадой. Египет – участник ДНЯО, и обе установки поставлены под гарантии МАГАТЭ.
- Сирия располагает небольшим реактором мощностью 30 КВт, использующим уран 90%-ного обогащения, который поставлен Китаем. Сирия присоединилась к ДНЯО, и к ее реактору применяются гарантии Агентства.
- Ирак до войны в Персидском заливе имел, в качестве участника ДНЯО, несколько ядерных установок под гарантиями МАГАТЭ, включая два небольших реактора. В ходе войны и, особенно, в результате инспекционной деятельности по решению Совета Безопасности ООН (на основании резолюций СБ 687, 707 и 715) была выявлена, а затем «уничтожена, изъята или обезврежена»⁶ тайная ядерная программа, проводившаяся Ираком в нарушение ДНЯО и в обход системы гарантий Агентства. Эта пресеченная ООН незаконная деятельность была направлена на создание ядерного оружия и включала строительство установок по обогащению урана, выделению плутония и изготовлению взрывных устройств.

Летом 1995 г. в результате побега из Багдада в Иорданию двух видных иракских чиновников, женатых на дочерях Саддама Хусейна, стало известно, что иракское руководство как будто имело еще одну скрытую ядерную программу. Суть ее состояла в том, чтобы незаконно использовать для изготовления ядерного оружия высокообогащенный уран, находившийся под гарантиями Агентства в научно-исследовательском центре *Tuwaittha* под Багдадом. Как считает Генеральный директор МАГАТЭ Ханс

---

⁶ А/45/435. Соавторами доклада являются также такие крупные специалисты в этой области, как Джеймс Леопард (США), Ян Правиц (Швеция) и Бен Сандерс (Нидерланды).

Бликс, сейчас трудно установить, смогли бы иракцы преодолеть значительные технические трудности, связанные с выполнением этого плана, но в любом случае подобный план не мог бы быть реализован, так как *Tuwaitha* подверглась большим разрушениям в результате бомбежек союзной авиацией в ходе войны в Персидском заливе в январе 1991 г.⁷

Иран

Еще при шахе Иран имел, прямо сказать, грандиозную ядерную программу, предусматривавшую строительство при активной поддержке западных государств свыше 20 энергетических реакторов. До революции 1979 г. развернулось и основательно продвинулось строительство двух легководных реакторов мощностью по 1300 МВт *Бушер* (*Bushehr*) I и II, которые использовали бы слабообогащенный уран. Строительство осуществлялось известной германской фирмой *KWU*, однако во время ирано-иракской войны оба реактора в 1987 и 1988 гг. подверглись значительным разрушениям.

После войны Германия под давлением США отказалась от продолжения строительства. Минатом России в январе 1995 г. подписал контракт на его завершение. Согласно контракту, первый блок АЭС будет иметь мощность 1000 МВт, и стоимость строительства может составить 1 млрд долл. Тогда же Минатомом был подписан протокол и на сооружение центрифужного завода по обогащению урана, урановой шахты и обучение в России иранских специалистов. Имеется также контракт с Ираном от мая 1993 г. на сумму 1,5 млрд долл. на сооружение двух реакторных блоков по 440 МВт. По соглашению от 6 сентября 1995 г. эти реакторы будут построены тоже в Бушере.

24 августа 1995 г. было подписано российско-иранское соглашение о поставке ядерного топлива (слабообогащенного урана) для 1000-мегаваттного блока первоначально сроком на 10 лет на сумму 300 млн долл. и о возврате всего отработанного топлива в Россию (в комбинат *Маяк* в районе Челябинска). [...]

---

⁷ Выступление Х. Бликса на Генеральной конференции МАГАТЭ 18 сентября 1995 г.

Администрация США неоднократно высказывала возражения против российско-иранского сотрудничества в атомной области, в том числе на уровне президента и вице-президента, со ссылкой на якобы имеющиеся у иранского руководства *ядерные амбиции*⁸.

С российской стороны в ответ подчеркивалось, что сотрудничество с Ираном в строительстве АЭС осуществляется в полном соответствии со всеми международными обязательствами России в области нераспространения, прежде всего по ДНЯО, а также внутренним российским законодательством. Указывалось и на необходимость подготовки необходимого числа местных кадров для безопасной эксплуатации АЭС. Обращалось внимание на недопустимость применения двойных стандартов, когда, в частности для КНДР, по соглашению между США и Северной Кореей предусматривается строительство примерно такого же типа легководных реакторов.

Что же касается подписанного Минатомом протокола о сооружении центрифужного завода, то американской стороне было разъяснено, что он носил сугубо рабочий характер и не одобрялся правительством России (насколько это так, судить не беремся). Указанная договоренность исключена из сотрудничества с Ираном. Тем не менее, между двумя державами остаются вопросы, связанные с сотрудничеством с Ираном, рассмотрение которых продолжается в *комиссии Чернобырдин–Гор*⁹. Многие наблюдатели полагают, однако, что эти вопросы носят не только и даже не столько нераспространенческий характер, сколько затрагивают более глубокие проблемы взаимоотношений между обеими державами, их политические и стратегические интересы в этой части мира.

---

⁸ Мнение службы внешней разведки РФ: «Убедительных признаков наличия в стране скоординированной целостной военной ядерной программы к настоящему времени не обнаружено. Современное состояние промышленного потенциала таково, что без помощи извне Иран не способен организовать производство оружейных ядерных материалов» (СВР РФ. Договор о нераспространении ядерного оружия. Проблемы продления. М., 1995. С. 50).

⁹ Имеются в виду рабочие контакты между премьер-министром РФ В. Чернобырдиным и вице-президентом США А. Гором по вопросам ядерного нераспространения. – *Прим. ред.*

Израиль

[...] Как известно, Израиль – одна из совсем незначительной группы стран, до сих пор не присоединившихся к Договору о нераспространении. Хотя один из имеющихся у него реакторов находится под гарантиями МАГАТЭ (пятимегаваттный исследовательский реактор американского производства в *Nahal Soreq* близ Тель-Авива, использующий уран 93%-ного обогащения, поставленный Францией), вся основная ядерная программа Израиля находится вне международного контроля.

На основании показаний израильского перебежчика Мордехая Вануну¹⁰, опубликованных в английской *Сандей Таймс* в 1986 г., а также других сведений, время от времени просачивающихся в СМИ, можно составить примерно следующую картину ядерного потенциала Израиля.

Израильская военная ядерная программа осуществляется главным образом в Димоне в пустыне Негев. Тяжеловодный реактор на природном уране мощностью 27 МВт был введен в строй с помощью Франции в 1963 г. В 1970-е гг. он был модернизирован, и его мощность по некоторым данным была доведена до 75–150 МВт. Израиль располагает собственными значительными запасами урана, установками по его переработке и изготовлению ядерного топлива, производству тяжелой воды и выделению плутония из облученного в реакторе топлива. По словам Вануну, Израиль накопил плутония для изготовления 100–200 ядерных боезарядов. Были сообщения о том, что Израиль преуспел и в получении высокообогащенного урана. По данным СВР РФ, в Израиле имеются объект по сборке и демонтажу ядерного оружия (в Йодефате) и склады атомных боезарядов (в Кефар Зекхарья и Эйбалане)¹¹.

Для большей полноты картины военного потенциала Израиля не лишне напомнить и о том, что он располагает ракетным ору-

---

¹⁰ В дальнейшем Вануну был усилиями израильской разведки похищен, доставлен в Израиль и осужден на длительный срок тюремного заключения.

¹¹ СВР РФ. Договор о нераспространении ядерного оружия. Проблемы prolongation. С. 46.

жием тактической и средней дальности (*Иерихон-1* и *Иерихон-2*), способным нести ядерные боеприпасы.

Хотя практически все мировое сообщество считает Израиль де-факто ядерным государством еще с 1960-х гг., со времени премьерства Голды Меир, его правительство никогда не признавалось и не признается в этом. Политологи и военные специалисты обычно называют это *политикой непрозрачности, двусмысленности или неопределенности* (*policy of opacity or ambiguity*). Официально же заявляется, что Израиль «первым не введет ядерное оружие на Ближний Восток» (*will not be the first to introduce nuclear weapons in the Middle East*).

А в частных разговорах и даже в официальных заявлениях израильские политики без обиняков дают понять, что имеющийся ядерный потенциал служит цели сохранения израильского государства перед лицом постоянных силовых угроз со стороны арабов и может быть применен в качестве крайнего средства в случае возникновения серьезной опасности его существованию.

Такая, казалось бы, тихая политика Израиля в ядерной области и отказ от транспарентности (т.е. от объявления себя ядерным государством) на деле прикрывают совершенно определенную линию на сохранение своей ядерной монополии в регионе, причем при необходимости с использованием принудительных средств.

Эта политика, нужно откровенно признать, встречает понимание и даже поддержку, либо открытую, либо завуалированную, со стороны большинства натовских стран, включая в первую очередь США. Когда в июне 1981 года израильская авиация разбомбила иракский реактор *Озирак*, сооружавшийся при содействии Франции, и этот налет вызвал осуждение широкой общественности и международных организаций, таких как ООН и МАГАТЭ, США не колеблясь пришли на помощь Израилю, пригрозив санкциями, вплоть до прекращения финансирования Агентства и даже выхода из него.

И тут мы подходим к весьма важному и в общем-то коренному вопросу – способствует ли ядерная политика Израиля сохранению мира в регионе, укреплению независимости государства, созданию прочных добрососедских отношений с арабскими странами, общему мирному урегулированию?

Можно сказать, что вот уже свыше 20 лет на Ближнем Востоке не было большой войны, заключен мир с двумя арабскими странами – Египтом и Иорданией, с 1991 г. ведется *Мадридский процесс* мирного урегулирования. Но является ли это результатом того, что Израиль обладает ядерным потенциалом, и, главное, содействует ли этот потенциал углублению мирного процесса, решению многих остающихся проблем, или же, наоборот, препятствует?

Ну, во-первых, мир свидетель тому, что в течение последних десятилетий ряд арабских стран пытался, а возможно, и сейчас (кто решится с полной уверенностью отрицать это?) пытается овладеть атомной бомбой, причем эти попытки подстегивались именно тем, что Израиль первым на Ближнем Востоке пошел по такому достаточно рискованному пути. И лишь мощная поддержка извне помогла покуда израильтянам избавиться от возможных, а лучше сказать, вероятных соперников по ядерным возможностям.

Далее, как бы события обернулись для Израиля, если бы Саддам Хусейн не совершил роковой просчет, ввязавшись в кувейтскую авантюру? Кстати сказать, как выясилось в ходе расследования, проводившегося МАГАТЭ и Специальной комиссией ООН по Ираку по решению Совета Безопасности, Ирак получал существенную помощь в создании ядерного потенциала от многих западных фирм, и только то обстоятельство, что некоторые правительства выдавали таким фирмам экспортные лицензии (в полном соответствии с действовавшим ранее законодательством), спасло их от крупных разоблачений.

Наконец, кто может поручиться, что подобное не повторится в будущем? Система гарантий МАГАТЭ, которая была значительно укреплена после войны в Персидском заливе главным образом благодаря усилиям инициативного руководства Агентства, не является и не может являться *панацеей*. Гарантии представляют собой важный контрольный механизм, но он может эффективно функционировать только при активной поддержке государств-членов.

[...]

О перспективах создания безъядерной зоны на Ближнем Востоке

Мы все хорошо усвоили из истории *атомной эры*, что монопольное владение ядерным оружием, будь то на глобальном или региональном уровне, является источником повышенной опасности для окружающих и почти неизбежно ведет к ответным шагам со стороны других государств, которые считают себя этим ущемленными. В то же время имеют место и примеры решения ядерных проблем (Аргентина, Бразилия, ЮАР) к явному удовлетворению и самих заинтересованных государств, и соответствующих регионов, и мира в целом.

Возможно ли это на Ближнем Востоке? Очень хотелось бы, чтобы это было возможно и чтобы тамошний *ядерный джинн* вернулся в ту бутылку, из которой он вышел или, вернее сказать, его *вышли*. Думается, что возможности для такого поворота событий постепенно, хотя и медленно, вызревают. Прежде всего, этому не может не способствовать общая международная обстановка и если не полное прекращение, то уж во всяком случае радикальное ослабление *конфронтационности* между основными ядерными державами, что, конечно, сказалось и будет и дальше сказываться на состоянии в целом политического климата данного региона.

Российско-американские соглашения последних лет по ограничению, сокращению и уничтожению или отводу на национальные территории различных категорий ядерного оружия, заключение *Конвенции о запрещении химического оружия*, хорошие перспективы достижения договоренности о всеобъемлющем запрещении испытаний ядерного оружия, начинающиеся (надеемся, в скором будущем) переговоры о прекращении производства расщепляющихся материалов для создания ядерного оружия – все это также создает благоприятные условия для движения в направлении сокращения ядерных арсеналов, и Ближний Восток не может остаться в стороне от этого процесса.

Дальнейшее укрепление всеобщего режима нераспространения ядерного оружия в результате продления ДНЯО и усиление тенденции в пользу расширения круга участников существующих и создания новых *безъядерных зон* в различных районах

мира – дополнительный стимул к развитию аналогичных явлений в рассматриваемом регионе.

Наконец, с 1991 г. начался *Мадридский процесс* ближневосточного урегулирования при спонсорстве США и России. Этот процесс уже привел к определенным результатам, прежде всего в плане передачи палестинцам административного контроля в ряде районов, в прошлом оккупированных Израилем.

В рамках *Мадридского процесса* в мае 1992 г. начала работу многосторонняя рабочая группа по ограничению вооружений и региональной безопасности, которая провела несколько встреч – в Вашингтоне, Москве и в самом регионе. С мая 1993 г. в работе группы принимают участие представители ООН и МАГАТЭ.

Основным содержанием работы Группы является обсуждение мер укрепления доверия (установление прямых линий связи, взаимный обмен уведомлениями о крупных военных учениях и т.п.) и вопроса об учреждении регионального центра безопасности. Несмотря на настойчивые усилия арабских стран, прежде всего Египта, израильские представители пока что уклоняются, однако, от предметного разговора об образовании *безъядерной зоны* и зоны свободной от оружия массового уничтожения. Удалось лишь организовать посещение рабочей группой одной германской АЭС в октябре 1994 г. для ознакомления с процедурами гарантий с помощью экспертов МАГАТЭ и Евратома. Как пояснил ответственный египетский представитель, «группа могла бы заняться подготовительной работой по созданию зон. Участники такой работы не обязательно приступили бы немедленно к переговорам по текстам соглашений. Имеется широкий круг вопросов, которые можно было бы свободно обсудить задолго до выработки таких соглашений»¹².

Определенную срочность задаче создания *безъядерной зоны* придает тот факт, что на конференции по пролонгации Договора о нераспространении ядерного оружия в апреле-мае 1995 г. Египтом и другими арабскими странами в весьма острой форме был поставлен вопрос о присоединении Израиля к ДНЯО

---

¹² Выступление посла Египта в Англии М. Шакера на неправительственном семинаре по ближневосточной ядерной зоне, организованном Международной группой содействия ядерному нераспространению. Саутхемптон, 12–14 октября 1995 г.

и принятии им полноохватных гарантий МАГАТЭ и внесен соответствующий проект резолюции. В противном же случае они не поддержат бессрочное продление Договора.

В итоге напряженных и длительных консультаций в последний момент было согласовано, что депозитарии договора – США, Россия и Англия – внесут проект резолюции, в котором, не называя по имени Израиля, будет содержаться призыв ко всем без исключения странам Ближнего Востока присоединиться к ДНЯО, предпринять практические шаги по созданию там зоны, свободной от ядерного и других видов оружия массового уничтожения и средств их доставки, а также принять всеобъемлющие гарантии МАГАТЭ. Резолюция была одобрена на основе консенсуса¹³.

Египет при этом, однако, подчеркнул, что рассматривает принятую резолюцию как часть одобренного Конференцией общего пакета, включающего также решения о бессрочном продлении ДНЯО, о принципах и целях ядерного нераспространения и разоружения и об усиленном порядке рассмотрения участниками Договора выполнения всех элементов пакета, включая и требование о достижении универсальности Договора. Это рассмотрение начнется уже в 1997 г. Египет и другие арабские страны также сделали на Конференции заявление, что они не согласны с бессрочным продлением ДНЯО. На Генеральной конференции МАГАТЭ в сентябре 1995 г. Египет предпринял еще одну попытку принудить Израиль поставить под гарантии Агентства свою неподконтрольную ядерную деятельность, но и на этот раз по предложению США и других западных стран, к которым присоединилась и Россия, была принята уже традиционная теперь общая резолюция, обращенная ко всем странам региона. [...]

То, что Договор (ДНЯО. – *Прим. ред.*) продлен бессрочно, дела не меняет. Режим нераспространения, его жизнеспособность зависят не столько от того, какой юридический срок зафиксирован в тексте, сколько от того, как его участники оценивают эффективность Договора и, прежде всего, насколько он обеспечивает интересы их безопасности. Ведь нельзя исключать изменения отношения отдельных государств к Договору, в том числе

---

¹³ 1995 Review and Extension Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Final Document. Part I. N.Y., 1995. P. 13–14.

и выхода их из него, что допускается статьей X.1, в случае если поставлены под угрозу высшие интересы страны.

Прогресс в решении ядерной проблемы на Ближнем Востоке – это аксиоматично – прежде всего зависит от дальнейшего продвижения общего урегулирования, и на данном этапе центральным в этом отношении является израильско-сирийский диалог при посредничестве США. Но верно и то, что необходимо начать разговор и о ядерных делах. Согласие Израиля на это, безусловно, дало бы добрый импульс всему переговорному процессу, ускорило бы установление прочного мира в регионе.

Как представляется, определенную роль в этом важном деле могут и должны сыграть общественность и неправительственные организации – на их форумы было бы легче собрать неофициальных, а возможно, и официальных представителей всех основных участников будущей зоны, в том числе и тех, кто не участвует в *Мадридском процессе* – Ирака и Ирана: ведь без них создание зоны просто невысказимо.

Недавно международная неправительственная организация – *Программа содействия ядерному нераспространению (PPNN)* положила начало этому, проведя семинар по нераспространению на Ближнем Востоке в Саутхемптоне (Англия), на который собрался представительный состав участников, и в ходе которого состоялся весьма полезный разговор. Этот процесс следовало бы продолжить, и российские независимые неправительственные организации, безусловно, должны принять активное участие в этом важном деле.

События, подтолкнувшие ЮАР к отказу от военной атомной программы¹

Ядерная оружейная программа Южной Африки, ее создание и развертывание, затем добровольное свертывание этой программы, демонтаж южноафриканского ядерного оружия и, наконец, предоставление полной отчетности об имеющихся в стране ядерных материалах, что было подтверждено Международным агентством по атомной энергии, – явление поистине уникальное в истории ядерного распространения/нераспространения. Изучение этого явления представляет собой не только чисто исторический, но и немаловажный практический интерес. Независимо от мотивов, которыми руководствовалось правительство белого меньшинства ЮАР, создавая атомное оружие, а впоследствии принимая решение отказаться от него, этот прецедент наглядно и убедительно показывает, что ядерное разоружение является – при надлежащей политической воле – делом достижимым и практически осуществимым под вполне надежным международным контролем. [...]

В конце 1980-х гг. появился ряд внешних и внутренних факторов, которые, взятые в совокупности, вынудили правительство белого меньшинства ЮАР пересмотреть свое отношение к ядерному оружию и, в конце концов, отказаться от дальнейшего развития военной атомной программы, демонтировать уже изготовленные ядерные боезаряды и присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия в качестве неядерного государства.

Важную роль в подталкивании правительства ЮАР к таким решениям, несомненно, сыграли ООН и МАГАТЭ, в которых аф-

---

¹ Из статьи: *Тимербаев Роланд*. Южная Африка: как создавалось ее ядерное оружие, как и почему она отказалась от него // *Ядерный Контроль*. 2005. № 2 (76). Т. 11. С. 121–140.

риканские страны при поддержке подавляющего большинства других государств смогли организовать сильный нажим на правительство белого меньшинства. Выше мы уже говорили о решениях, принятых ООН и МАГАТЭ в 1970-х и начале 1980-х гг. относительно осуждения *политики апартеида* и применения санкций против Южной Африки.

Во второй половине 1980-х гг. давление на ЮАР со стороны международного сообщества усилилось. 26 июля 1985 г. Совет Безопасности, строго осудив систему апартеида, настойчиво призвал государства-члены принять ряд принудительных мер в отношении ЮАР, в том числе ввести «запрет на любые новые контракты в ядерной области», а также на «любую продажу компьютерной техники, которая могла бы использоваться южноафриканской армией и полицией». СССР голосовал за резолюцию, в то время как США и Великобритания воздержались.

23 октября 1986 г. Генеральная конференция МАГАТЭ по предложению африканских стран приняла резолюцию GC(XXX)/RES/468, в которой призвала Южную Африку положить конец политике и практике, противоречащим букве и духу Устава Агентства. На следующий год – 12 июня 1987 г. – Совет управляющих МАГАТЭ принял резолюцию по пункту повестки дня «Ядерный потенциал Южной Африки», в которой рекомендовал Генеральной конференции «приостановить для Южной Африки действие привилегий и прав члена в соответствии со статьей XIX.В Устава до тех пор, пока она не будет соблюдать соответствующие резолюции Генеральной конференции и вести себя в соответствии с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций». Резолюция была принята 22 голосами, включая СССР, США и Великобритания голосовали против. Над ЮАР нависла угроза исключения из Агентства на сессии Генконференции, которая должна была состояться в сентябре 1987 г.

Это оказало определенное воздействие на южноафриканское правительство белого меньшинства, и в создавшихся условиях президент ЮАР П.У. Бота в заявлении от 21 сентября 1987 г., сделанном в день открытия сессии, объявил о готовности «приступить к переговорам с каждым из государств, обладающих ядерным оружием, относительно возможности подписания Договора о нераспространении. В то же время, – указывалось в заявлении, – Южно-Африканская Республика рассмотрит включение

в эти переговоры вопроса о постановке под гарантии ее установок в соответствии с Договором о нераспространении. Характер этих переговоров будет зависеть от исхода 31-й сессии Генеральной конференции МАГАТЭ, которая проводится в Вене с 21 сентября. Южная Африка надеется, что она вскоре будет в состоянии подписать Договор о нераспространении, и решила начать консультации с другими сторонами по этому вопросу. Любое соглашение о гарантиях, которое может быть впоследствии обсуждено с МАГАТЭ, естественно, будет выдержано в этом направлении и в соответствии с соглашениями с другими сторонами, подписавшими Договор о нераспространении»². [...]

В итоге на сессии Агентства 1987 г. по предложению самих же африканских стран было решено перенести вопрос об исключении ЮАР из состава членов МАГАТЭ на сессию Генконференции 1988 г. За это решение голосовали 60 делегаций (в том числе СССР), против – 28 (в том числе США и Великобритания)³.

Однако в дальнейшем южноафриканское правительство всячески затягивало начало переговоров о присоединении к ДНЯО. Только 12 августа 1988 г., т.е. накануне очередной сессии Генконференции, по инициативе южноафриканской стороны в Вене состоялась первая встреча представителей ЮАР и государств-депозитариев. Со стороны Южной Африки в ней участвовали министр иностранных дел Р.Ф. (Пик) Бота и министр технологий Д. Стейн, депозитарии были представлены: США – Р. Кеннеди, послом по особым поручениям, отвечающим за вопросы ядерного нераспространения, Великобритания – Дж. Гулденем, зам. постоянного секретаря министерства иностранных дел, и СССР – автором этих строк.

Перед встречей с делегацией ЮАР состоялась подготовительная беседа между представителями депозитариев, в ходе которой было условлено настаивать на незамедлительном присоединении Южной Африки к ДНЯО и на постановке всей ее ядерной деятельности под гарантии МАГАТЭ. Хотя вопрос о возможности наличия у ЮАР ядерного потенциала напрямую никем не затрагивался, все участники *тройственной встречи*, как с очевидностью вытекало из отдельных их высказываний, исходили из того, что

² Док. GC(XXXI)/819.

³ Резолюция Генеральной конференции МАГАТЭ GC(XXXI)/RES/485.

таким потенциалом южноафриканцы располагают. Исходя из необходимости исключить какую-либо возможность сохранения способности производства ядерного оружия, нами подчеркивалось исключительно важное значение установления надлежащих гарантий МАГАТЭ именно за *всей* ядерной деятельностью ЮАР и ее ядерными материалами. Такого рода предварительные консультации представителей депозитариев для согласования своих позиций и тактических действий накануне встреч с делегацией ЮАР стали неизменным правилом, что, несомненно, способствовало более эффективному воздействию на юаровцев.

Встреча 12 августа, впрочем, носила в основном предварительный, ознакомительный характер, представители депозитариев подробно разъяснили содержание договора и ответили на уточняющие вопросы, главным образом касающиеся положений статей III (гарантии) и IV (мирное использование атомной энергии). Каких-либо заявлений и обещаний относительно конкретных сроков подписания ДНЯО южноафриканцы не сделали, хотя со стороны депозитариев такой вопрос, естественно, поднимался, и притом солидарно и в весьма решительной форме. В совместном сообщении представителей депозитариев для прессы было объявлено, что в ходе встречи проведено неофициальное обсуждение вопроса о присоединении ЮАР к ДНЯО, при этом подчеркивалось, что депозитарии настойчиво призывали Южную Африку «в самое ближайшее время» вступить в договор. [...]

20 сентября 1988 г. постоянные представители государств-депозитариев при Агентстве направили председателю Генеральной конференции письмо, которое препровождало *Заявление депозитариев Договора о нераспространении ядерного оружия*. В Заявлении сообщалось о состоявшейся встрече представителей СССР, США и Великобритании с делегацией ЮАР по вопросу о целесообразности вступления ЮАР в ДНЯО, а также подтверждалась единая позиция депозитариев в этом вопросе. В Заявлении говорилось, что «они занимают твердую и последовательную позицию в отношении того, что Южной Африке следует присоединиться к Договору о нераспространении как можно скорее. Мы понимаем, – указывалось далее, – что правительство Южно-Африканской Республики продолжает рассматривать вопрос о присоединении Южной Африки к Договору о нераспространении. Правительства-депозитарии намерены и далее оказывать

воздействие на Южную Африку, чтобы она присоединилась к Договору о нераспространении»⁴.

С учетом этого сообщения на сессии Генеральной конференции 1988 г. между делегациями различных групп государств была достигнута договоренность не поднимать вопроса о лишении ЮАР прав и привилегий как члена МАГАТЭ.

Немаловажное значение для движения Южной Африки в направлении присоединения ее к ДНЯО имели внешние события, происходившие в этом регионе. 1 августа 1988 г. было достигнуто соглашение о прекращении огня на северной границе Намибии, затем последовало подписание 22 декабря 1988 г. трехстороннего соглашения между ЮАР, Анголой и Кубой о поэтапном выводе из Анголы кубинских войск, численность которых к этому времени достигла 50 тыс. человек. Южноафриканские войска были постепенно выведены из Намибии. 1 апреля 1989 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию, которая открыла зеленый свет предоставлению Намибии независимости. Руководство ЮАР также договорилось с лидерами Мозамбика о нормализации межгосударственных отношений.

И, что стало одним из решающих факторов в обеспечении разрядки ситуации на юге Африки, в сентябре 1989 г. к власти пришел новый президент – Ф.У. де Клерк, приступивший к реализации широких внутренних реформ, которые привели к существенной демократизации страны и к прекращению политики апартеида по отношению к черному населению Южной Африки. В феврале 1990 г. Ф.У. де Клерк легализовал *Африканский национальный конгресс* (АНК) и другие партии, выступавшие против апартеида, и освободил из заключения лидера АНК Н. Манделу.

В этих условиях, как признают сами южноафриканцы, «стало ясно, что ядерное сдерживающее средство Южной Африки является излишним и что оно могло бы на деле стать обременительным»⁵. Белые южноафриканцы, как было очевидно, стали сознавать, что не в их интересах оставлять ядерное оружие черному большинству страны, которое неизбежно должно победить на общенациональных выборах.

---

⁴ Док. GC(XXXII)/855.

⁵ Stumpf. P. 14.

Завершение ядерной программы ЮАР и ее присоединение к ДНЯО

Вскоре после прихода к власти президент де Клерк поручил подготовить предложения о порядке демонтажа ядерных боезарядов и вступления в ДНЯО. В ноябре 1989 г. эти предложения были приняты руководством страны, при этом было решено, что о наличии у ЮАР ядерного сдерживающего средства будет объявлено только после окончания демонтажа ядерных устройств и опытно-промышленного обогатительного предприятия (т.е. завода *Y-Plant*) и присоединения к Договору о нераспространении. Окончательное распоряжение о завершении ядерной программы было подписано де Клерком немного позднее – 26 февраля 1990 г. Теперь предстояла большая работа по реализации этого решения. Для этого было необходимо, как впоследствии разъясняли южноафриканские представители:

- безопасно демонтировать все изготовленные взрывные устройства;
- изъять, превратить в иную форму ВОО и передать его КАЭ на безопасное хранение;
- полностью дезактивировать ядерные установки, находившиеся в ведении *ARMSCOR*, и передать их КАЭ;
- осуществить конверсию ядерных установок *ARMSCOR* в целях их использования для развития и производства обычных вооружений, а также гражданской коммерческой деятельности;
- уничтожить все неядерные компоненты взрывных устройств и материалы, относящиеся к конструкции и производству оружия;
- прекратить эксплуатацию обогатительного предприятия *Y-Plant*;
- определить график присоединения к ДНЯО, подписания соглашения с МАГАТЭ о гарантиях, представления отчета Агентству об инвентарном списке ядерных материалов и установок.

В сентябре 1989 г., накануне открытия очередной сессии Генконференции Агентства, постпред ЮАР при МАГАТЭ С. Шмидт информировала представителей государств-депозитариев о готовности южноафриканской стороны возобновить переговоры о присоединении к ДНЯО, о чем депозитариями было доведено до сведения государств – членов Агентства. Переговоры состоялись 11–12 декабря в Вене. Руководителем делегации ЮАР был министр иностранных дел Р.Ф. (Пик) Бота, в нее входили министр энергетики и минеральных ресурсов Дж. Де Вильерс и другие лица. Американскую делегацию возглавлял Р. Кеннеди, британскую – Дж. Гулден, советскую – Р.М. Тимербаев⁶. Кроме того, состоялись двухсторонние встречи, в том числе между делегациями ЮАР и Советского Союза. В тот период, исходя из Декларации ООН по апартеиду, принятой в 1989 г., мы воздерживались от официальных контактов с представителями ЮАР. Однако в данном случае советская сторона, как государство-депозитарий ДНЯО, в качестве жеста доброй воли пригласила делегацию ЮАР посетить для беседы представительство СССР при международных организациях в Вене, что было с большим удовлетворением воспринято южноафриканской делегацией.

Советская делегация в своих заявлениях на этих встречах настойчиво подчеркивала необходимость ускорения процесса присоединения Южной Африки к ДНЯО. Высказываясь в этом плане, мы, тем не менее, отдавали себе отчет в том, что присоединение этой страны к Договору не может не потребовать сложной подготовительной работы по свертыванию атомного потенциала. С учетом заявленной заинтересованности Южной Африки в развитии международного сотрудничества в мирном использовании атомной энергии в соответствии с положениями ст. IV Договора, нами было разъяснено, что положения этой статьи могут быть реализованы, но, естественно, только после того, как новый участник Договора выполнит все его положения. Вступая в Договор, государство обязуется заключить с МАГАТЭ соглашение о гарантиях по ст. III.1, и это соглашение согласно ст. III.4 должно вступить в силу не позднее 18 месяцев со дня присоединения к договору. Нами была выражена надежда и даже

---

⁶ В советскую делегацию входили также советники постоянного представительства А. Рогов, А. Зобов, Э. Голубкин и первый секретарь В. Клименко.

уверенность в том, что данная встреча представителей депозитариев и ЮАР окажется последней встречей по данной проблеме и за ней последует решение о присоединении ЮАР к договору без всяких условий. [...]

Завод *Y-Plant*⁷ практически был остановлен 1 февраля 1990 г., о чем депозитарии были официально информированы 14 марта, однако процесс его демонтажа завершен только в середине 1991 г. В начале сентября того же года последняя партия ВОУ была передана Корпорации по атомной энергии для переработки в менее обогащенный уран. Одновременно проходил процесс демонтажа ядерных взрывных устройств, начавшийся в июле 1990 г. и завершившийся в середине 1991 г. За всеми этими операциями наблюдал независимый аудитор, назначенный президентом де Клерком. [...]

14 марта 1990 г. южноафриканское правительство через своего постпреда при МАГАТЭ С. Шмидт сообщило депозитариям, что «оно дает твердое заверение о своем присоединении к Договору, если и другие четыре южноафриканских государства (Ангола, Замбия, Мозамбик и Намибия) примут на себя такое же обязательство». Однако, «независимо от того, подпишут ли ДНЯО эти четыре государства, Южная Африка будет готова к августу 1991 г. открыть для международной инспекции все свои ядерные установки, включая выведенный из эксплуатации опытный завод, даже если к этому времени она, может быть, и не присоединится к Договору». Южноафриканцы информировали также о том, что они вступили в соответствующие контакты с четырьмя государствами, и просили государства-депозитарии оказать им содействие в том, чтобы убедить правительства этих государств (иногда их называли *прифронтовыми*) присоединиться к ДНЯО⁸.

Депозитарии откликнулись на эту просьбу, исходя из важности присоединения к ДНЯО в первую очередь Южной Африки, а также в интересах максимально широкой универсализации ДНЯО и всего международного режима ядерного нераспростра-

---

⁷ Y-Plant – завод в Валиндабе, где производился высокообогащенный уран для южноафриканской атомной бомбы. – *Прим. ред.*

⁸ Еще ранее, 16 февраля 1990 г., генеральный директор МИД ЮАР Н.П. ван Хеерден направил советскому постпреду в Вене письмо с аналогичной просьбой.

нения. С *прифронтовыми* государствами была проведена разъяснительная работа, в которой активное участие приняла советская дипломатия, в том числе на уровне министра иностранных дел Э.А. Шеварднадзе, который в конце марта – начале апреля 1990 г. имел встречи с руководством *прифронтовых* государств, а также с президентом ЮАР Ф.У. де Клерком. Такие согласованные между депозитариями совместные усилия принесли свои плоды: страны юга Африки присоединились к Договору примерно в одно и то же время: ЮАР – 10 июля 1991 г., Мозамбик – 4 сентября 1990 г., Замбия – 15 мая 1991 г., Намибия – 2 октября 1992 г., и только Ангола сделала это несколько позднее – 14 октября 1996 г. [...]

В настоящее время обновленное неядерное южноафриканское государство играет активную и, несомненно, полезную роль на международной арене в продвижении идей ядерного разоружения и укрепления международного режима ядерного нераспространения. ЮАР в 1993 г. стала членом *Комитета Цангера*, в 1995 г. вошла в состав *Группы ядерных поставщиков* (ГЯП) и вступила в международный Режим контроля ракетных технологий (РКРТ), в 1999 г. ратифицировала ДВЗЯИ и в 2002 г. присоединилась к Дополнительному протоколу МАГАТЭ о гарантиях, допускающему проверку не только заявленной, но и незаявленной ядерной деятельности. Южноафриканские ученые принимают деятельное участие в разработке новых типов энергетических реакторов четвертого поколения, устойчивых к распространению, в частности ведут опытно-исследовательские работы по модульному реактору с шаровыми тепловыделяющими элементами.

Южная Африка инициативно участвовала в переговорах по созданию в Африке зоны, свободной от ядерного оружия. Договор об африканской безъядерной зоне был открыт для подписания в Каире 11 апреля 1996 г. и известен как *Договор Пелиндаба* – по месту, где создавалось и впоследствии было уничтожено южноафриканское ядерное оружие и где было завершено в 1995 г. согласование текста этого Договора.

Поучительная история с ядерной программой Южной Африки должна служить положительным примером успешных действий как отдельных государств, так и всего мирового сообщества по обеспечению ядерного нераспространения и укреплению международной безопасности.

Ядерная ситуация в Южной Азии и ее влияние на региональную и международную безопасность¹

Распространение ядерного оружия в Южной Азии в течение многих лет привлекает к себе внимание мирового сообщества, которое небезосновательно считает этот регион одним из самых опасных в мире с точки зрения угрозы возникновения здесь ядерного конфликта. Кризисная ситуация развивалась в регионе на протяжении десятилетий, но особую остроту и взрывоопасный характер она приобрела после ядерных испытаний, проведенных Индией и Пакистаном в 1998 г., которые возвестили миру о появлении двух новых ядерных государств.

Представляется очевидным, что ядерная напряженность в Южной Азии носит не только региональный характер. Само ее возникновение обязано как многолетнему военно-политическому противостоянию двух государств Южноазиатского субконтинента, так и наличию в Азии другого, не менее существенного вектора соперничества – индо-китайского. Существует и еще одна доминанта, влияющая на развитие кризисной ситуации в регионе, – совершенно определенные претензии Индии на занятие роли ведущей мировой державы, что ассоциируется в сегодняшнем мире (увы, практически неизбежно) с обретением ядерного статуса.

Индия

[...] Хотя индийское правительство на международных форумах публично выступает за полное ядерное разоружение, Индия

---

¹ Из кн.: Тимурбаев Р.М., Шилин, Федченко В.Г., Шилин А.А. Проблемы распространения и нераспространения в Южной Азии: состояние и перспективы // Научные записки ПИР-Центра: Национальная и глобальная безопасность. 2001. № 17. С. 5–36.

не является участником ни одного многостороннего соглашения по контролю над ядерными вооружениями (за исключением Договора 1963 г. о запрещении ядерных испытаний в атмосфере, космосе и под водой) – ни ДНЯО, ни ДВЗЯИ. Индия отказалась подписать в 1968 г. Договор о нераспространении, но не заблокировала направление согласованного в Женевском комитете 18-ти государств по разоружению проекта договора на одобрение ГА ООН. При этом в качестве главной причины своего негативного отношения к договору Индия тогда ссылалась на дискриминационный характер договора и на отказ ядерных держав предоставить ей приемлемые для нее гарантии безопасности (прежде всего на случай нападения на нее Китая с применением ядерного оружия)².

В новых условиях, после проведения Индией ядерных испытаний, индийское правительство официально объявило, что считает себя государством, обладающим ядерным оружием, и что, «хотя Индия и не является участником ДНЯО, ее политика согласуется с ключевыми положениями ДНЯО, относящимися к государствам, располагающим ядерным оружием. Эти положения содержатся в статьях I, III и VI. [...] Индия является ответственным участником международного режима ядерного нераспространения и будет продолжать проявлять инициативу и сотрудничать с теми, кто придерживается аналогичных взглядов в целях достижения стабильного, подлинного и прочного нераспространения, ведущего к миру, свободному от ядерного оружия»³. Обращает на себя внимание, что статья IX ДНЯО, устанавливающая, что для целей договора ядерными считаются государства, которые произвели и взорвали ядерное оружие или другое ядерное взрывное устройство до 1 января 1967 г., индийским минист-

---

² Следует отметить, что в ходе консультаций Индии с ядерными державами по гарантиям безопасности в 1967 г. наиболее содержательный характер носили индийско-советские консультации. Индийские представители дважды приезжали в СССР, и в ходе консультаций с ними именно советской стороной была выдвинута идея предоставления неядерным государствам так называемых позитивных гарантий безопасности, которая в дальнейшем нашла воплощение в известной резолюции 255 (1968) Совета Безопасности ООН. См.: *Тилмербаев Р.М.* Россия и ядерное нераспространение. 1945–1968. М.: Наука, 1999. С. 333–342.

³ Заявление министра иностранных дел Индии в парламенте 9 мая 2000 г. в связи с Конференцией участников ДНЯО, распространенное миссией Индии при ООН в качестве пресс-релиза 10 мая 2000 г.

ром упомянута не была, не утверждается индийской стороной более, что этот договор является дискриминационным⁴.

Заявляя о своем согласии со статьей III и, следовательно, с пунктом 2 этой статьи, в котором устанавливается международно-правовая норма контроля за ядерным экспортом, Индия, не будучи участником ДНЯО, естественно, не может быть членом ГЯП. Но это не мешало бы ей иметь статус ассоциированного члена ГЯП, в пользу установления которого Россия выступила в 2001 г.

Возражая против ДВЗЯИ, Индия на этот раз – в 1996 г. – заблокировала на Женевской конференции консенсус при направлении проекта Договора в ГА ООН. Основное ее объяснение – включение Индии в состав тех 44 стран, ратификация которыми Договора необходима для его вступления в силу. Впрочем, теперь уже очевидно, что на деле главной причиной было решение о проведении серии испытаний. После этого Индия объявила мораторий на взрывы, который, как разъясняют индийские представители, будет действовать до вступления ДВЗЯИ в силу. Премьер-министр Ваджапай⁵ довольно определенно говорил на сессии ГА ООН 1998 г. о намерении вскоре подписать Договор, заявив, что Индия ведет обсуждение этого вопроса с ключевыми государствами и выражает готовность довести его до успешного завершения с тем, чтобы Договор вступил в силу не позднее сентября 1999 г. Но он как в воду глядел: после отклонения ДВЗЯИ Сенатом США и в связи с крайней проблематичностью его вступления в силу индийскому правительству теперь вообще нет нужды спешить с подписанием Договора. В Индии многие продолжают рассматривать ДВЗЯИ как договор *дискриминационный*. Так, известный военный эксперт отставной адмирал Менон считает, что присоединение к договору означало бы «крупную потерю суверенитета, поскольку страна не располагала ядерным

---

⁴ Следует заметить, что при принятии на сессии ГА ООН 2001 г. резолюции в поддержку проведения в 2005 г. очередной Конференции по рассмотрению действия ДНЯО и осуществления необходимых мер по подготовке к ней Индия была единственной страной, которая голосовала против, три другие государства, не являющиеся участниками ДНЯО (Пакистан, Израиль и Куба), при голосовании воздержались.

⁵ Атал Бихари Ваджапай – индийский государственный деятель, 11-й (1996) и 14-й премьер-министр Индии (1998–2004). – *Прим. ред.*

оружием, в то время как для России и США это просто вопрос об отказе от технического усовершенствования уже сложившегося ядерного потенциала»⁶. Специалисты считают, что главным в решении правительства не подписывать ДВЗЯИ является то обстоятельство, что если одновременное подписание его с Пакистаном закрепит превосходство Индии в развитии ядерного потенциала, то в отношении Китая ее отставание будет только увеличиваться, особенно с учетом китайской программы модернизации своего ракетно-ядерного арсенала⁷.

Касательно договора по ПРО индийские представители заявляли, что Индия выступает против его односторонней отмены. Их опасения заключаются в том, что в этом случае Китай будет вынужден пойти на увеличение своего ракетно-ядерного арсенала. Впрочем, некоторые другие индийские комментаторы высказывают мнение, что создание национальной ПРО прямо Индию не затронет⁸.

Что касается проблемы запрещения производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия (ЗПРМ) и выработки соглашения на этот счет, то после проведения ядерных испытаний Индия стала занимать позицию, практически сходную с подходом ядерных держав, очевидно, считая, что накопила запасы таких материалов, достаточные с точки зрения ее стратегических интересов. Однако она отказывается объявить мораторий на прекращение производства и исходит из того, что в скором времени соглашения не будет.

В отношении международного режима контроля ракетных технологий (РКРТ) Индия, как следует из выступления индийского представителя на ГА ООН 16 октября 2001 г., придерживается позиции создания нового, недискриминационного режима: «Существует широкое признание того, что дискриминационные меры экспортного контроля в рамках узкого клуба не смогли решить ракетную проблему. Индия хотела бы, чтобы нормы

---

⁶ Menon R. A Nuclear Strategy for India. New Delhi. Thousand Oaks. London: Sage Publications, 2000. P. 44.

⁷ Любопытно, что на сессии ГА ООН 2001 г. Индия поддержала решение о сохранении вопроса о ДВЗЯИ в повестке дня ООН, в то время как США в единственном числе голосовали против.

⁸ Cohen S. India: Emerging Power. Wash. D.C.: Brookings Institution Press, 2001. P. 263.

нераспространения ракетных технологий были укреплены путем транспарентных многосторонних соглашений на основе равной безопасности»⁹.

Из сказанного следует, что после проведения ядерных испытаний, очевидно, можно говорить о том, что Индия эволюционирует в направлении более позитивного подхода к международным режимам нераспространения оружия массового уничтожения. Следует вместе с тем иметь в виду, что Индия традиционно отрицательно относится и далее будет так же относиться к открытости и транспарентности своего ядерного потенциала.

Пакистан

В отличие от Индии, где, как было показано выше, создание ядерного оружия шло *зигзагообразным* путем и заняло несколько десятилетий, в Пакистане руководство страны – как при гражданских, так и при военных администрациях – неуклонно, без колебаний развивало военную атомную программу. Благодаря этому процесс создания ядерного оружия после принятия соответствующего решения занял значительно меньше времени, несмотря на гораздо более слабый экономический и технический потенциал, – менее 20 лет. Следует вместе с тем отметить, что хотя обе страны в той или иной мере пользовались помощью промышленно развитых государств, Пакистан в существенно большей степени полагался на иностранное содействие. [...]

Как и Индия, Пакистан не присоединился ни к ДНЯО, ни к ДВЗЯИ. Так же, как и его восточный сосед, Пакистан является участником Договора 1963 г. о частичном запрещении ядерных испытаний.

В прошлом Пакистан, отставая от Индии в развитии своей ядерной программы, всячески демонстрировал приверженность идее демилитаризации южноазиатского субконтинента, предлагая создать в Южной Азии зону, свободную от ядерного оружия, и высказываясь за одновременное присоединение Пакистана и Индии к ДНЯО, одновременное распространение всеобъемлющих гарантий МАГАТЭ на всю ядерную деятельность обоих государств и т.п., что, разумеется, совершенно неприемлемо для Индии.

---

⁹ NGO Report from General Assembly First Committee. 2001. 20 October.

После майских взрывов 1998 г. Пакистан, как и Индия, воздерживается от дальнейших ядерных испытаний. Однако весной 2000 г. появились сообщения, что Пакистан и Индия были бы готовы провести еще по одному испытанию ядерных боезарядов. Для Дели якобы было бы важно осуществить испытание термоядерного боезаряда, чтобы не только получить необходимые новые данные, но и подтвердить успешность первого испытания, поскольку у некоторых зарубежных специалистов имелись сомнения в этом. Для Исламабада же нужно было бы провести испытание плутониевого устройства¹⁰. Эти сообщения, однако, вызывают сомнения в серьезности подобных намерений, поскольку трудно предположить, что в нынешних условиях и Индия, и Пакистан рискнули бы бросить такой вызов мировому сообществу.

Пакистан придерживается подхода к РКРТ, который аналогичен индийскому. В отношении предложения о заключении конвенции о ЗПРМ Пакистан неизменно высказывается в пользу необходимости распространения запретов такой возможной конвенции не только на будущее производство, но и на накопленные запасы расщепляющихся материалов. Как известно, против этого возражают и ядерные державы, и Индия. Так, представитель Пакистана на Конференции по разоружению М. Акрам заявил 30 июля 1998 г., что его страна будет «добиваться решения проблемы неравных запасов» делящихся материалов, которая «может подорвать стабильность ядерного сдерживания»¹¹, а министр иностранных дел военного режима А. Саттар подтвердил 25 ноября 1999 г., что Пакистан примет участие в переговорах по конвенции о ЗПРМ, но «вопросы верификации и наличия запасов будут иметь для Пакистана первоочередное значение»¹².

Из сказанного следует, что подход Пакистана к вопросам ограничения вооружений в целом характеризуется постоянным стремлением к ослаблению асимметрии в военно-стратегическом отношении с Индией и, во всяком случае, к уменьшению такой асимметрии.

---

¹⁰ Новиков В.Е. Пакистан: исламская бомба. Специальное приложение к сборнику «Ядерное распространение». 2000. Вып. 2. С. 58.

¹¹ *Arms Control Today*. 1998. Vol. 28, No. 5, June/July. P. 27.

¹² *Dawn*. 1999, 26 Nov.

*Ситуация в Южной Азии
после проведения ядерных испытаний*

После проведения Индией и Пакистаном ядерных испытаний в 1998 г. риск возникновения вооруженных конфликтов между обеими странами на территориальной, этнической и религиозной почве серьезно возрос, несмотря даже на то, что в феврале 1999 г. в Лахоре состоялась встреча премьер-министров обеих стран, Атала Бихари Ваджапаи и Наваза Шарифа, в ходе которой были подписаны двусторонние декларация и меморандум с набором мер укрепления доверия между двумя государствами.

Однако не успели просохнуть чернила, которыми были подписаны эти документы, как в мае 1999 г. произошла острая вспышка медленно тлевшего в течение длительного времени конфликта из-за Джамму и Кашмира¹³. Но на этот раз обе стороны в процессе крупномасштабных военных операций имели за спиной ядерные арсеналы. Как подсчитали индийские эксперты Прафул Бидвай и Ачин Ванаик, в ходе продолжавшихся пять недель военных действий, число жертв которых составило около полутора тысяч человек (по индийским данным – 1300, а по пакистанским – 1750), стороны 13 раз (!) обменялись прямыми или косвенными ядерными угрозами¹⁴.

Аналогичную оценку высказал и пакистанский специалист, профессор физики университета *Кауд-э-Азм* Первез Худбхой: «Ядерные ястребы (в Пакистане и Индии) обычно объявляли, что ядерное оружие в такой степени обеспечит безопасность обеих сторон, что войн больше не будет. Но год назад Каргильский конфликт¹⁵ доказал, что это утверждение является абсолютно ошибочным. В действительности, может быть даже впервые

---

¹³ Джамму и Кашмир – штат на северо-западе Индии, принадлежность которого оспаривается Пакистаном.

¹⁴ *Praful Bidwai, Achin Vanaik*. New Nukes. India, Pakistan and Global Nuclear Disarmament. N.Y.: Interlink Books, 2000. P. xi–xii.

¹⁵ Каргильский конфликт – конфликт между Пакистаном и Индией по поводу принадлежности штата Джамму и Кашмир. Одним из итогов конфликта стало подписание Лахорской декларации, призванной снизить риск случайного или несанкционированного применения обоими государствами ядерного оружия. – *Прим. ред.*

в истории, можно утверждать, что ядерное оружие привело к возникновению войны (даже если оно и сыграло какую-то роль в ограничении ее масштабов). Хотя Пакистан и стремится к освобождению Кашмира, Исламабад не хотел вести войну с Индией из-за относительного дисбаланса в области обычных вооружений. Но ядерный щит придал Пакистану смелости, он начал скрытые операции, тайком развернул военные действия и нанес Индии большие потери в людской силе. В конце концов Пакистан потерпел дипломатическое поражение, хотя, может быть, и одержал военную победу.

Вопреки классической теории сдерживания Каргильский конфликт показывает, что ядерное оружие может привести на деле к осложнению обстановки и к возникновению войны»¹⁶.

Таким образом, ядерное оружие не только не способствовало сдерживанию многолетнего конфликта, а наоборот, только еще более обострило его, и не случайно президент США Б. Клинтон в ходе визита в Южную Азию в 2000 г. заявил, что индийский субконтинент является «самым опасным местом в мире»¹⁷. [...]

Представляется вполне реальным, что стороны будут и дальше наращивать свой ракетно-ядерный арсенал, создавать системы контроля и управления этим арсеналом и другие необходимые военно-технические атрибуты поддержания его, несмотря на то, что все это ложится тяжелым бременем на их экономику и социальные условия жизни. Укрепление уверенности в надежности ядерного оружия и средств доставки будет придавать сторонам, особенно наиболее непримиримо настроенным кругам в обоих государствах, еще большую склонность к решению существующих проблем силовым путем. Каргильский конфликт 1999 г. показал, что фактор ядерного сдерживания в данном регионе не работает, и пока что нет никаких оснований полагать, что с тех пор что-то в этом отношении изменилось. И если учесть остроту территориального вопроса и этнических, религиозных и других противоречий между сторонами, то не может быть никакой уверенности в том, что со временем Пакистан и Индия

---

¹⁶ Сообщение д-ра Худбоя 7 октября 2000 г. на Московской конференции по нераспространению ядерного оружия, организованной ПИР-Центром и Московским центром Карнеги.

¹⁷ PPNN Newsbrief. 2000. No. 52, 3rd Quarter. P. 22.

будут воспринимать ядерный фактор как играющий отрезвляющую и умиротворяющую роль в нынешнем противостоянии. При этом наибольшую озабоченность вызывает сейчас и несомненно будет и дальше вызывать непрекращающаяся внутренняя нестабильность пакистанского режима, более непримиримая (чем в Индии) борьба за власть между различными группировками.

Происходящее в Южной Азии наглядно свидетельствует о том, что и Индия (в большей мере), и Пакистан (в меньшей мере) осуществляют, осуществляют и будут и далее осуществлять свои ядерные и ракетные программы практически независимо от того, как на это реагируют или какое давление на них оказывают внешние силы. Фактическая безрезультативность американских санкций в отношении обеих стран и попыток политического влияния в ходе интенсивных консультаций с ними, проводившихся администрацией Клинтона, – убедительное тому свидетельство. И хотя есть основания считать, что воздействие извне ими так или иначе учитывается, все же данный фактор не имел и, скорее всего, не будет иметь сколько-нибудь существенного влияния на ускорение или замедление указанных программ. Во всяком случае, для выстраивания реалистической, а не основанной на предположениях политики в отношении обоих государств такой прагматический подход является более трезвым и дальновидным. [...]

*Заключение и некоторые соображения
о возможных путях ослабления ядерной угрозы,
исходящей из Южной Азии*

Анализ сложившейся в Южной Азии ситуации после возникновения там двух новых ядерных государств позволяет сделать некоторые (далеко не исчерпывающие) выводы.

Во-первых, нанесен существенный удар по международному режиму ядерного нераспространения. Хотя и до испытаний 1998 г. было очевидно, что и Индия, и Пакистан (как и Израиль) овладели секретом производства ядерного оружия и потому отказались от участия в ДНЯО, демонстративное проведение испытаний в мае 1998 г. было расценено практически всем мировым сообществом как вызов существующему режиму нерас-

пространения, что нашло свое выражение и в резолюции Совета Безопасности ООН. Среди специалистов нет единого мнения относительно неизбежности цепной реакции, т.е. подключения к дальнейшему разрушению режима и других государств. И все же большинство из них склоняется к выводу, что режим выживет. Это было достаточно убедительно продемонстрировано и на Конференции по ДНЯО 2000 г., когда после длительного перерыва был единодушно принят *Заключительный документ конференции*, который твердо нацеливает на поддержание режима нераспространения. Режим безусловно сохранится, но, по-видимому, в новом измерении, в новом составе. Очевидно, в перспективе встанет вопрос о какой-то форме признания ядерного статуса южноазиатских государств и вовлечения их в режим уже в таком качестве. Но мировое сообщество пока что не готово к такому повороту событий.

Во-вторых, совершенно очевидно, что острота индийско-пакистанских отношений после обретения обоими государствами ядерного статуса существенно возросла, что усугубило угрозу возникновения вооруженных столкновений, превращения их в постоянный взрывоопасный конфликт, который потенциально может перерасти в широкомасштабную войну с непредсказуемыми последствиями.

В-третьих, представляется очевидным, что Индия будет постепенно (это может занять одно и даже два десятилетия) создавать всю необходимую инфраструктуру для превращения в современную полноценную ядерную державу, располагающую системой управления, контроля, связи и предупреждения о внешнем нападении, а также триадой сил сдерживания, которая будет способна поражать все основные жизненно важные центры не только Пакистана, но и – главное – Китая. В свою очередь, Пакистан также будет стремиться овладеть необходимыми атрибутами ядерной державы, но его возможности в этом отношении являются гораздо более ограниченными. Впрочем, ему определенную помощь может оказать Китай.

В-четвертых, несмотря на предпринимаемые в настоящее время Индией (и в определенной мере Китаем) усилия по поддержанию равных отношений между обеими странами, опасность конфронтации по-прежнему остается весьма вероятной, что может подтолкнуть их к усилению соперничества в Азии

и к гонке вооружений. Это обстоятельство будет создавать почву для укрепления позиций тех сил в Индии, которые выступают в пользу скорейшего оснащения вооруженных сил ядерным оружием и их приведения в состояние оперативной готовности. Такая ситуация, в свою очередь, может стимулировать Китай в направлении ускорения модернизации своего ракетно-ядерного арсенала. Планы США по развертыванию национальной ПРО также будут вынуждать Китай действовать в этом направлении.

В-пятых, при подобном развитии событий прослеживается тенденция к усилению роли ядерного фактора в Азии в целом. Там уже сейчас имеются три ядерных государства (Китай, Индия и Пакистан), существует технологически высокоразвитое государство, которое может, в случае принятия соответствующего решения, в короткие сроки наладить производство ядерного оружия (Япония), есть еще две страны, которые пытались создать ядерное оружие (Ирак и Северная Корея), плюс к этому в наличии ядерных амбиций подозревается Иран, а Южная Корея и Тайвань в прошлом лелеяли серьезные планы создания атомного потенциала. В этот список следует включить и Израиль, в отношении существования у которого ядерного оружия ни у кого не имеется сомнений. [...]

Весьма благотворно на позицию Индии по международным проблемам, включая ядерную, повлияло бы ее включение в состав Совета Безопасности в качестве постоянного члена. Ведь ядерные амбиции Индии во многом объясняются ее стремлением войти в *клуб великих держав*. Вопрос о расширении Совета давно назрел, и Россия могла бы сыграть более активную, не только декларативную, но и практическую роль в его решении.

Мы не можем согласиться с теми политиками и исследователями в странах, называемых западными, которые почему-то считают, что предоставление Индии места постоянного члена явилось бы как бы *вознаграждением* или *премией* за создание ею ядерного оружия. Да, все нынешние постоянные члены Совета Безопасности являются ядерными державами, но это сложилось исторически и отнюдь не задумывалось изначально. Когда Устав ООН создавался отцами-основателями Организации, которые были лидерами антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне, ни один из постоянных членов Совета не имел ядерного оружия, даже Соединенные Штаты. Кроме пяти постоянных членов тогда

не было каких-либо других великих держав, и они по решению руководителей США, СССР и Великобритании были облечены особыми полномочиями в вопросах поддержания международного мира и безопасности. Однако времена с тех пор изменились. На карте мира появились государства, которые по праву тоже являются сейчас великими державами. Но не потому, что владеют ядерным оружием, а по самым разным признакам – размер территории, численность населения, экономическое развитие, весомость с точки зрения вклада в поддержание мира и соответствующие военные силы и т.д. и т.п. К таким государствам в первую очередь следует отнести Индию, Германию, Японию.

Очень важно и то, что расширение состава постоянных членов Совета Безопасности за счет указанных, а возможно, и других государств может существенно повысить роль и эффективность Совета Безопасности и ООН в целом. Укрепление авторитета Организации особенно необходимо на данном историческом этапе и на обозримое будущее, поскольку при недостаточной эффективности ООН единственная сейчас сверхдержава не в состоянии предотвращать и ликвидировать все возникающие в мире вызовы международной безопасности и не всегда проявляет готовность должным образом учитывать законные интересы других государств и мирового сообщества в целом.

России следует исходить из того, что Индия перманентно является для нее ключевым фактором поддержания стабильности в Азии, причем не только как естественный противовес другим державам (в первую очередь Китаю), но – главное – как ближайший партнер в построении возможной системы коллективной безопасности в Азии и в мире в целом. России – в меру ее нынешних возможностей – следовало бы более активно развивать взаимодействие с Индией в самых различных сферах деятельности, в том числе, разумеется, в области военно-технического сотрудничества и мирного использования атомной энергии. Но такое сотрудничество с Индией – а в перспективе и с Пакистаном, что тоже весьма важно, – Россия, как уважающий себя и подающий достойный пример другим странам член мирового сообщества, должна осуществлять при полном и неукоснительном соблюдении своих международных обязательств, в том числе по нераспространению ядерного и других видов оружия массового уничтожения.

ЧАСТЬ II

ЯДЕРНОЕ РАЗОРУЖЕНИЕ

РАЗДЕЛ I

К ИСТОРИИ РАЗОРУЖЕНИЯ: ОТ ПЕРВЫХ ПОПЫТОК ОГРАНИЧЕНИЯ ВООРУЖЕНИЙ ДО КОНТРОЛЯ НАД ЯДЕРНЫМИ ВООРУЖЕНИЯМИ

Первые сдвиги в направлении ограничения вооружений. О работе Лондонского подкомитета Комиссии ООН по разоружению¹

Начальная попытка предотвратить развертывание гонки атомных вооружений, предпринятая в рамках Комиссии ООН по атомной энергии в 1946–1949 гг., как известно, успехом

---

¹ Впервые опубликовано: *Тимербаев Роланд*. Первые сдвиги в направлении ограничения вооружений. О работе Лондонского подкомитета Комиссии ООН по разоружению // *Индекс Безопасности*. 2010. № 3 (94), осень. С. 137–151.

не увенчалась. Возглавляемая Гарри Трумэном администрация США, выдвигая так называемый *план Баруха*², стремилась на деле сохранить за собой атомную монополию. СССР приступил к ускоренной реализации своего атомного проекта. За ним по этому пути последовала Великобритания. Комиссия ООН оказалась в тупике и была распушена.

СССР быстро овладел *секретом атомной бомбы*, как тогда было принято говорить, в 1949 г. провел первое атомное испытание, а в 1953 г. взорвал и водородное устройство. Таким образом, СССР практически догнал США по части научно-технического обеспечения производства ядерного и термоядерного оружия, но еще отставал в количественном отношении. Происходившее выравнивание ядерных потенциалов создавало объективные предпосылки для начала равноправного диалога с США по атомной и вообще разоруженческой проблематике.

Этому способствовали и политические перемены в обеих странах: смерть Сталина и приход на смену ему нового руководства, а также избрание на пост президента США Дуайта Эйзенхауэра, человека военного, хорошо знающего, к каким последствиям приводит применение оружия, особенно оружия массового уничтожения.

К началу переговоров объективно подталкивало и то обстоятельство, что и в США, и в СССР разворачивались работы по созданию новых, более эффективных, а потому и более опасных средств доставки ядерного оружия, чем авиация, – межконтинентальных баллистических ракет и атомных подводных лодок с баллистическими ракетами. В этой области современных вооружений стороны стремились не отставать друг от друга.

Учрежденная в январе 1952 г. Генеральной Ассамблеей ООН взамен Комиссии по атомной энергии и Комиссии по вооружениям обычного типа новая Комиссия ООН по разоружению практически бездействовала. Требовался более удобный формат для переговоров. В этих целях для исполнения резолюции Ген-

---

² Американский план, представленный в Комиссию ООН по атомной энергии, содержащий условия, на которых США предлагали другим странам сотрудничество по мирному использованию атома. Подготовлен американским финансистом, представителем США в Комиссию ООН по атомной энергии Бернардом Барухом. – *Прим. ред.*

ассамблеи от 28 ноября 1953 г.³ Комиссия по разоружению в апреле 1954 г. учредила подкомитет в составе СССР, США, Великобритании, Франции и Канады.

Идея создания подкомитета принадлежала представителю Франции, Жюлю Моку, в прошлом крупному политическому деятелю, занимавшему посты министра внутренних дел и министра обороны. Франция тогда еще не имела атомного оружия и, хотя и была членом НАТО, все же стремилась занимать сравнительно гибкую позицию в Комиссии и в ее подкомитете. В 1956 г. Жюль Мок был приглашен советским правительством посетить СССР. Он совершил большую поездку по нашей стране, в которой мне довелось сопровождать его. По завершении поездки он написал книгу, где дал благожелательную оценку тому, что увидел в нашей стране⁴.

Важным обстоятельством, определявшим подходы сторон к переговорам, было то, что и у СССР, и у западных государств со времени окончания Второй мировой войны оставались многочисленные вооруженные силы. Было очевидно, что атомную проблему необходимо рассматривать в увязке с сокращением вооружений обычного типа. Именно так Генассамблея ООН сформулировала задачу, поставленную перед Комиссией по разоружению и ее подкомитетом.

В упомянутой резолюции ГА ООН от ноября 1953 г. и – более конкретно – в последующей резолюции от ноября 1954 г. Комиссии вместе с подкомитетом предлагалось разработать проект международной конвенции о разоружении, предусматривающей:

- значительное сокращение вооруженных сил и вооружений обычного типа;
- полное запрещение применения и изготовления ядерного оружия;
- учреждение эффективного международного контроля через контрольный орган, чтобы гарантировать соблюдение

---

³ Резолюция ГА ООН 715 (VIII).

⁴ *Moch J. U.R.S.S: Les yeux ouverts. P. 1956. О посещении Ж. Моком Советского Союза см. также: Тиммербаев Р.М. Рассказы о былом. М.: РОССПЭН, Библиотека ПИР-Центра, 2007. С. 50–54.*

согласованного сокращения вооружений и запрещения ядерного оружия⁵.

Работа Подкомитета в 1954 г.

Первая сессия подкомитета состоялась в Лондоне с 13 мая по 23 июня 1954 г. Его заседания проходили при закрытых дверях. Советскую делегацию возглавлял посол в Великобритании Я.А. Малик, американскую – М. Паттерсон, британскую – государственный министр С. Ллойд, французскую – Ж. Мок и канадскую – министр иностранных дел Л. Пирсон, а после его отъезда из Лондона – верховный комиссар в Великобритании Н. Робертсон.

В центре внимания сессии подкомитета была проблема запрета атомного оружия, на чем настаивал СССР. США, как и в *плане Баруха*, вели дело к тому, чтобы запрещение и уничтожение атомного оружия происходило только на самом последнем этапе – после установления международного контроля.

Однако ситуация в атомной области была уже иной, чем во время работы Комиссии ООН по атомной энергии в 1940-х гг. За это время появилось водородное оружие. В ноябре 1952 г. американцы взорвали на о. Эниветок в Тихом океане водородное устройство *Майк* мощностью более 10 Мт. СССР в августе 1953 г. испытал свое первое, но еще неполноценное водородное устройство мощностью 400 кт (так называемую *сахаровскую слойку*). Настоящая водородная бомба мощностью 1,6 Мт была испытана СССР немного позднее, в ноябре 1955 г. Как справедливо отмечал американский исследователь Бернард Бечхофер, участвовавший в работе Лондонского подкомитета в составе делегации США, появление водородной бомбы «заставляло переоценивать все предыдущие позиции по контролю над вооружениями» в связи с тем, что «термоядерная революция разрушила остающиеся технологические посылки, лежавшие в основе *предложений Баруха*»⁶.

⁵ Резолюция ГА ООН 808 (IX). 1954, 4 ноября.

⁶ *Bechhoeffer Bernhard G. Postwar Negotiations for Arms Control. Wash., D.C.: The Brookings Institution, 1961. P. 229–243.*

Следует считать вполне закономерным, что на сессии подкомитета и французский, и британский представители, по существу, признали, что *план Баруха* можно с полным основанием сдать в лавку древностей и что нужна другая основа для решения атомной проблемы. Жюль Мок прямо заявил: «*План Баруха* не существует»⁷.

Наиболее существенным событием первой сессии подкомитета было внесение британской и французской делегациями на заключительном этапе, 11 июня 1954 г., совместного меморандума по разоружению.

В самом начале меморандума говорилось, что в соответствии с положениями Устава ООН представленные в подкомитете государства считают для себя запрещенным применение ядерного оружия, за исключением применения его в целях самообороны против агрессии. Тут ничего нового не содержалось. А вот далее предполагалось, чтобы впредь до запрещения и изъятия ядерного оружия, как это в меморандуме далее предусматривалось, Великобритания и Франция рекомендуют включение в договор о разоружении немедленного признания этого запрещения всеми подписавшими договор государствами.

В меморандуме в то же время предлагалось, чтобы осуществление мероприятий по разоружению проводилось в течение определенного срока после того, как контрольный орган будет учрежден и размещен, и как только он заявит, что может эффективно обеспечить обязательное осуществление данных мероприятий.

Меры по разоружению будут проходить поэтапно. Вначале – замораживание численности личного состава вооруженных сил и общей суммы военных расходов на уровне 31 декабря 1953 г. Далее – сокращение вооружений и вооруженных сил в размере 50% согласованных норм⁸ и после этого – прекращение производства всех видов ядерного оружия.

И, наконец, сокращение вооружений обычного типа в размере остальных 50% согласованных норм, после этого – проведение

---

⁷ Док. DC/SC.1/PV.18. С. 6.

⁸ Как показали дальнейшие переговоры, под нормой сокращения авторы меморандума понимали разницу между численностью вооруженных сил в конце 1953 г. и предельным уровнем, установленным для данного государства.

в жизнь полного запрещения и полного изъятия ядерного оружия и обращение наличных запасов ядерных материалов на мирные цели⁹.

Делегация США не была соавтором франко-британского меморандума, но, как свидетельствует член этой делегации, «Соединенные Штаты принимали участие в составлении документа на всех стадиях, и он полностью соответствовал политике США»¹⁰. Можно предположить, что американцы не пошли на соавторство, чтобы создать впечатление о компромиссном характере меморандума и тем самым способствовать началу переговоров.

Советский представитель Я.А. Малик был заранее проинформирован Селвином Ллойдом и Жюлем Моком о предстоящем внесении меморандума. Однако на заседании подкомитета он, заявив, что у советской делегации не было достаточно времени на изучение документа, все же обрушился на него с критикой в духе своих прежних заявлений. Вскоре сессия подкомитета завершилась.

Как на меморандум реагировала Москва? В советских публикациях того времени наибольшие возражения вызывало то, что меморандум по-прежнему исходил из позиции западных держав: сначала – контроль, а потом – разоружение. И все же указывалось, что «при всех недостатках англо-французских предложений они намечали известное сближение позиций западных держав и Советского Союза в вопросах разоружения»¹¹. В тот период руководство страны активно продвигало принципы *мирного сосуществования*, и это, несомненно, оказывало положительное воздействие на нашу политическую линию и дипломатическую тактику при рассмотрении проблемы разоружения.

Во внутренних документах МИД СССР отмечалось, что предложения Франции и Великобритании «отличаются от прежних предложений западных держав по этому вопросу главным обра-

⁹ Док. DC/SC.1/10.

¹⁰ *Bechhoeffer Bernhard G.* Op. cit. P. 228.

¹¹ *Протопопов Анатолий.* Советский Союз в Организации Объединенных Наций. Из истории борьбы СССР за мир и независимость народов (1945–1957). М.: Госполитиздат, 1957. С. 60–61; *Борьба Советского Союза за разоружение. 1946–1960 годы / Под ред. В.А. Зорина.* М.: Изд-во Института международных отношений, 1961. С. 172–173.

зом тем, что в новые предложения включено положение о прекращении производства всех видов ядерного оружия и всех остальных запрещенных видов оружия по осуществлении сокращения вооружений и вооруженных сил в размере первых 50% согласованных норм». Также представленный меморандум отличался тем, что в него было «включено положение о проведении в жизнь полного запрещения и полного изъятия ядерного оружия и всех других видов запрещенного оружия по осуществлении сокращения вооружений обычного типа и вооруженных сил в размере остальных 50% согласованных норм»¹².

Официальная позиция СССР по поводу франко-британского меморандума была озвучена на сессии Генассамблеи ООН осенью 1954 г. 30 сентября 1954 г. делегация СССР внесла на рассмотрение ООН проект резолюции о заключении международной конвенции о сокращении вооружений и запрещении атомного, водородного и других видов оружия массового уничтожения, в котором предлагалось положить в основу предложения Франции и Англии от 11 июня 1954 г.

Конкретно предлагалось следующее:

- Одновременно проводить сокращение в течение шести месяцев или года вооружений и ассигнований на военные нужды в размере 50% согласованных норм. Создать при Совете Безопасности ООН *временную* международную контрольную комиссию для получения от государств сведений о сокращениях и для принятия мер по наблюдению за выполнением государствами взятых на себя обязательств.
- По завершении указанных мероприятий государства сокращают свои вооружения и военные расходы на остальные 50%, осуществляется полное запрещение атомного и водородного оружия с прекращением его производства и изъятием из вооружений, учреждается постоянный международный орган, который будет иметь полномочия проводить инспекции на постоянной основе¹³.

---

¹² Архив Внешней Политики РФ (далее: АВП РФ). Ф. ОМО. Оп. 1а. П. 45. Д. 194/111. Л. 23.

¹³ Док. А/2742.

Из текста проекта резолюции с очевидностью следует, что СССР по ряду важных вопросов учел позицию западных держав. Нельзя не видеть, что имелось много общего между положением англо-французского меморандума от 11 июня 1954 г. и новыми советскими предложениями. Неслучайно французская газета *Le Monde* писала: «В кругах ООН признают, что в направлении разрешения проблемы разоружения сделан самый большой шаг, который когда-либо делался на протяжении нескольких лет»¹⁴.

Американский исследователь Бернард Бечхофер сделал такой вывод из состоявшейся на сессии ООН дискуссии: «Главное значение нового советского подхода состояло в том, что он открывал огромные возможности для будущих конкретных переговоров»¹⁵.

Как отмечалось в аналитических документах МИД, основное возражение у США и некоторых других западных стран вызывало советское предложение относительно двух форм контроля: временной контрольной комиссии, учреждаемой на первой стадии, и постоянного международного контрольного органа, который вводится в действие на второй стадии. С точки зрения СССР, камнем преткновения была линия США и Великобритании на то, чтобы принцип единогласия постоянных членов Совета Безопасности ООН не использовался при применении санкций в отношении возможных нарушителей, и чтобы таким правом был наделен контрольный орган¹⁶.

В итоге дискуссии на Генассамблее по предложению всех членов подкомитета – СССР, США, Великобритании, Франции и Канады – была единодушно принята резолюция с поручением Комиссии по разоружению и ее подкомитету предпринять новые попытки достичь соглашения, принимая во внимание имеющиеся предложения, включая советский проект резолюции¹⁷.

В связи с наступающим новым этапом переговоров в американской администрации было решено укрепить разоруженческую команду и свое представительство в подкомитете. В конце 1954 г. М. Паттерсон, который не имел достаточного влияния

---

¹⁴ Борьба Советского Союза за разоружение. 1946–1960 годы. С. 175.

¹⁵ *Bechhoeffer Bernhard G.* Op. cit. P. 234.

¹⁶ АВП РФ. Ф. ОМО. Оп. 1а. П. 45. Д. 194/111. Л. 7–8.

¹⁷ Резолюция ГА ООН 808(IX). 1954, 4 ноября.

в Вашингтоне и, как утверждают, не был вхож не только в Белый дом, но даже к Госсекретарю¹⁸, подал в отставку. На основной разоруженческий пост в администрации США в марте 1955 г. был назначен крупный политический деятель республиканской партии Г. Стассен, получивший должность специального помощника президента по разоружению и члена Кабинета. Представителем в подкомитете Г. Стассен стал весной 1957 г. До этого представителем был посол Г. Лодж, а его заместителем – посол Дж. Уодсворт¹⁹.

Советским представителем в подкомитете оставался посол Я.А. Малик. В МИД СССР в тот период было решено создать в рамках Отдела международных организаций (ОМО), возглавляемого С.К. Царапкиным, небольшую группу по разоружению, в состав которой вошли опытные дипломаты П.Ф. Шахов и И.Г. Усачев (позднее ставший советником представительства РФ при ООН), а также молодой сотрудник – автор этих строк. Разоруженческие дела курировал заместитель заведующего отделом А.А. Рошин, который в 1956 г. был назначен советником-посланником в Лондоне. В 1955 г. в ОМО пришел К.В. Новиков, ставший в 1964 г. заведующим этим отделом и посвятивший делу разоружения много лет своей жизни.

А.А. Громыко, первый заместитель министра иностранных дел, а с февраля 1957 г. – министр, прекрасно знавший разоруженческую проблематику, внимательно следил за работой подкомитета и направлял деятельность нашей делегации. В начале 1955 г. в течение некоторого времени (февраль – март) А.А. Громыко возглавлял нашу делегацию в подкомитете. Значительную роль в проведении политики государства по разоружению играл заместитель министра В.А. Зорин, в 1957 г. возглавлявший советскую делегацию в Лондонском подкомитете.

В Министерстве обороны вопросами разоружения занимался помощник начальника Генерального штаба генерал-полковник А.А. Грызлов, которому помогали генералы и офицеры Главного оперативного управления. Специальное подразделение по вопросам ограничения вооружений (Договорно-правовое управле-

---

¹⁸ *Bechhoeffer Bernhard G. Op. cit. P. 234–237.*

¹⁹ О разоруженческом аппарате в администрации Эйзенхауэра см.: *Bechhoeffer Bernhard G. Op. cit. P. 261–269.*

ние) было создано в МО позднее. В Министерстве среднего машиностроения (атомном министерстве) этими делами занимались непосредственно либо сам министр (В.А. Малышев, А.П. Завенягин, Е.П. Славский), либо один из его заместителей (чаще всего В.С. Емельянов).

Подкомитет в 1955 г.

В 1955 г. подкомитет Комиссии по разоружению заседал в Лондоне с 25 февраля по 18 мая и в Нью-Йорке с 29 августа по 7 ноября. Вопросы разоружения обсуждались также в Женеве на *встречах в верхах* в конце июля и министров иностранных дел с 27 октября по 16 ноября.

29 марта 1955 г. Великобритания и Франция внесли меморандум о сокращении вооруженных сил, который предусматривал установление для вооруженных сил СССР, США и Китая потолков вооруженных сил в пределах от 1 до 1,5 млн чел., а для Великобритании и Франции – по 650 тыс. чел. Численность вооруженных сил других государств была бы, во всех случаях, значительно ниже уровней, определенных для пяти постоянных членов СБ ООН²⁰. В другом предложении западных участников подкомитета говорилось о целесообразности установления предельных сроков для осуществления этих мероприятий²¹.

Крупнейшим событием сессии подкомитета явилось внесение делегацией СССР 10 мая 1955 г. предложения о заключении международной конвенции относительно сокращения вооружений и запрещении атомного оружия. Проект предусматривал следующие положения, осуществляемые в два этапа.

В течение 1956 г. устанавливается согласованный уровень сокращения вооруженных сил США, СССР и Китая в пределах от 1 млн до 1,5 млн чел., а Великобритании и Франции – по 650 тыс. чел. и проводится их сокращение на 50%, а также соответственно сокращаются вооружения обычного типа и ассигнования на эти цели. Численность вооруженных сил других государств, устанавливаемая конференцией по разоружению, будет значительно ниже уровней пяти постоянных членов СБ ООН.

²⁰ Док. DC/SC.1/20. 1955, 29 марта.

²¹ Там же.

Одновременно с началом сокращений на первые 50% принимается обязательство не применять ядерное оружие, которое считается запрещенным. Исключение может быть допущено в целях обороны против агрессии по решению СБ ООН. Ликвидируются военные базы на территориях других государств, при этом будет согласовано дополнительно, какие базы будут подлежать ликвидации в течение первого периода.

В течение 1957 г. немедленно прекращается производство атомного и водородного оружия. США, СССР, Китай, Великобритания и Франция сокращают свои вооруженные силы на остальные 50% до установленных уровней. Завершается ликвидация всех военных баз на иностранных территориях. После того как сокращение будет осуществлено на 75%, войдет в силу полное запрещение применения атомного и водородного оружия. Изъятие этого оружия из вооружений, его уничтожение и затем сокращение вооруженных сил и вооружений обычного типа начнутся одновременно и завершатся в 1957 г.

Новыми советскими предложениями предусматривалось учреждение международного контрольного органа.

В течение первого периода (1956) устанавливаются контрольные посты в крупных портах, на железнодорожных узлах, автомагистралях, аэродромах. Международный контрольный орган будет иметь право истребовать от государств сведения о мероприятиях по сокращению вооружений и вооруженных сил, а также иметь беспрепятственный доступ к материалам, касающимся бюджетных ассигнований.

В течение второго периода (1957) международный контрольный орган будет осуществлять контроль, в том числе инспекцию на постоянной основе в объеме, необходимом для обеспечения выполнения конвенции. Инспекторы будут иметь беспрепятственный доступ ко всем объектам контроля. Контрольный орган делает рекомендации Совету Безопасности относительно нарушителей конвенции²².

Советский проект шел навстречу западным странам по многим позициям. Предложение об уровнях вооруженных сил и вооружений лишило какого-либо основания ссылаться на то, что превосходство СССР в этой области не позволяет ему отказаться

²² Док. DC/SC.1/26/Rev.2. 1955, 10 мая.

от ядерного оружия в целях поддержания равновесия сил. Допускалась возможность применения ядерного оружия в целях обороны против агрессии по решению СБ ООН. Меры по прекращению производства ядерного оружия и его уничтожению должны были проводиться в течение второго периода и в два этапа. Большая уступка была сделана по контролю: уже в течение первого периода учреждается международный контрольный орган, функции которого в дальнейшем радикально расширяются.

Новые советские предложения открывали путь к серьезным переговорам и возможным согласованным решениям. Представители Франции (Ж. Мок), Великобритании (А. Наттинг) и Канады (Д. Джонсон) дали положительную оценку советскому проекту. Ж. Мок прямо заявил, что «практически все наши предложения приняты»²³. Американский представитель Дж. Уодсворт ограничился заявлением, что он, в общем, поддерживает сказанное его тремя западными коллегами²⁴.

Советник американской делегации Мейерс в беседе с советником советской делегации И.Г. Усачевым 19 мая сказал, что его делегация была «буквально поражена исключительно глубокой разработкой этого документа». Но при этом делегация США считает, что выводы советского документа по контролю «являются недостаточными, не ведущими к созданию эффективного международного контроля». По словам Мейерса, после того как текст советских предложений от 10 мая был сообщен госсекретарю Дж. Ф. Даллесу, американская делегация получила указание избегать всего, что могло бы создать впечатление, что США отклоняют предложения СССР.

Вскоре в подкомитете был объявлен перерыв в связи с приближающейся встречей глав правительств СССР, США, Великобритании и Франции, которая состоялась в Женеве 18–23 июля 1955 г.

В связи с подготовкой к *встрече в верхах* МИД докладывал руководству страны следующее. «Итоги рассмотрения вопросов сокращения вооружений и запрещения атомного оружия свидетельствуют о том, что достигнуто известное сближение позиций СССР и западных держав по ряду аспектов, связанных с пробле-

²³ Док. DC/SC.1/PV.47/. P. 56–57.

²⁴ Док. DC/SC.1/PV.48/. P. 12, 21, 23.

мой разоружения, в частности по такому важному вопросу, как вопрос об уровнях вооруженных сил пяти великих держав. Вместе с тем продолжают оставаться значительные расхождения по некоторым весьма важным вопросам. Это в первую очередь относится к вопросам о правах и полномочиях контрольного органа, о времени введения в действие контроля, о ликвидации иностранных военных баз на чужих территориях и о сроках осуществления мероприятий по сокращению вооружений и запрещению атомного оружия»²⁵.

В МИДе обратили внимание на статью в авторитетной американской газете *Christian Science Monitor*. В газете утверждалось, что США, готовясь к предстоящему саммиту в Женеве, «изыскивают пути пересмотра своей позиции в вопросе о разоружении и ядерной энергии», так как «впервые после 1946 г. соглашение с СССР о сокращении вооружений – в качестве широкого политического урегулирования – в настоящее время кажется определенно возможным»²⁶. Вместе с тем, газета высказала сомнение в том, что США готовы пойти на положительное решение этого вопроса. «Предположим, что в один прекрасный день СССР примет остальные предложения США по вопросу о разоружении. Это означало бы отказ от всего американского атомного оружия. Действительно ли США готовы пойти на такое урегулирование? Тот же самый вопрос можно поставить более прямо. Отвечает ли контроль над ядерной энергией национальным интересам США? В Пентагоне есть люди, которые относятся к разоружению со смешанным чувством скептицизма и тревоги, так же как в госдепартаменте и в ведомстве Гарольда Стассена есть люди, которые отдают все свои силы этому делу»²⁷.

СССР при рассмотрении вопроса о разоружении на Женевском совещании исходил из предложений от 10 мая. Президент США выступил с планом проведения взаимных аэрофотосъемок территорий обоих государств – так называемым *планом открытого неба*, который предусматривал неограниченное воздушное наблюдение по всей территории СССР и США с целью предупреждения подготовки внезапного нападения или мобилизации.

---

²⁵ АВП РФ. Ф. ОМО. Оп. 1а. П. 45. Д. 194/111. Л. 75.

²⁶ Цит. по: АВП РФ. Ф. ОМО. Оп. 1. П. 43. Д. 194/111. Л. 100.

²⁷ Там же.

При этом, однако, вне аэрофотосъемок оставались бы американские военные базы на иностранных территориях. Естественно, что СССР американский план не поддержал, противопоставив ему свое предложение, выдвинутое 10 мая, о размещении наземных контрольных постов на ключевых транспортных артериях.

Великобритания выдвинула в Женеве идею создания зоны инспекции вооруженных сил в Центральной Европе, а Франция – предложение о сокращении военных бюджетов и о создании за счет высвобождающихся средств фонда помощи развивающимся странам (так называемый *план Форэ*, французского премьер-министра).

Хотя на Женевском совещании глав правительств конкретных результатов по проблеме разоружения достигнуто не было, сама по себе эта встреча содействовала некоторому ослаблению международной напряженности, что, как тогда казалось, создавало благоприятные предпосылки для продолжения работы подкомитета по разоружению.

Сессия подкомитета, состоявшаяся с 29 августа по 7 ноября на этот раз в Нью-Йорке, оказалась, к сожалению, бесплодной. Советский представитель А.А. Соболев (тогдашний постоянный представитель при ООН) предложил, прежде всего, зафиксировать договоренность по тем вопросам, в рамках которых позиции сторон либо полностью совпадают, либо весьма близки. Это позволило бы «выделить те области, в которых мы должны приложить новые усилия с целью сближения наших позиций»²⁸. Однако впервые выступивший в подкомитете Гарольд Стассен заявил, что Соединенные Штаты резервируют все свои позиции и предложения, выдвинутые ранее²⁹.

Оглядываясь назад, можно предположить, что, судя по всему, в американской администрации происходили дебаты относительно того, куда идти дальше. Вести ли дело к принятию согласованных решений по широким или хотя бы частичным мерам разоружения, либо свертывать серьезный диалог, начавшийся в 1954–1955 гг.

В создавшейся обстановке Советское правительство в лице его председателя Н.А. Булганина 19 сентября обратилось к прези-

²⁸ Док. DC/SC.1/PV.53. P. 19.

²⁹ Док. DC/SC.1/PV.55. P. 26–27.

денту Дуайту Эйзенхауэру с посланием. В этом послании содержался призыв к достижению соглашения по поддающимся договоренности вопросам (об уровнях вооруженных сил, о сроках введения в действие запрещения ядерного оружия, об установлении контрольных постов)³⁰. Последовавшая затем переписка не привела к каким-либо результатам.

Состоявшееся в Женеве в конце октября – начале ноября совещание министров иностранных дел четырех держав также не продвинуло дело вперед. Если советская сторона предлагала продолжить рассмотрение, прежде всего, тех положений, которые содержатся в предложениях СССР от 10 мая, а также в предложениях западных стран об аэрофотосъемках и по некоторым другим вопросам разоружения, то последние фокусировали внимание только на аспектах контроля. При этом, если Советский Союз выражал готовность договариваться как по общей, так и более узкой программе разоружения, то Запад не имел *последовательной позиции*, как признавали и американские исследователи³¹.

Подкомитет в 1956 г.

Лондонский подкомитет заседал с 19 марта по 4 мая. 27 марта советская делегация предложила в целях выхода из тупика сначала достичь соглашения о сокращении в течение 1956–1958 гг. вооружений и вооруженных сил до тех *потолков*, которые обсуждались ранее, с установлением необходимого международного контроля, не обуславливая это соглашением о запрещении атомного оружия.

В том, что касается контроля, в советском предложении предусматривалось, что «на определенной стадии осуществления всеобъемлющей программы разоружения, при укреплении доверия между государствами, заинтересованные страны рассмотрят вопрос относительно возможного использования аэрофотосъемок в качестве одного из методов контроля». При этом предусматривалось, что международный контрольный орган

---

³⁰ *Известия*. 1955. 25 сент. Копии послания были направлены премьер-министром Великобритании А. Идену и Франции – Э. Форю.

³¹ *Bechhoeffer Bernhard G.* Op. cit. P. 314.

«размещает своих инспекторов заблаговременно с тем, чтобы они могли приступить к выполнению своих функций в тот момент, когда государства начнут осуществление предусмотренных соглашением мероприятий». Это был существенный шаг навстречу США и другим западным державам, что вызвало положительную реакцию со стороны Жюля Мока и Гарольда Стассена.

Кроме того, в советском предложении признавалось целесообразным, чтобы государства, независимо от достижения соглашения о разоружении, договорились о частичных мерах в этой области, в частности о прекращении испытаний термоядерного оружия, о выводе атомного оружия с территории Германии и о сокращении военных бюджетов до 15%³².

Предложение о сокращении вооруженных сил СССР было подкреплено и практическими делами. 14 мая было объявлено о сокращении численности вооруженных сил на 1 млн 200 тыс. чел. сверх проведенного в 1955 г. сокращения на 640 тыс. чел. и о соответствующем сокращении вооружений и боевой техники, а также военных расходов³³.

Тот факт, что Советский Союз на этой сессии подкомитета сконцентрировал внимание на сокращении обычных вооружений, отнюдь не означал какого-то забвения проблемы запрета ядерного оружия. Москва стремилась искать новые дипломатические подходы ко всему комплексу вопросов разоружения. Тем не менее, в связи с новой советской инициативой в подкомитете, нельзя не отметить, что к этому времени в СССР было проведено уже более 25 атомных и водородных взрывов, и в том числе первый взрыв в ракетном пуске³⁴. Да и по количеству [боезарядов] мы стали неуклонно догонять американцев.

По оценкам американских независимых экспертов Роберта Норриса из Совета защиты природных ресурсов и Ханса Кристенсена из *Федерации американских ученых*, в 1950 г. США имели 369 ед. ядерного оружия, а СССР – только 5, но к 1956 г. соотношение радикально изменилось: США располагали 4618 ед., а СССР – уже 426 ед. В дальнейшем же – в 1970-х гг., по оценкам

³² Док. DC/SC.1/41. 1956, 27 марта.

³³ *Известия*. 1956. 15 мая.

³⁴ Ядерные испытания в СССР / Под ред. В.Н. Михайлова. М., 1997. С. 147.

этих экспертов, Советский Союз существенно обогнал США по размеру своего ядерного арсенала³⁵.

В подкомитете западные державы, однако, продолжали тянуть время. Более того, американская делегация внесла новые предложения³⁶ – сократить на первом этапе вооруженные силы до уровней 2,5 млн чел., а Великобритании и Франции – до 750 тыс. чел., отказавшись тем самым от своих прежних предложений, предусматривавших существенно более низкие уровни. Нужно сказать, что даже американская пресса признавала, что «предложение Соединенных Штатов не рассматривается как серьезный шаг в области сокращения обычных вооружений»³⁷.

В секретариате ООН так оценивались итоги переговоров:

«Текущий (1956) год примечателен в области разоружения тремя главными событиями:

- Новым и усиливающимся упором на ограниченном или частичном разоружении вместо всеохватывающего разоружения.
- Более выпуклой тенденцией в военном планировании к сдвигу от опоры на живую силу к опоре на ядерные и другие новые виды вооружения и на средства их доставки. Имел место больший упор на предложения о разоружении в области обычных вооружений либо путем односторонних действий, либо посредством соглашения об ограниченных первых шагах.
- Большим пониманием опасности радиации и признанием необходимости принятия мероприятий международного характера для решения вопроса об испытательных взрывах»³⁸.

Общий вывод секретариата ООН был таков:

---

³⁵ Bulletin of American Scientists. 2006, July-August. P. 66.

³⁶ Док. DC/SC.1/42. 1956, 3 апреля.

³⁷ *New York Times*. 1956. 5 Apr.

³⁸ АВП РФ. Ф. Представительство СССР при ООН. Оп. 11. П. 64. Д. 194/220. Л. 20 и 28.

«...Перспектива соглашения, даже в отношении ныне обсуждаемых ограниченных сокращений для первой стадии, – не блестящая. В настоящее время существуют, разумеется, дополнительные трудности для принятия политической инициативы в США в предвыборный период. Положение в отношении Суэцкого канала не улучшает условий для разоружения» (док. PSCA/DAG/33, August 23, 1956)³⁹.

Дискуссии по разоружению, состоявшиеся в 1956 г. в Лондонском подкомитете, а вслед за этим в Комиссии по разоружению и на Генассамблее ООН, оказались, как и раньше, бесплодными, но они все же подготовили почву для серьезного диалога в 1957 г.

Подкомитет в 1957 г.

Сессия подкомитета в 1957 г. была самой длительной – с марта по конец августа. Советскую делегацию возглавлял В.А. Зорин, американскую – Гарольд Стассен. Вначале были продолжены обсуждения предложений сторон по широким мерам разоружения, однако довольно быстро стало очевидным, что тупиковая ситуация сохраняется. Общая обстановка на переговорах была еще вполне благоприятной. Дискуссии приобрели более структурированный характер. Часто стали практиковаться неформальные встречи – как между советской и другими западными делегациями⁴⁰, так и внутри западной четверки. Как нам было известно, это объяснялось осложнившимися отношениями, возникшими в результате Суэцкого кризиса октября 1956 г.

В подобных условиях СССР предпринял новый шаг. 30 апреля на рассмотрение подкомитета была внесена памятная записка о проведении частичных мероприятий в области разоружения. В памятной записке предлагался минимальный объем мер по разоружению, осуществление которых было реально возможным. Новизна и своеобразие советских предложений состояли в том, что основное внимание фокусировалось на первоначальных ша-

---

³⁹ АВП РФ. Ф. Представительство СССР при ООН. Оп. 11. П. 64. Д. 194/220. Л. 20 и 28.

⁴⁰ Только с американской делегацией состоялась одна неофициальная встреча.

гах, но одновременно были выстроены четкие ориентиры для последующих более широких мер, вплоть до радикальных сокращений вооружений и полного уничтожения ядерного оружия.

В предложениях предусматривалось сокращение вооруженных сил до 2,5 млн чел. для США, СССР и Китая и до 750 тыс. чел. для Великобритании и Франции в качестве первого шага к дальнейшему сокращению вооруженных сил, которое в итоге для США, СССР и Китая должно было составить уровень 1–1,5 млн чел. и для Великобритании и Франции – до 650 тыс. чел.

В начале первого периода предлагалось также принять обязательство об отказе от применения атомного и водородного оружия. При этом участники соглашения обязались бы приложить все усилия к достижению соглашения о полном запрещении атомного и водородного оружия с изъятием его из вооружений государств, прекращением производства и уничтожением запасов этого оружия.

Наконец, подчеркивалась целесообразность выделения из общей проблемы ядерного оружия вопроса о прекращении испытаний этого оружия и его безотлагательного решения. Еще до внесения предложений от 30 апреля В.А. Зорин в беседе с Гарольдом Стассеном 21 марта сказал, что вопрос о прекращении испытаний нужно решать в качестве самостоятельного соглашения. Это, сказал он, «затормозит развитие атомного оружия и в тех, и в других государствах». Решение «зависит сейчас от США, СССР и Англии. Если три державы договорятся между собой, то огромное большинство членов ООН поддержат это решение трех государств»⁴¹.

Что касается контроля, в советском документе предлагалось в первый период установить на взаимных началах контрольные посты в крупных портах, на железнодорожных узлах, автомагистралях в западных приграничных районах СССР, на территории Франции, Великобритании и др. стран НАТО и Варшавского договора, а также в восточной части США. Установление контрольных постов на аэродромах планировалось осуществить в течение второго периода, при этом потребовалось бы согласование с мероприятиями по окончательному запрещению водородного оружия с его изъятием из вооружений государств. Вопрос о применении аэрофотосъемок предлагалось решить

⁴¹ АВП РФ. Ф. ОМО. Оп. 3. П. 52. Д. 194/111. Л. 2–3.

на такой основе: осуществлять их в определенном районе Европы на восток и запад от демаркационной линии в Германии и на Дальнем Востоке в определенных районах Аляски и Восточной Сибири⁴².

Для западных держав новые советские предложения оказались *непростым орешком*. Президент Дуайт Эйзенхауэр заявил на пресс-конференции, что план разоружения, внесенный Советским Союзом, «требует тщательного изучения», а министр обороны Чарльз Эрвин Вильсон признал, что русское предложение создало обстановку, «способствующую установлению мира во всем мире»⁴³.

В подкомитете начались длительные неофициальные переговоры между делегациями, главным образом между советской и американской. 31 мая Гарольд Стассен вручил В.А. Зорину в *неофициальном* порядке меморандум о заключении частичного соглашения относительно обеспеченного гарантиями первого шага в области разоружения. Американский меморандум не мог удовлетворить по ряду своих положений советский план от 30 апреля. «В нем предлагался уровень вооруженных сил для обеих держав на втором этапе не в 1–1,5 млн чел., а в 1,7 млн чел. Что касается запрета ядерного оружия, то прямо говорилось, что США считают неприемлемым советское предложение о полном запрещении использования этого оружия». Не была согласна делегация США и с предложением о прекращении испытаний ядерного оружия, выразив готовность пойти только на временную приостановку их сроком на 10 месяцев. Тем не менее, внесение Гарольдом Стассеном неофициального меморандума было воспринято как готовность делегации США продолжить серьезный диалог по разоружению.

По оценке В.А. Зорина, «выработка этих предложений проходила в обстановке серьезных разногласий и острой борьбы среди группировок в правительственных кругах США. По признанию членов американской делегации, – писал он, – намерение Дуайта Эйзенхауэра и Гарольда Стассена искать пути сближения с позицией Советского Союза встретило сопротивление со стороны Пентагона и Госдепартамента. Решительными противниками

---

⁴² Док. DC/SC.1/55. 1957, 5 мая.

⁴³ Борьба Советского Союза за разоружение. 1946–1960 годы. С. 226.

любых, даже самых незначительных, шагов навстречу Советскому Союзу были руководитель Объединенного комитета начальников штабов Артур Рэдфорд, вице-президент Ричард Никсон, председатель Комиссии США по атомной энергии Льюис Штраус и некоторые другие».

В интересах развития переговоров советская делегация 7 июня передала делегации США в неофициальном порядке памятную записку Советского правительства по вопросу о разоружении. В ней была предпринята попытка пойти навстречу американцам, но, разумеется, не в ущерб интересам нашей национальной безопасности.

Так, было предложено договориться о сокращении вооруженных сил СССР и США в три этапа: вначале до уровня 2,5 млн чел., затем до 2,1 млн чел. и на третьем этапе до цифры, названной делегацией США, – 1,7 млн чел. В вопросе о запрещении ядерного оружия было подтверждено предложение о необходимости полного запрета. В отношении ядерных испытаний также была подтверждена наша принципиальная позиция в пользу их полного прекращения. При этом была выражена готовность положительно отнестись к американскому предложению о международном контроле за выполнением этого обязательства. Немного позднее, 14 июня, было дано согласие и на временное прекращение испытаний, но не на 10 мес., а на 2–3 года⁴⁴. В том, что касалось аэрофотосъемок, в памятной записке предлагалось искать решение «не в отказе и сужении воздушного контроля, а в его расширении»⁴⁵.

Тут произошла заминка. 12 июня В.А. Зорин получает письмо от исполняющего обязанности главы делегации США Ч. Оусли. В этом письме сообщалось, что американский «неофициальный документ от 31 мая, на который Вы ссылаетесь в Вашем меморандуме от 7 июня, не существует с точки зрения переписки между правительствами. По этой причине делегация Соединенных Штатов просит вернуть ее меморандум»⁴⁶.

Этот беспрецедентный шаг со стороны делегации США вызвал у нас небывалое удивление. Никто из нас в делегации ни до, ни после с подобным явлением не сталкивался. 16 июня

⁴⁴ Док. DC/SC.1/60. С. 135–136.

⁴⁵ Там же. С. 121–132.

⁴⁶ Там же. С. 132.

В.А. Зорин направил Гарольду Стассену письмо, в котором было выражено «недоумение по поводу такого необычного с точки зрения практики международных переговоров шага, ведущего к затяжке переговоров по разоружению. Советская делегация не может согласиться с таким методом переговоров, поскольку он затрудняет и тормозит достижение соглашения по важнейшей проблеме разоружения»⁴⁷.

Неофициальные консультации между обеими делегациями были прерваны. Нам стало известно, что это было сделано по указанию госсекретаря Дж. Ф. Даллеса. Что послужило подоплекой происшедшего, никто из наших американских коллег объяснить нам не мог или не хотел. Правда, в американскую печать проникли сведения о том, что между Гарольдом Стассеном и руководством Госдепартамента возникли расхождения по поводу ведения переговоров и возможности достижения взаимоприемлемого соглашения с русскими относительно тех или иных мер по разоружению.

Показательно, что уже упоминавшийся выше американский участник переговоров Бернард Бечхофер в своем подробном описании хода работы Лондонского подкомитета ни словом не упоминает о произошедшем скандальном инциденте с отзывом назад американского неофициального документа от 31 мая. Он лишь ссылается на биографа Дж. Ф. Даллеса Дж. Била, который в своей биографии Госсекретаря США, изданной в 1959 г.⁴⁸, писал, что Гарольд Стассен «совершил *тактическую ошибку*», передав В.А. Зорину документ, «не согласованный с союзниками». Дж. Бил вместе с тем отмечает, что Гарольд Стассен «*ни на толщину волоса* не отошел от утвержденной позиции правительства». И тем не менее, Гарольд Стассен был «вызван в Вашингтон и получил там нагоняй»⁴⁹.

Госсекретарь Дж. Ф. Даллес поспешил в Лондон, где в начале августа вместе с другими западными делегациями внес на рассмотрение подкомитета документ, целиком посвященный только воздушной и наземной инспекции всей территории СССР, США и Европы в целях «предупреждения возможности внезапного

⁴⁷ Док. DC/SC.1/60. С. 136–137.

⁴⁸ *Beal John Robinson*. John Foster Dulles. 1959. P. 324.

⁴⁹ *Bechhoeffer Bernhard G.* Op. cit. P. 405–406.

нападения». Каких-либо мер разоружения в этом документе не предлагалось⁵⁰.

В сущности, это означало, что серьезные переговоры по разоружению подошли к концу. Дальнейшая работа подкомитета вплоть до завершения его сессии в конце августа прошла в обстановке продолжения обмена документами, которые, в общем и целом, повторяли то, что уже предлагалось сторонами ранее.

27 августа делегация СССР огласила в подкомитете заявление советского правительства. В этом заявлении были вновь четко изложены советские предложения по сокращению вооруженных сил и вооружений, о запрещении и уничтожении ядерного оружия, о полном (либо на срок 2–3 года) прекращении ядерных испытаний в качестве отдельной самостоятельной меры, и о международном контроле, включая проведение аэрофотосъемок в определенных согласованных районах. При этом была особо подчеркнута необходимость увязки предлагаемого США прекращения производства расщепляющихся материалов на военные цели с изъятием ядерного оружия из вооружений государств и уничтожением запасов этого оружия. В заявлении прозвучало сомнение в искренности стремления западных делегаций в подкомитете к достижению взаимоприемлемых договоренностей по разоружению⁵¹.

Западные страны, в свою очередь, представили в подкомитете 29 августа рабочий документ о частичных мероприятиях по разоружению, в котором особый акцент делался на мерах по предупреждению возможности внезапного нападения. Подчеркивалось, что все содержащиеся в нем положения, включавшие также приостановку ядерных испытаний на 12 месяцев и контроль над расщепляющимися материалами, являются «нераздельными»⁵². На этом переговоры, собственно, и завершились. На последовавшей вскоре XII сессии Генассамблеи ООН Советский Союз вынужден был заявить, что все его усилия использовать подкомитет для продуктивной работы полностью исчерпаны и что он не будет в дальнейшем принимать участие в его работе, как и в работе Комиссии по разоружению, в их прежнем составе.

---

⁵⁰ Док. DC/SC.1/Rev.1. 1957, 2 августа.

⁵¹ Док. DC/SC.1/65/Rev.1; *Известия*. 1957. 29 авг.

⁵² Док. DC/SC.1/66/Rev.1.

В чем причины неудачи Лондонского подкомитета?

Подведем некоторые итоги и попытаемся разобраться в том, почему начавшийся в подкомитете серьезный и заинтересованный диалог по мерам разоружения в конце концов закончился безрезультатно.

Вначале приведем весьма примечательную (правда, довольно обширную) цитату с оценкой произошедшего, к которой пришел американский исследователь Б. Бечхофер:

«С точки зрения существа дела наиболее обескураживающей стороной переговоров было то обстоятельство, что Запад, начиная с июля 1957 г. и особенно на Генассамблее осенью того года, занял позицию, которая поставила под вопрос некоторые из наиболее фундаментальных основ переговоров. Так, в последнюю минуту Запад стал настаивать на нераздельности своих предложений.

Другим отходом Запада от прежних фундаментальных основ было включение в предложение от 29 августа положения, согласно которому Соединенные Штаты и Соединенное Королевство могли бы иметь право на передачу ядерного оружия своим союзникам⁵³. До выдвижения этого предложения переговоры развивались, исходя из той предпосылки, что как СССР, так и Запад были полны твердой решимости сделать все, чтобы предотвратить появление новых ядерных держав⁵⁴.

На этой философии базировался выдвинутый президентом Дуайтом Эйзенхауэром план *Атомы для мира*, в отношении которого СССР и Запад уже достигли определенного согласия. Далее, на Генассамблее Дж. Ф. Даллес

---

⁵³ Стало быть, уже тогда, в 1957 г., готовилась почва для выдвижения плана создания так называемых *Многосторонних ядерных сил НАТО* (МЯС), настойчивое продвижение которого Соединенными Штатами в 1960–1965 гг. на несколько лет задержало заключение Договора о нераспространении ядерного оружия. См.: *Тимербаев Р.М.* Россия и ядерное нераспространение. М.: Наука, 1999. С. 209–225.

⁵⁴ Бернард Бечхофер, опубликовавший свое исследование в 1961 г., возможно, не был осведомлен о том, что СССР во второй половине 1950-х гг. активно помогал Китаю в создании ядерного оружия.

поставил под вопрос два основных принципа, которые были провозглашены президентом Гарри Трумэном в 1949 г. и в последующем не отвергались. Даллес поставил под сомнение желательность дальнейших переговоров по контролю над вооружениями до тех пор, пока не улучшится международная обстановка. Но, начиная с 1949 г., западная позиция состояла в том, что любое соглашение по контролю над вооружениями само по себе улучшало бы международный климат, и поэтому переговоры по контролю над вооружениями должны проходить одновременно с осуществлением усилий по решению других неурегулированных политических проблем.

Еще более значительным обстоятельством было то, что Запад, настаивая на одобрении Генассамблеей своих предложений от 29 августа 1957 г., вопреки возражениям Советского Союза, бросил тень на еще один фундаментальный принцип переговоров. Начиная с 1948 г., Запад признавал, что любые меры по контролю над вооружениями были бы бессмысленными, не будучи одобренными как Советским Союзом, так и основными западными державами. Поэтому Запад воздерживался от попыток добиться одобрения своих предложений ООН. Роковым последствием изменения западной позиции явилось то, что с этого момента СССР отказался рассматривать вопросы разоружения и контроля над вооружениями, кроме как в комиссии, состоящей из всех членов ООН (которая была бы слишком многочисленным органом для ведения переговоров), либо в таком органе, где число представителей советского блока равнялось бы числу представителей Запада»⁵⁵.

Несмотря на некоторые допущенные неточности, американский автор в целом дает достаточно трезвую оценку того, как и почему переговоры в Лондонском подкомитете кончились ничем. Но все же в действительности, как и показало дальнейшее развитие событий, причины провала первой попытки добиться сдвига в решении вопросов разоружения лежали гораздо глубже.

⁵⁵ *Bechhoeffer Bernhard G. Op. cit. P. 434–435.*

Во второй половине 1950-х гг., после некоторого выравнивания стратегического соотношения между обеими ядерными державами начинался новый и еще более острый виток гонки ракетно-ядерных вооружений. Резко возросло число ядерных испытаний. Если в начале 1950-х гг. ядерными державами проводилось 10–20 испытаний в год, то в 1957 г. – 55, из которых 16 – СССР, а в 1958 г. и того больше – 116, из них Советским Союзом – 34. В то же время США проводили в Тихом океане многомегатонные ядерные взрывы.

Очевидно, главное – это развернувшееся между США и СССР соревнование в создании межконтинентальных баллистических ракет и ракет для атомных подводных лодок. В самый критический момент лондонских переговоров – 27 августа 1957 г. – ТАСС опубликовал сообщение о проведении успешных испытаний межконтинентальной баллистической ракеты, а вскоре после этого – 4 октября последовал запуск первого искусственного спутника Земли.

Весьма показательна, что вскоре после этого – в конце октября 1957 г. в Вашингтоне состоялась встреча Дуайта Эйзенхауэра и британского премьер-министра Гарольда Макмиллана. В ходе этой встречи была высказана озабоченность по поводу ослабления политических и военных позиций Запада и содержался призыв к объединению усилий свободного мира под лидерством США и Великобритании. Комментируя результаты встречи, Дж. Ф. Даллес заявил на пресс-конференции 30 октября: «Мы должны постараться как можно больше приблизиться к концепции создания общей обороны...»⁵⁶

В создавшейся обстановке переговоры о разоружении стали топтаться на месте. Правда, по некоторым вопросам ограничения вооружений встречи, консультации и переговоры продолжали иметь место, – в частности, о полном прекращении ядерных испытаний (1958–1962), о предотвращении внезапного нападения (1958), но они оказались нерезультативными. Выдвигались и предложения о всеобщем и полном разоружении, а в 1961 г. между СССР и США даже было согласовано совместное заявление о принципах всеобщего и полного разоружения (*Заявление Зорина–Макклоя*).

⁵⁶ Цит. по: АВП РФ. Ф. ОМО. Оп. 3. П. 88. Д. 194/111. Т. 2. Л. 102.

Следующий этап продуктивного диалога по ограничению вооружений и разоружению начнется позднее – в 1960-х гг., в условиях достижения примерного стратегического баланса между двумя основными ядерными державами, уже на новой технологической основе. Тогда в 1963 г. будет заключен Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой, в 1968 г. – Договор о нераспространении ядерного оружия, а в 1969 г. начнутся переговоры об ограничении стратегических наступательных и оборонительных вооружений⁵⁷. Но это уже будет другое время и другая эпоха.

---

⁵⁷ Эти переговоры приведут к заключению соглашений ОСВ-1, ОСВ-2, Договора по ПРО. – *Прим. ред.*

А как быть с третьим лишним?¹

Мне довелось участвовать в переговорах об ОСВ-1, которые завершились принятием Договора по ПРО и Временного соглашения о некоторых мерах по ограничению стратегических наступательных вооружений в 1972 г. Член нашей делегации на этих переговорах О. Гриневский заболел, и мне пришлось его заменять два раунда переговоров в течение 1971 г. – в Вене и в Хельсинки. Там я познакомился с таким незаурядным человеком, как В. Семенов, заместитель министра иностранных дел, который возглавлял на этих переговорах советскую делегацию. Умер В.С. в 1992 г. Сказать, что он был незаурядным человеком – мало. Он меня многому научил – и умению писать документы, и еще больше ценить искусство *Серебряного века*, и много чему другому. Человек он был отнюдь не простой, но наши не раз возникавшие трения сейчас забыты, а хорошее помнится. Пожалуй, наилучшее определение его – он был ярким, блестящим человеком. В 2004 г. по совету академика С.Л. Тихвинского я прочел дневниковые записи Семенова, опубликованные его дочерью Еленой в журнале *Новая и новейшая история*². Дневники В.С. писал для себя, не для публикации, так что они, на мой взгляд, совершенно натуральны. И я еще раз убедился, насколько добротным и серьезным человеком он был.

Помимо указанных двух соглашений, широко известных в совокупности как ОСВ-1, на переговорах были выработаны еще два соглашения, но менее известных, о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны и о мерах по усовершенствованию линии прямой связи СССР – США. За них я отвечал персонально, у меня были специальные группы военных

---

¹ Впервые опубликовано: *Тимурбаев Р.М.* Рассказы о былом. Воспоминания о переговорах по нераспространению и разоружению и о многом другом М.: РОССПЭН, Библиотека ПИР-Центра, 2007. С. 105–111.

² *Новая и новейшая история.* 2004. № 3, 4.

специалистов и связистов, которые помогали мне вести эти переговоры.

Существо первого из них (в нашей делегации его сокращенно называли соглашением о мерах», а американцы – *Accidents Measures Agreement*), коротко говоря, состояло в том, чтобы две противостоящие друг другу ядерные державы взяли на себя обязательство взаимно уведомлять о несанкционированном, случайном или ином необъясненном инциденте, связанном с возможным взрывом ядерного оружия, уведомлять при обнаружении неопознанных объектов системами предупреждения о ракетном нападении, а также заблаговременно уведомлять о запланированных пусках ракет, если такие пуски производятся за пределы национальных территорий в направлении другой стороны.

Но главный смысл соглашения и его непреходящее значение заключались в том, что в нем *впервые* юридически закреплялось состояние стратегического баланса между двумя державами, который в целом сохраняется и по сей день. Второе соглашение было развитием прежнего соглашения о линии прямой связи, заключенного в июне 1963 г., и предусматривало использование спутниковой связи в дополнение к другим средствам связи.

В тот острый период *холодной войны* заключение подобных соглашений явилось существенным прорывом в установлении более или менее нормальных отношений между Востоком и Западом и в дальнейшем повело к достижению важнейших соглашений по ограничению и сокращению оборонительных и наступательных стратегических вооружений.

Начиная еще с военных времен, мы долгое время отставали от Соединенных Штатов в развитии ядерного оружия и средств его доставки, и лишь к концу 1960-х – началу 1970-х гг. был достигнут более или менее приемлемый для нас баланс стратегических возможностей. К концу 1960-х гг. ежегодно строились по 200–250 шахт для МБР и по 7–8 атомных подводных лодок с баллистическими ракетами³, и Советский Союз, отставая от США по количеству и, особенно, по качеству стратегических носителей, но уже приблизившись к ситуации взаимного стратегического баланса между двумя державами, стремился закрепить это в политико-

---

³ *Savelyev A., Detinov N. The Big Five. Arms Control Decision-Making in the Soviet Union. L.: Praeger, 1995. P. 2.*

юридической форме. Мне, как я уже упоминал, было поручено, наряду с участием в переговорах по ОСВ, возглавить группу наших представителей – главным образом военных из Генштаба – и провести переговоры с целью выработки соответствующего соглашения с американской делегацией, которую возглавлял посол Джеф Парсонс. Договоренность эта называлась, как я также уже указывал, Соглашением о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны между СССР и США. Хотя прямо в соглашении, естественно, не говорилось о взаимном признании наличия стратегического баланса между двумя державами, но все оно было проникнуто именно этой центральной идеей.

Другое соглашение, тесно связанное с первым (Соглашение о мерах по усовершенствованию линии прямой связи СССР–США), тоже было поручено курировать мне с участием наших соответствующих экспертов. Оно было развитием прежнего соглашения – Меморандума, заключенного между двумя державами в июне 1963 г. Меморандум был подписан спустя некоторое время после *Карибского кризиса* октября 1962 г., когда мир был на волоске от ядерной войны и стороны обменивались посланиями с целью скорейшего разрешения кризиса, особенно в самый критический момент противостояния, буквально прямым текстом по радио. Но тогда предусматривалось использование проводных телеграфных и радиотелеграфных каналов.

Теперь же, в 1971 г., было решено задействовать более современные каналы прямой связи между двумя странами – спутниковые.

Специальная рабочая группа по подготовке соглашения о мерах, которую возглавляли мы с Джефом Парсонсом, провела более 25 заседаний в период с апреля по август 1971 г. в Вене и Хельсинки, и достигнутое соглашение было парафировано В.С. Семеновым и главой делегации США на переговорах ОСВ Джерардом Смитом 20 августа в Хельсинки. Вначале предполагалось, что все договоренности по *ОСВ-1* (Договор по ПРО, Временное соглашение о наступательных стратегических вооружениях, соглашения о мерах и о прямой связи) будут завершены примерно в одинаковые сроки и подписаны на высшем уровне. Но мы спешили побыстрее закрепить стратегический баланс, и по настоянию советской стороны было согласовано, что два указанных соглашения будут подписаны раньше – как только они будут выработаны. Это состоялось в Вашингтоне 30 сентяб-

ря 1971 г. Соглашения были подписаны А.А. Громыко и госсекретарем Уильямом Роджерсом.

Однако еще один важный аспект общей проблемы уменьшения опасности возникновения ядерной войны – вопрос о возможном применении ядерного оружия третьей стороной – вызвал большие разногласия и так и не был решен. Проблема «третьей страны» оказалась весьма *крепким орешком*. Речь шла о том, как поступить в том случае, если бы на одну из сторон было совершено нападение с применением ядерного оружия какой-либо другой ядерной державой (например, путем запуска с атомной подводной лодки) с целью спровоцировать ядерную войну между СССР и США, и как предотвратить такое развитие событий. Советская делегация недвусмысленно поставила этот вопрос еще в самом начале переговоров ОСВ. В.С. Семенов неоднократно поднимал его перед Джерардом Смитом и в ходе дальнейших переговоров. Вопрос, поставленный советской стороной, безусловно, заслуживал рассмотрения и решения, хотя и содержал довольно деликатные политические *обертон*ы.

Как писал позднее исполнительный секретарь американской делегации Р. Гартхоф, советское предложение было расценено американской стороной как попытка установления некоего рода двустороннего *кондоминиума*, что затрагивало бы американские отношения со своими союзниками – Великобританией и Францией, но, прежде всего, с Китаем. «Явным фокусом» советского внимания, считает Гартхоф, был Китай, с которым Соединенные Штаты «тайно находились на предварительных этапах сближения». Примерно в том же духе высказался в своих мемуарах и госсекретарь Генри Киссинджер: «Нам пришлось бы [в случае достижения договоренности. – Р.Т.] сотрудничать с Советским Союзом против двух союзников – Соединенного Королевства и Франции – и против Китайской Народной Республики, с которой уже тогда мы стремились установить контакт»⁴. Но в то же время, признает Гартхоф, этот вопрос вызывал «законную озабоченность у советской стороны (а возможно, и у американской) и имел прямое отношение к проходившим переговорам»⁵.

⁴ Kissinger H. White House Years. Boston, Toronto: Little Brown and Company, 1979. P. 548.

⁵ Raymond L. Détente and Confrontation. American-Soviet Relations from Nixon to Reagan. Washington: The Brookings Institution, 1985. P. 177.

Как свидетельствовал в своих воспоминаниях о переговорах об *ОСВ-1* глава американской делегации Дж. Смит, Китай на заседаниях никогда не упоминался, «но часто казалось, что он как призрак присутствует за столом переговоров»⁶.

Вот как В.С. Семенов вспоминал в своих мемуарах, опубликованных в Германии, о переговорах по проблеме возможного применения ядерного оружия третьей стороной:

«Иногда наши переговоры оказывали влияние и на высокую государственную политику. В директивах советской делегации это неожиданное влияние сказалось, к примеру, в 1971 г. Мы получили поручение выяснить позицию США относительно возможных совместных действий обеих держав в случае нападения с использованием ядерного оружия со стороны ядерной державы (Китай). Будучи дипломатом, я знал, что к переговорам по таким вопросам *высокой политики* необходимо относиться с терпением. По сей причине я разделил всю операцию на три этапа. Первым делом, в разговоре со Смитом я обрисовал данную проблему в общих чертах. Он сильно удивился и тут же проинформировал свое руководство, в чем я не сомневался.

Спустя несколько дней я изложил суть поставленного нами вопроса чуть подробнее. Для этого я выбрал перерыв между двумя актами оперы, на которой мы были в Вене. Я заметил, как Смит подозвал к себе исполнительного секретаря своей делегации Гартхофа, чтобы тот немедленно доложил содержание этого разговора в Вашингтон.

Затем на пленарном заседании делегации я подробно представил нашу позицию и передал Смитку лично ее письменное изложение на русском языке, а также неофициальный перевод на английский.

Я считал необходимым предоставить американской стороне некоторое время для выяснения ее позиции в Хельсинки и Вене и тем немного умерить пыл дискуссии. Однако не чужда была нам и твердая позиция: мы успеш-

---

⁶ *Smith G. Doubletalk. The Story of the First Strategic Arms Limitation Talks.* Garden City. N.Y.: Doubleday&Company, Inc., 1980. P. 96.

но завышали цену на нашу *Галошу* и достаточно агрессивно выступали на пленарных заседаниях. Смит, человек с высоким умом и развитым чувством юмора, однажды после одного из воинственных выступлений нашей делегации обратился ко мне с такими словами: "Мне ясно, что вы, в первую очередь, обращаетесь к вашим военным. Они должны знать, что вы и мускулами можете поиграть".

Но американская сторона отклонила наши усилия достичь хоть какой-то договоренности по проблеме третьей страны. Как пишет Гартхоф, в июле 1971 г. Киссинджер сообщил по конфиденциальному каналу советскому послу в США А.Ф. Добрынину, что предложение Семенова является "неприемлемым", а позднее оно и официально было отклонено делегацией США на переговорах. Нам стало ясно, что настаивать на решении этой проблемы бесполезно».

Эволюция контроля над вооружениями: современные тенденции¹

Понятие «контроль над вооружениями» (*arms control*) сформировалось около полувека тому назад², и его основной смысл состоит в сдерживании и ограничении вооружений вплоть до запрещения и ликвидации отдельных его видов на основе юридически обязательных многосторонних или двухсторонних контролируемых соглашений, либо иных договоренностей. Понятие это допускает и одностороннее ограничение или уничтожение тех или иных типов вооружений с последующей международной проверкой или даже без нее – в условиях допустимой транспарентности. Контроль над вооружениями возможен и в принудительном порядке на основе решений Совета Безопасности ООН, как это предусматривается Уставом этой организации.

Как справедливо указывает известный американский аналитик, председатель Совета директоров Ассоциации по контролю над вооружениями Дж. Стайнбрунер, «контроль над вооружениями составляет необходимый компонент общего международного права и как таковой представляет собой жизненно важный интерес для всех стран мира, в том числе для Соединенных Штатов (добавим от себя – и для России. – Р.Т.). Большинство этих стран считают, что их безопасность гораздо больше зависит от юридического регулирования, чем от собственных военных

---

¹ Впервые опубликовано: Тимербаев Роланд. Эволюция контроля над вооружениями: современные тенденции // *Ядерный Контроль*. 2006. № 1 (79), зима. С. 29–43.

² Впервые этот термин появился в американских документах и в литературе в 1950–1960-х гг. Он вошел и в название созданного в США в 1961 г. АКВР. Поначалу в СССР его игнорировали, предпочитая термин «разоружение», но постепенно он все же стал входить и в наш лексикон. Автор настоящей работы в своей монографии «Контроль над ограничением вооружений и разоружением», вышедшей в 1983 г. в издательстве «Международные отношения», дал ему такое определение: «Термин *Arms Control* действительно было бы правильно переводить как «регулирование, сдерживание вооружений»...» (с. 20).

возможностей, и, как можно предсказать, будут с упорством отстаивать важнейшие нормы международных ограничений, от которых зависит их безопасность»³.

Контроль над вооружениями никогда не был и по определению не может быть застывшим понятием, его характер и содержание постоянно эволюционируют сообразно складывающейся на данный момент политической и стратегической обстановке, меняющемуся балансу сил, исчезновению прежних и появлению новых полюсов военной силы, а этот процесс, естественно, является бесконечным. Иногда контроль над вооружениями почему-то ассоциируют только с советско-американскими договорами по ограничению ракетно-ядерных стратегических наступательных и оборонительных вооружений 70–90-х гг. прошлого столетия, из чего кое-кем делается поспешный вывод, что эра контроля над вооружениями ушла в прошлое и что он будто бы «мертв». Нет, контроль над вооружениями востребован и будет востребован, покуда существуют вооружения и покуда идет постоянное появление и совершенствование все более опасных военных технологий. Ведь главная цель контроля над вооружениями состоит в обеспечении национальной или блоковой безопасности государств. В этом, собственно говоря, и заключается его предназначение, его задача, а задача эта постоянная.

Согласованные действия международного сообщества по нахождению путей дальнейшего продвижения в сфере контроля над вооружениями всегда будут необходимы, но при этом всякий раз может возникать потребность в многообразных и даже своеобразных толкованиях самого термина «контроль над вооружениями» и в выработке наиболее приемлемых рамок, методов и масштабов контроля над вооружениями для новой мировой обстановки⁴. Поэтому важно вовремя отходить от устаревших представлений о характере контроля над вооружениями и *по-новаторски* изыскивать новые пути и способы достижения целей такого контроля.

---

³ Steinbruner John. Can Arms Control Be Revived? // *Arms Control Today*. 2005. Vol. 35. No. 2, March. P. 45.

⁴ Примерно в этом направлении мыслят и некоторые американские аналитики, в частности М. Ливай и М. О'Хэнлон (*Levi Michael A., O'Hanlon Michael E. The Future of Arms Control*. Wash., D.C.: Brookings Institution Press, 2005. P. 1).

В настоящей работе рассматриваются вопросы, относящиеся к контролю над вооружениями в сфере оружия массового уничтожения – ядерного, химического и биологического.

К истории контроля над вооружениями

После появления ядерного оружия первые попытки приступить к осмысливанию и затем обсуждению проблем разоружения были предприняты практически сразу же вслед за окончанием Второй мировой войны. В 1946–1949 гг. в Комиссии ООН по атомной энергии рассматривались небезызвестный американский *план Баруха* по международному контролю над атомной энергией и советские предложения по запрещению атомного оружия и по контролю над соблюдением этого запрещения. Эти предложения исходили, разумеется, из интересов безопасности и достижения стратегических целей выдвинувших их государств. И основное их назначение состояло, прежде всего, в политическом и пропагандистском обеспечении разворачивавшейся между ними гонки ядерных вооружений. В существовавших тогда условиях работа Комиссии ООН была, конечно же, неизбежно обречена на провал.

В течение 1950-х гг., в период бесконтрольной атомной гонки и появления других западных ядерных держав – Великобритании и Франции – Советским Союзом и западными государствами в рамках ООН и других международных органов выдвигались столь же нереалистические предложения о всеобщем и полном, как и о частичном разоружении. В 1961 г. между СССР и США было даже согласовано (правда, с некоторыми оговорками) совместное заявление о принципах достижения всеобщего и полного разоружения (известное как *Заявление Зорин–Макклой*).

Первым соглашением в плане реалистически осуществимого контроля над вооружениями принято считать *Договор о запрещении ядерных испытаний в трех средах – в атмосфере, в космосе и под водой* 1963 г. Договор этот, как известно, был заключен между Советским Союзом, Соединенными Штатами и Великобританией в ходе московских переговоров и затем открыт для подписания и другими государствами. Поскольку трудно поддающиеся международному контролю подземные ядерные испытания оставались вне запрета, Договор не требовал и не предусматривал

международной верификации, но подразумевалось, что его участники будут пользоваться так называемыми национальными средствами контроля – главным образом, спутниковыми, но также и авиационными, исходя из того, что этого было бы достаточно для обеспечения проверки соблюдения Договора.

Что послужило предпосылками для заключения Московского договора? Называют несколько основных причин, которые мы перечислим здесь не в порядке их значимости: стремление двух *сверхдержав* обеспечить политическую разрядку напряженности между ними после острейшего *Карибского кризиса*, поставившего мир чуть ли не на грань войны; отработанность ядерных боезарядов, особенно наиболее крупных, в атмосферных условиях; накопленность данных о последствиях ядерных взрывов в атмосфере, в космосе и под водой; стремление обеих сторон не раскрывать сведения о конструктивных и иных особенностях своих боезарядов в связи с тем, что к этому времени были освоены методы контроля извне над атмосферными взрывами путем забора и анализа радиоактивных проб; заражение атмосферы радиоактивностью, вызывавшее повсеместно широкие протесты со стороны общественности.

Дальнейшим крупным договором в ряду соглашений о контроле над вооружениями стал *Договор о нераспространении ядерного оружия* (ДНЯО) 1968 г. Проект ДНЯО был подготовлен Советским Союзом и Соединенными Штатами как сопредседателями Женевского Комитета 18-ти государств по разоружению и затем доработан в Комитете. Будучи направленным на недопущение появления новых ядерных государств, Договор, как это очевидно, в первую очередь отвечает интересам ядерных держав, но он важен и для многих других стран, ограничивая число обладающих ядерным оружием государств и, следовательно, опасность возможного применения этого оружия. Не случайно его участниками стали без малого 190 государств. В 1960-х гг. предполагалось, что в недалеком будущем в мире будет порядка 20 ядерных держав, а сейчас признается, что уже не менее 40 стран располагают научно-техническим и промышленным потенциалом для создания ядерного оружия. На деле же сегодня имеется только 8 государств, в арсеналах которых есть ядерное оружие. Существуют, правда, подозрения, что еще две-три страны имеют и даже реализуют планы овладения технологией производства этого оружия.

Договор о нераспространении играет огромную роль в усилиях мирового сообщества по устранению ядерной опасности, на созданной им международно-правовой основе сформировался всеобъемлющий и разветвленный режим ядерного нераспространения. При всей сложности полной реализации положений ДНЯО ввиду неравноправного характера самого Договора (юридически разделяющего мир как бы на две категории государств – *ядерных* и *неядерных*), несмотря на трудность провести четкую и *непересекаемую грань* между военным и мирным использованием атомной энергии и наличии ядерных амбиций у некоторых государств, Договор был и остается важнейшей исходной базой, отталкиваясь от которой осуществляются коллективные действия в пользу уменьшения ядерной угрозы и обеспечения использования атомной энергии исключительно в мирных целях.

ДНЯО и подкрепляющие его механизмы нераспространения – прежде всего система гарантий МАГАТЭ вместе с процедурами Дополнительного протокола 1997 г. – призваны реализовать еще одну важную функцию контроля над вооружениями: раннее предупреждение о возможном опасном развитии в области оружия массового уничтожения.

В конце 1960 – начале 1970-х гг. начался новый этап в прогрессивном развитии контроля над вооружениями – этап, опирающийся на сложившееся к тому времени биполярное мироустройство в стратегической области. Это произошло в результате того, что к тому времени завершалось отставание Советского Союза от Соединенных Штатов в области ракетно-ядерных вооружений и устанавливался более или менее приемлемый баланс стратегических возможностей.

По свидетельству наших специалистов ген. Н.Н. Дитинова и А.Г. Савельева, к концу 1960-х гг. ежегодно строились по 200–250 шахт для МБР и по 7–8 атомных подводных лодок с баллистическими ракетами⁵. Советский Союз, еще отставая от США по количеству и особенно по качеству стратегических носителей, уже приближался к ситуации взаимного стратегического баланса между двумя державами.

---

⁵ *Savel'iev Aleksandr G. and Detinov Nikolay N. The Big Five. Arms Control Decision-Making in the Soviet Union. Westport, CT, and L.: Praeger, 1995. P. 2.*

Аналогичное мнение высказывали и ответственные американские представители. Генри Киссинджер, советник по национальной безопасности при президенте Р. Никсоне, писал в своих мемуарах, что если в середине 1966 г. Советский Союз имел 250 оперативно развернутых МБР, в середине 1967 г. – 570, в сентябре 1968 г. – 900, то к сентябрю 1969 г. по количеству МБР превзошел США, развернув 1060 ед. К концу же 1970 г. Советский Союз, по данным американских разведслужб, имел уже 1440 МБР⁶.

Другой видный американский специалист – Р. Гартхоф так характеризовал складывавшуюся тогда геостратегическую обстановку: «К концу 1960-х гг. Советский Союз располагал стратегическими межконтинентальными вооруженными силами, приближающимися к таким силам Соединенных Штатов по количеству, если еще не по своим возможностям. И Соединенные Штаты предложили провести переговоры по ограничению стратегических вооружений и были готовы признать общий паритет стратегической военной мощи. С точки зрения Соединенных Штатов, эта инициатива отражала готовность и желание сдерживать гонку вооружений по крайней мере в количественном отношении. С точки зрения Советского Союза, предстоящее достижение стратегического паритета и признание его американскими лидерами ознаменовало беспрецедентное движение вперед в сравнении с военным отставанием Советского Союза со времен революции. Более того, в дополнение к укреплению советской безопасности это также могло бы стать важным шагом в направлении достижения политического паритета в качестве сверхдержавы»⁷.

Коренное изменение в стратегической ситуации позволило на равноправной основе приступить в 1969 г. к двухсторонним переговорам по *ограничению стратегических вооружений* (ОСВ-1), проходившим с 1969 по 1972 г. В ходе этих переговоров вырабатывались договоры по ограничению оборонительных и наступательных стратегических вооружений, но вначале, в 1971 г., было

---

⁶ Kissinger Henry. White House Years. Boston, Toronto: Little, Brown and Company, 1979. P. 537.

⁷ Garthoff Raymond L. Detente and Confrontation. American-Soviet Relations from Nixon to Reagan. Wash., D.C.: The Brookings Institution, 1985. P. 16.

подписано Соглашение о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны между СССР и США, в котором, при его внешне кажущемся техническим характере, был впервые юридически закреплён баланс стратегических возможностей между СССР и США, или, как ещё говорили, принцип «равной или одинаковой безопасности».

В итоге переговоров по ОСВ-1 в мае 1972 г. Л.И. Брежнев и Р. Никсон подписали Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений и Договор об ограничении систем противоракетной обороны. По Временному соглашению замораживалось количество пусковых установок МБР и БРПЛ, а Договор по ПРО запретил развертывание систем противоракетной обороны национальной территории каждой из обеих держав, разрешив им иметь только по две системы – для районов вокруг столиц и одной из ракетных баз. Принятый в 1974 г. Протокол к договору сократил это количество до одного района для каждой из сторон.

Логика обоих соглашений по ОСВ-1, как и последующих соглашений по стратегическим вооружениям (ОСВ-2 и СНВ-1 и 2) периода *холодной войны* состояла в том, что предотвращение ядерной войны требует поддержания у каждой из сторон потенциала ответного удара, что предполагает как бы «открытость» для ответного удара другой стороны. Это позволяло создать систему взаимного сдерживания и постепенно приступить к процессу сокращения ядерных вооружений.

В 1979 г. был подписан *Договор ОСВ-2*, который установил равные уровни стратегических носителей – не только МБР и БРПЛ, но также и тяжелых бомбардировщиков, при этом предусматривалось некоторое сокращение носителей ядерных вооружений. Договор учитывал появление вначале у США, а затем и у СССР «МБР» (межконтинентальная баллистическая ракета) с РГЧ ИН⁸. Однако этот договор в силу не вступил (он был снят президентом Дж. Картером с ратификации американским Сенатом в знак протеста против ввода советских войск в Афганистан), но на практике его основные параметры были реализованы в результате осуществления дальнейших соглашений.

---

⁸ Подразумевается разделяющаяся головная часть (РГЧ) с блоками индивидуального наведения (ИН). – *Прим. ред.*

Следующим важным соглашением явился [...] *Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений* (СНВ-1), подписанный в 1991 г. Договор ограничил количество ядерных боезарядов на уровне 6000 ед., при этом число стратегических носителей ограничивалось уровнем в 1600 ед. Для определения количества боезарядов были приняты правила зачета, в соответствии с которыми каждая пусковая определенная категории считалась содержащей ракету того или иного типа, а за каждым типом ракеты засчитывалось определенное число боеголовок. Принципиально новым компонентом СНВ-1 стала мощная система контроля, предусматривающая всесторонний обмен данными, а также множество различных видов инспекций, в том числе и предприятий по производству ракет.

При том, что в указанный период между двумя державами установилась предсказуемая и достаточно устойчивая система взаимного ядерного сдерживания, время от времени возникали осложнения, которые все же так или иначе находили разрешение. Так, в начале 80-х гг. президент Рональд Рейган выступил с так называемой «стратегической оборонной инициативой» (СОИ), в соответствии с которой предполагалось создание эшелонированной системы обороны США с элементами космического базирования, что противоречило бы всем основам системы взаимного сдерживания, которая зиждилась на Договоре по ПРО. После сложной дипломатической борьбы Соединенные Штаты в тот период отказались от создания системы ПРО.

Еще один кризис возник, когда Советский Союз начал развертывание ракет средней дальности *Пионер* (СС-20) с тремя боеголовками для замены устаревших типов ракет. Эти действия вызвали обеспокоенность – как США, так и их европейских союзников. В ответ американцы собирались развернуть в Европе новые ракеты средней дальности – баллистические *Першинг-2* и крылатые ракеты наземного базирования. В итоге трудных переговоров был принят «нулевой вариант» – стороны отказались и от того, и от другого и заключили в 1987 г. *Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности* (РСМД). Это был первый (и пока единственный в ракетно-ядерной области) договор между обеими державами, согласно которому ликвидировался целый тип вооружений. Договором предусматривалась строгая система мер контроля, включавшая обмен

информацией и инспекции на месте. Договор был полностью выполнен⁹.

Сложившаяся и постепенно упрочившаяся система контроля над вооружениями позволила обеим державам осуществить и односторонние, неформальные и неконтролируемые меры ограничения ядерных вооружений – на этот раз в сфере *тактического ядерного оружия*. В данной области вооружений не оказалось возможным подготовить полномасштабный договор с соответствующим контролем, зато договоренность, в которой были весьма заинтересованы обе стороны, позволила достичь важных результатов в короткие сроки.

В сентябре 1991 г. президент Дж. Буш в одностороннем порядке объявил о намерении осуществить сокращение нестратегических ядерных вооружений. А спустя несколько дней М.С. Горбачев выступил с ответным заявлением, объявив о сходных мерах, которые в январе 1992 г. были подтверждены Б.Н. Ельциным от имени Российской Федерации. Предусматривалось снятие с вооружения и уничтожение ядерных артиллерийских зарядов, ядерных мин и ядерных боеголовок тактических ракет; то же самое относилось к ядерным боезарядам носителей морского базирования; часть ядерных боезарядов нестратегической авиации уничтожалась или складировалась; нестратегическое ядерное оружие оставалось только на самолетах; крылатые ракеты морского базирования, которые, хотя и являются оружием большой дальности, также подпадали под снятие боезарядов.

В обстановке биполярного мира оказалось возможным заключить и ряд многосторонних соглашений по контролю над вооружениями, в том числе таких важных, как Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства (Договор о космосе) 1967 г., Конвенция о запрещении и уничтожении биологического и токсинного оружия (КБТО) 1972 г., Конвенция о запрещении и уничтожении химического оружия (КЗХО) 1993 г. и Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) 1996 г., но на последнем,

---

⁹ Впрочем, иногда раздаются голоса в пользу денонсации договора РСМД, причем со стороны ответственных российских военных представителей. Вряд ли это делается с прицелом на Западную Европу. Значит, имеется в виду Южная или Восточная Азия? (*Независимая Газета*. 2006. 1 мар.).

не вступившем в силу из-за отказа США его ратифицировать, уже сказался ветер перемен в области контроля над вооружениями.

В этот период, в 1991 г., имела место и принудительная, по решению Совета Безопасности ООН, поддержанному всеми его постоянными членами, *ликвидация оружия массового уничтожения и его компонентов Ирака*, который был уличен в тайной деятельности по созданию ядерного оружия в нарушение его обязательств по ДНЯО и соглашению о гарантиях с МАГАТЭ.

Как видим, приведенное краткое, а потому – по необходимости – и несколько схематичное изложение основных соглашений по контролю над вооружениями времен *холодной войны* свидетельствует о том, что и в эпоху биполярной модели мироустройства 1960–1990 гг., которую часто называют периодом «традиционного» контроля над вооружениями, использовались разнообразные способы достижения договоренностей о контроле и выработки их форматов. Но все же фундамент принятых соглашений непременно держался на биполярном факторе взаимного ядерного сдерживания.

Трансформация геополитической и геостратегической обстановки и ее влияние на процесс контроля над вооружениями

Распад СССР в начале 1990-х гг. привел, но не сразу, а в результате некоторого переходного периода, к изменению мировой стратегической ситуации и, соответственно, внес значительные коррективы в процесс контроля над вооружениями, который постепенно стал приобретать как бы новое измерение. Этот процесс, судя по всему, продолжается. К основным факторам, характеризующим складывавшуюся новую геополитическую и геостратегическую обстановку, можно отнести следующие явления глобального значения:

- дезинтеграция Советского Союза, образование на его территории ряда независимых государств, существенное ослабление экономической и военной мощи России, но при сохранении возможности поддержания все еще надлежащего уровня ядерного сдерживания. Эти события осложнили проблему обеспечения национальной безопасности для России;

- появление новых угроз международной стабильности и вызовов режиму нераспространения ядерного и других видов оружия массового уничтожения;
- проведение в 1998 г. ядерных испытаний Индией и Пакистаном, ядерные программы и ядерные амбиции ряда других государств (Иран и КНДР);
- неуклонное возвышение Китая как потенциально нового полюса промышленно-экономической и, в перспективе, военной силы;
- развернувшаяся волна международного терроризма, на деле являющегося ответом более бедных, слабых и угнетенных народов, но ответом, методы которого являются неприемлемыми для цивилизованного мира, на продолжающееся и усиливающееся господство богатых наций Севера над странами Юга. Наиболее драматическим проявлением этого явления стали трагические события 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и террористические акты на территории России и в странах Европы¹⁰;
- постепенное истощение нефтяных резервов и нарастающая борьба за доминирование на Ближнем Востоке как главном источнике мировых запасов нефти;
- повышение «экономической составляющей» внешнеэкономических приоритетов ведущих государств мира, в результате чего расширяется сфера востребованности военной силы для обеспечения экономических интересов государств;
- усиливающиеся конфликты между различными народами по признаку расы и религии, угроза цивилизационного раскола, как предрекают некоторые политологи.

Все эти изменения в глобальной ситуации, взятые в совокупности, подводят к выводу, что в отличие от времен сравнительно устойчивого биполярного устройства мир стал более *многоугрозным*, а потому менее предсказуемым с точки зрения поддержания всеобщей стабильности и безопасности отдельных государств. В процессе расширения спектра угроз и их проявления

---

¹⁰ Как писали [...] аналитики М. Ливай и М. О'Хэнлон, «сегодняшняя стратегическая обстановка характеризуется не столько соперничеством между великими державами, сколько проблемой слабых государств и опасных негосударственных игроков» (*Levi Michael A., O'Hanlon Michael E. Op. cit. P. 18.*)

в новых формах возрастает влияние фактора неопределенности, который объективно предъявляет новые требования к обеспечению безопасности государств.

На этом фоне в США с приходом к власти в начале 2001 г. республиканской администрации Дж. Буша¹¹ большое влияние приобрели так называемые неоконсерваторы, которые стали добиваться более настойчивых односторонних и даже силовых действий по обеспечению и продвижению американских интересов. Наиболее ярким проявлением поворота в политике Соединенных Штатов в отличие от действий предыдущих администраций явилось вооруженное вторжение в Ирак в 2003 г. без санкции Совета Безопасности и по надуманному поводу наличия в этой стране оружия и компонентов оружия массового уничтожения.

Именно тогда начался отход США от политики «традиционного» контроля над вооружениями времен *холодной войны*. И первой ласточкой тут стала история с Договором СНВ-2, подписанным обеими державами еще в начале января 1993 г. Договор предусматривал сокращение ядерных вооружений и установление уровня боезарядов в размере 3000–3500 единиц, при этом ликвидировались бы все МБР с РГЧ ИН. Ключевым недостатком договора, с точки зрения России, явилась бы даже не сама по себе ликвидация многозарядных МБР, сколько несоответствие этого реальным российским экономическим и финансовым возможностям, а также слишком короткие сроки сокращений.

В течение почти всех 1990-х гг. шла напряженная дипломатическая борьба за изменение условий сокращений. В результате в 1997 г. был подписан Протокол, который продлил срок выполнения договора СНВ-2 до 2007 г. Была также достигнута договоренность о том, что будет выработан договор СНВ-3, предусматривающий достижение уровня в 2000–2500 боезарядов к концу 2007 г., при этом переговоры о новом договоре начнутся сразу же после ратификации договора СНВ-2. В 1997 г. были согласованы и некоторые другие договоренности, учитывающие озабоченности РФ по поводу планов США в отношении ПРО. Однако если Сенат США ратифицировал договор СНВ-2 еще в 1996 г. в его первоначальном виде, в России это было сделано только в 2000 г. и уже в новом варианте, который учитывал дополнительные

¹¹ Имеется в виду 43-й президент США Джордж Уокер Буш. – Прим. ред.

договоренности. Американский Сенат не пошел на ратификацию Договора вместе с последующими изменениями. В итоге Договор СНВ-2 в силу так и не вступил.

Другим шагом Соединенных Штатов, отражающим их подход ко всей системе контроля над вооружениями, явился *выход США из Договора по ПРО* в июне 2002 г. и начало интенсивных работ по НИР и НИОКР своей, как было объявлено, *ограниченной* противоракетной обороны, якобы необходимой для защиты от северокорейских ракет. А на деле, как считают наблюдатели, имеется в виду ракетно-ядерный потенциал Китая и, нельзя этого исключать, в дальнейшем и России. Администрация США при поддержке Конгресса щедро финансирует расходы на ПРО, хотя проводимые испытания пока не дают удовлетворительных результатов. На будущий финансовый год выделяются 10,4 млрд долл., а в дальнейшем планируется довести затраты на ПРО до 19 млрд долл. в год. К концу 2005 г. были развернуты 8 перехватчиков ракет в районе *Форта Грили* на Аляске и два на авиационной *базе Ванденберг* в Калифорнии. К концу 2009 г. на Западном побережье США между *Фортом Грили* и *базой Ванденберг* планируется установить до 40 перехватчиков¹².

Российская Федерация довольно спокойно реагировала на денонсацию Договора по ПРО, назвав решение США «ошибкой» и полагаясь на свои новые ракетные системы, обладающие возможностями преодоления американских средств противоракетной обороны. Но сам факт отказа от Договора, который на протяжении десятилетий содействовал обеспечению глобальной стратегической стабильности, не может не подрывать веру в столь нелегко формировавшийся и развивавшийся международно-правовой процесс ограничения и сокращения ядерных вооружений.

Но вернемся к *Договору ДВЗЯИ*, подписанному демократической администрацией Б. Клинтона в 1996 г., который, как уже упоминалось, в силу до сих пор не вступил из-за отказа Сената США и администрации Буша ратифицировать его и, видимо, так и не вступит в обозримом будущем. Правда, положительным

---

¹² Генерал Роберт Гард и Джон Айзекс. Council for a Livable World. 2006, февраль; Руководитель Агентства США по ПРО (*US Missile Defense Agency*) генерал Генри Оберинг (*Fairbanks Daily News-Miner*. 2006. Feb. 5).

фактом является то, что мораторий на ядерные взрывы соблюдается всеми ядерными державами. Любопытно ведет себя Китай, вот уже много лет регулярно уверяющий, что Договор рассматривается на предмет ратификации Всекитайским собранием народных представителей. Однако не похоже, что КНР ратифицирует договор ранее США, если вообще когда-либо сделает это¹³.

В США в течение некоторого времени занимались проектированием ядерных взрывных устройств небольшой мощности, глубоко проникающих в грунт для поражения бункеров и других подземных целей (*Robust Nuclear Earth Penetrator*), однако, по-видимому, отказались от дальнейших исследовательских работ, во всяком случае, по очередному бюджету их финансирование не предполагается¹⁴. Не будут выделяться средства и на разработку новых концепций ядерного оружия малой мощности. Вместо этого будет осуществляться программа надежной замены ядерных боезапасов (*Reliable Replacement Warhead Program*), на которую ассигнуются 27,7 млн долл. Но вот средства на ускорение подготовки к взрывам на испытательном полигоне в Неваде с 24 до 18 месяцев по новому бюджету, как и по предыдущим, выделяются (14,8 млн долл.).

Обращает на себя внимание, что Соединенные Штаты в последние годы в одностороннем порядке сокращают свои взносы на финансирование работы Временного технического секретариата Подготовительной комиссии по созданию Международной системы мониторинга ДВЗЯИ и подготовку процедур проведения инспекций. На 2006-й финансовый год этот взнос был вновь сокращен почти на 5 млн долл.¹⁵ Россия же активно поддерживает деятельность Временного технического секретариата и заключила соглашение о сотрудничестве по реализации российского сегмента системы контроля.

Российская Федерация, так же как Великобритания и Франция, ратифицировала ДВЗЯИ. Вместе с тем, очевиден интерес российских разработчиков ядерного оружия к новым ядерным зарядам

---

¹³ По состоянию на февраль 2023 г. Китай так и не ратифицировал ДВЗЯИ, как и США. – *Прим. ред.*

¹⁴ В то же время предусматривается выделение крупных средств на переоборудование ядерных «БРПЛ» (баллистическая ракета подводных лодок) на боеголовки, оснащенные обычными боезарядами.

¹⁵ *Arms Control Today*. 2005. Vol. 35. No. 10, December. P. 25.

малой мощности, развернутым как на тактических носителях, так и в стратегических ядерных силах. Свою точку зрения они обосновывают следующим образом: «Важнейшая задача развития системы ядерных вооружений малой мощности состоит в радикальном снижении уровня военно-технического ядерного противостояния России и США. Замена боевого оснащения на заряды малой мощности, с одной стороны, радикально сократит уровень связанной с ним глобальной угрозы, а с другой стороны, придаст ему качество реального оружия «поля боя», применимого в любом регионе планеты». Применение такого оружия, «не приводящего к тотальному уничтожению противника, но существенно превосходящего энергетические возможности традиционных вооружений, [...] в ответ на значимое применение обычных вооружений или террористические действия, повлекшие за собой утрату важных объектов инфраструктуры и гибель десятков и сотен человек, вполне может быть оправдано по моральным соображениям». Как утверждают авторы этой концепции, действия по приспособлению к указанным задачам существующих боезарядов «на первом этапе могут быть реализованы в рамках существующих видов ядерного оружия»¹⁶. Таким образом, можно сделать вывод, что сторонниками подобного развития событий не исключается проведение на определенном этапе ядерных испытаний.

Наиболее значительным и весьма характерным и показательным отражением нового подхода и нового формата контроля над вооружениями явилось заключение между Россией и США в мае 2002 г. московского Договора о сокращении стратегических наступательных потенциалов (Договор СНП)¹⁷. Он как бы фиксирует в юридически обязательной форме односторонние заявления каждой стороны, при этом предоставляя им большую свободу действий в рамках принятых общих обязательств. Основная статья Договора (первая) заслуживает быть процитированной полностью:

---

¹⁶ Андрушин Игорь, Михайлов Виктор, Трутнев Юрий, Чернышев Александр. Ядерное оружие малой мощности – возможная основа ядерного арсенала нового века // *Ядерный Контроль*. 2005. № 2 (76). С. 27–37.

¹⁷ В английском тексте договора слово *потенциал* не употребляется. Там говорится: “Treaty on Strategic Offensive Reductions”.

«Каждая из Сторон сокращает и ограничивает стратегические ядерные боезаряды, как об этом заявил Президент Российской Федерации 13 ноября 2001 г. и 13 декабря 2001 г. и как об этом заявил Президент Соединенных Штатов Америки 13 ноября 2001 г. соответственно, таким образом, чтобы к 31 декабря 2012 г. суммарное количество таких боезарядов не превышало у каждой из Сторон количество в 1700–2200 ед.. Каждая из сторон *сама определяет состав и структуру* (выделено мной. – Прим. авт.) своих стратегических наступательных вооружений, исходя из установленному суммарного предела для количества таких боезарядов».

Таким образом, своеобразие и новизна Договора состоят в том, что в нем особо подчеркивается в самом его тексте свобода действий участников Договора в том, что касается состава и структур их наступательных стратегических вооружений в рамках согласованного количественного предела, что коренным образом отличает его, скажем, от договора СНВ-2, по которому предусматривался, в частности, отказ обеих сторон от МБР с РГЧ ИН. Договор в полной мере учитывает интересы России.

В Договоре СНП не содержится положений об обмене информацией, о проверке и об инспекциях, но подтверждается Договор СНВ-1 со всеми его положениями, который теперь именуется Договором СНВ. Этот Договор будет действовать, как известно, только до конца 2009 г.¹⁸ [...]

Если обратиться к многосторонним соглашениям по контролю над вооружениями, то тут дела обстоят менее благополучно, за исключением Конвенции о запрещении химического оружия, хотя и она выполняется основными обладателями этого ору-

---

¹⁸ В 2010 г. на смену СНП пришел договор СНВ-3, который устанавливал новые, более низкие потолки боезарядов – 1550 единиц для каждой стороны. В СНВ-3 также сохранилось право сторон *самим определять состав и структуру* своих стратегических наступательных вооружений. Договор был продлен на 5 лет в 2021 г. 21 февраля 2023 г. Россия объявила о выходе из СНВ-3, но отметила, что будет соблюдать количественные ограничения, предусмотренные Договором, «в пределах жизненного цикла Договора». См.: Заявление МИД России в связи с приостановлением Российской Федерацией действия Договора о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (ДСНВ) // Сайт МИД России. 2023, 21 февраля. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1855184/. – Прим. ред.

жия – Россией и США – с отставанием по срокам, установленным самой КЗХО. Но в данном случае опоздание объясняется недостатком финансирования и техническими проблемами, с которыми столкнулись стороны Конвенции, поскольку при ее выработке не все могло быть просчитано даже теоретически¹⁹.

Женевская конференция по разоружению, призванная разрабатывать многосторонние договоры по ограничению вооружений и разоружению, вот уже десять лет (после заключения ДВЗЯИ) не сделала ничего, погрязнув в дискуссиях по программе своей работы и определению приоритетов в проведении переговоров по тем или иным конкретным аспектам разоружения.

Один из наиболее насущных вопросов – выработка *Конвенции о запрещении производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия* (КЗПРМ) – тормозится рядом стран, в том числе Китаем, который увязывает начало переговоров по этой проблеме с продвижением в деле недопущения милитаризации космического пространства. Тормозится вопрос также и некоторыми другими странами, которые намерены продолжать накапливать запасы делящихся оружейных материалов. Что касается России и США, как и Великобритании и Франции, то они прекратили производство таких материалов и готовы сесть за стол переговоров по выработке КЗПРМ вместе с другими государствами. Правда, не так давно – в июле 2004 г. – возникла новая трудность: Соединенные Штаты, подтвердив свою готовность начать переговоры о заключении соответствующей конвенции, объявили, что проведенные у них исследования «вызывают серьезную озабоченность относительно того, что невозможно достичь реалистической и эффективно контролируемой КЗПРМ».

Не лучше обстоит дело и с усилиями государств по укреплению и повышению эффективности *Конвенции о запрещении биологического оружия* (КБТО), в которой при ее заключении в 1972 г. не были предусмотрены положения о контроле. Многолетняя и практически завершенная работа по подготовке верификационного Протокола к этой Конвенции в 2001 г. была прекращена из-за отказа США от дальнейшей работы над ним. Как отмечали американские специалисты, Соединенные Штаты не хотели

---

¹⁹ Калинина Н.И. Конвенция о запрещении химического оружия: проблемы и перспективы. М.: Научные записки ПИР-Центра. 2003. № 3 (24). С. 113.

допустить, чтобы предусматриваемые Протоколом инспекции могли позволить «недобросовестным лицам выявить микробиологические особенности специальных лекарственных препаратов, разрабатываемых в США, и таким образом подорвать американские меры по защите от биологического оружия»²⁰.

В том, что касается тактического ядерного оружия (ТЯО), то обе державы – и Россия, и США – продолжают руководствоваться своими односторонними заявлениями, сделанными президентами двух стран в 1991 г., и проводят обещанные мероприятия. Как заявил руководитель делегации РФ на Обзорной конференции по ДНЯО С.И. Кисляк 3 мая 2005 г., «к сегодняшнему дню Россия сократила нестратегические ядерные вооружения в четыре раза». Руководитель американской делегации Ст. Радемейкер заявил на той же конференции 2 мая 2005 г., что «со времени окончания *холодной войны* мы сократили наши нестратегические ядерные вооружения на 90% и демонтировали 3000 ед. таких вооружений».

В количественном отношении, по различным оценкам, российский арсенал ТЯО достигает 3000–4000 единиц²¹. По данным американских экспертов Р. Норриса и Г. Кристенсена, США имеют около 1300 единиц нестратегических вооружений, из них оперативно развернутых – 500 единиц, в том числе часть авиационных ядерных бомб свободного падения типа *B61*, предназначенных для использования авиацией США и стран НАТО, по-прежнему размещаются за пределами американской территории – на 8 базах в 6 европейских государствах²².

Представляется, однако, маловероятным, что в обозримом будущем может быть достигнут сколько-нибудь ощутимый прогресс в согласовании двухсторонних или односторонних договоренностей насчет ограничения и сокращения такого оружия. Достаточно сослаться хотя бы на то, что имеются трудности с точки зрения контроля, поскольку большинство носителей ТЯО имеют двойное назначение, т.е. авиационные носители одного типа могут иметь как ядерное, так и неядерное оснащение, а зачет оружия проводится по носителям.

²⁰ *Levi Michael A., O'Hanlon Michael E.* Op. cit. P. 78.

²¹ Дьяков А.С., Мясников Е.В., Кадышев Т.Г. Нестратегическое ядерное оружие. Проблемы контроля и сокращения. Долгопрудный: Издание Центра по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при МИФИ, 2004. С. 11.

²² *Bulletin of the Atomic Scientists.* 2006. January/February. P. 68–71.

РАЗДЕЛ II

О ПЕРСПЕКТИВАХ ВСЕОБЩЕГО ЯДЕРНОГО РАЗОРУЖЕНИЯ

О путях движения к миру без ядерного оружия¹

В последнее время оживился интерес к проблеме ядерного разоружения, к поискам путей движения в сторону мира, свободного от ядерного оружия, но открытого для развития использования атомной энергии на благо людей. В немалой степени этот интерес подогревается неотложной задачей укрепления режима ядерного нераспространения, особенно в преддверии Конференции по ДНЯО 2010 г.

Ядерное разоружение, ликвидация ядерного оружия – давняя сокровенная мечта человечества – если не всего, то, безусловно, его подавляющего большинства. Со времени создания атомной бомбы и даже еще до того, как она была изготовлена, лучшие умы уже задумывались о том, что это страшное оружие массового поражения должно быть уничтожено под международным контролем. Те, кто стоял у истоков разработки и производства атомной бомбы, – Нильс Бор, Лео Сцилард, Роберт Опенгеймер и др. – уже в 1943–1945 гг. выдвинули идею установления *международного контроля над атомной энергией*, под которым понималась система международных мер, направленных на контроли-

---

¹ Впервые опубликовано: Тимербаев Роланд. О путях движения к миру без ядерного оружия // *Индекс Безопасности*. 2009. № 1 (88), весна. С. 19–30.

руемое исключение использования открытия внутриядерной энергии как орудия войны и во вред человечеству. И своей самой первой резолюцией, принятой в январе 1946 г., ГА ООН учредила Комиссию ООН по атомной энергии, которой поручалось разработать предложения «относительно исключения из национальных вооружений атомного и всех других основных видов вооружения, пригодных для массового уничтожения»².

С тех пор было разработано немало количество конкретных планов ликвидации ядерного оружия под международным контролем, но ни один из них так и не был реализован по тем или иным причинам, главная из которых – отсутствие подлинного желания у тех стран, которые уже обзавелись этим оружием, расставаться с ним и стремление некоторых неядерных государств присоединиться к *ядерному клубу*. Появилась теория, что ядерное оружие является сдерживающим средством, необходимым для поддержания международной и региональной стабильности. К этому мы еще вернемся.

Напомним читателю о наиболее известных из планов ядерного разоружения: доклад Ачесона–Лишенталя от марта 1946 г.³; план Баруха от июня того же года; советские предложения по запрещению атомного оружия от июня 1946 г. и по международному контролю от июня 1947 г.; предложения Н.С. Хрущева о всеобщем и полном разоружении от сентября 1960 г.; заявление СССР и США о согласованных принципах для переговоров по разоружению (заявление Зорина–Макклоя) от сентября 1961 г.; заключительный документ специальной сессии ГА ООН по разоружению от июня 1978 г.; программа разоружения комиссии под председательством Улофа Пальме⁴ от апреля 1982 г.; заявление М.С. Горбачева о программе полной ликвидации ядерного оружия от января 1986 г.; решение о принципах и целях ядерного нераспространения и разоружения, принятое на Конференции по рассмотрению и продлению ДНЯО в мае 1995 г.; доклад *Канберрской комиссии* об уничтожении ядерного оружия от августа 1996 г.; решение обзорной Конференции по ДНЯО от мая 2000 г. *о 13 практических шагах*

² Резолюция ГА ООН 1(1) от 24 января 1946 г.

³ Имеется авторитетное свидетельство о том, что основным автором этого плана был Роберт Опенгеймер – отец американской атомной бомбы.

⁴ Улоф Пальме – шведский политик, лидер Социал-демократической партии Швеции в 1969–1986 гг., дважды премьер-министр Швеции. – *Прим. ред.*

по разоружению; доклад Комиссии по оружию массового уничтожения под председательством Ханса Бликса⁵ от июня 2006 г. и др.

Из самых последних предложений назовем призывы к созданию мира без ядерного оружия, прозвучавшие в статьях американских политических деятелей Джорджа Шульца⁶, Генри Киссинджера⁷, Уильяма Перри⁸ и Сэма Нанна⁹, опубликованных в *Уоллстрит Джорнэл* в январе 2007 г. и в том же месяце 2008 г. В сентябре 2008 г. по инициативе правительств Австралии и Японии создана международная комиссия по ядерному нераспространению и разоружению под председательством бывших министров иностранных дел этих стран Гарета Эванса и Иорико Кавагучи, которая приступила к разработке своих предложений в контексте подготовки к обзорной Конференции по ДНЯО 2010 г. В декабре 2008 г. развернулась широкая международная кампания в пользу мира без ядерного оружия (*Nuclear Zero*), которую поддержали политические и общественные деятели многих стран.

Несмотря на отсутствие значительного реального прогресса в достижении заявленных целей, выдвижение упомянутых и многочисленных других планов ядерного разоружения и обсуждение их на межправительственных и неправительственных форумах, тем не менее, сыграли и продолжают играть положительную роль. Во-первых, такие планы посылают важный сигнал правительствам и широкой международной общественности о необходимости принятия мер, ведущих к ликвидации ядерного оружия, и способствуют мобилизации общественного мнения в поддержку таких мер. Человечество должно знать, что имеют

---

⁵ Ханс Бликс – шведский политик и дипломат, ранее возглавлял МАГАТЭ (1981–1997) и ЮНМОВИК (2000–2003). На момент описываемых событий – глава *Weapons of Mass Destruction Commission*. – Прим. ред.

⁶ Джордж Шульц – американский государственный и политический деятель, Госсекретарь США (1982–1989). – Прим. ред.

⁷ Генри Киссинджер – американский государственный деятель, дипломат. Советник Президента США по национальной безопасности (1969–1975), Госсекретарь (1973–1977). – Прим. ред.

⁸ Уильям Перри – американский государственный деятель, министр обороны США (1994–1997). – Прим. ред.

⁹ Сэм Нанн – американский политический деятель, сенатор от штата Джорджия (1968–1972), соавтор (1991) *Программы совместного уменьшения угрозы* (*Программа Нанна–Лугара*). – Прим. ред.

ся и возможности, и намерения избавить его навсегда от ядерной угрозы. Во-вторых, они создают благоприятную почву и определенный стимул для достижения промежуточных договоренностей по контролю над ядерными вооружениями, приближающих человечество к созданию мира, свободного от ядерного оружия. [...]

Каковы же, в общих чертах, результаты всей этой многолетней и многотрудной работы (по разоружению. – *Прим. ред.*), которая проходила под лидерством двух основных ядерных держав – СССР/РФ и США? Ликвидирована под обоюдным контролем целая категория средств доставки ядерных боеголовок – ракет средней и меньшей дальности в пределах 500–5500 км, правда, только у этих держав, у некоторых других государств такое оружие имеется и создаются новые его виды. Существенно сократились ядерные арсеналы: если на пике *холодной войны* в середине 1980-х гг., по оценкам специалистов, насчитывалось 70 тыс. единиц ядерного оружия, то к настоящему времени их число снизилось до 25,5 тыс.¹⁰ К 2012 г., когда завершится действие Московского договора о сокращении стратегических наступательных потенциалов, количество ядерного оружия у США и РФ может еще дальше уменьшиться. С середины 1990-х гг. действует мораторий на ядерные взрывы (хотя ДВЗЯИ и не вступил в силу), и поэтому не проводятся натурные испытания новых видов ядерного оружия. Но ограничений на усовершенствование средств доставки (для США и РФ в рамках действующих соглашений) не имеется.

С другой стороны, серьезный удар по перспективам дальнейшего движения по пути разоружения нанесли выход администрации Джорджа Буша из договора по ПРО и планы создания района ПРО в Восточной Европе. Возникли трудности с поддержанием международного режима ядерного нераспространения. ДНЯО базируется на четком понимании, что между разоружением и нераспространением существует неразрывная связь, закрепленная в самом Договоре. Отсутствие реальных мер в области ядерных сокращений тормозит процесс дальнейшего укрепления этого режима, появились новые вызовы его существованию. [...]

---

¹⁰ Status of World Nuclear Forces. FAS // <http://www.fas.org/programs/ssp/nukes/nukestatus.html> (дата обращения: 13 янв. 2009).

Возникает законный и неотвратимый вопрос: как идти дальше к миру без ядерного оружия, каковы перспективы прогресса в этом направлении, какие трудности стоят на предстоящем пути и как можно было бы их преодолеть? Настоящая работа содержит некоторые соображения на этот счет и отнюдь не является попыткой предложить всеобъемлющую программу достижения поставленной цели¹¹. [...]

Интернационализация процесса сокращения ядерных вооружений

При поиске путей движения к миру без ядерного оружия необходимо будет найти решение немалой сложности вопроса о том, как, когда и на каком этапе к процессу сокращения ядерных вооружений присоединятся все государства, располагающие ядерным оружием. Следует напомнить, что статья VI ДНЯО обязывает всех участников Договора вступить в переговоры о прекращении гонки ядерных вооружений и ядерном разоружении, а не только какие-нибудь отдельные страны.

По сравнению со многими тысячами боеприпасов, которые накопили Россия и США, другие ядерные государства располагают значительно меньшими запасами. По оценке специалистов, Франция располагает 300 единицами, Китай – 240, Великобритания – 185, Израиль – 80, Пакистан – 60 и Индия – 50. Считается, что у КНДР может быть около 10 единиц, правда, неизвестно, в какой степени готовности¹². Но все они должны будут принять участие в построении мира без ядерного оружия.

Малые, если только так можно их назвать, ядерные державы, прежде всего Китай, обычно ссылаются на то, что вначале сокращения должны осуществить две основные ядерные державы, но до какого уровня? Франция и Великобритания, как считается, несколько сократили свои ядерные арсеналы, но сделали это не на основании общих договоренностей и к тому же бесконтрольно.

---

¹¹ Данная статья дана в сокращении. Среди мер по разоружению автором предлагаются также и другие меры, которые будут освещены в следующих главах. – *Прим. ред.*

¹² Status of World Nuclear Forces. FAS.

В Великобритании общественность страны выражает глубокую озабоченность планами правительства по переходу на новое поколение американской баллистической ракеты подводных лодок (БРПЛ) *Трайдент* и по модернизации чуть ли не всего арсенала боеголовок для этой ракеты, происходящей, как сообщают средства массовой информации, «при полном отсутствии транспарентности»¹³.

И во Франции также отсутствует транспарентность в области ядерных вооружений, хотя президент страны Николя Саркози, объявляя в марте 2008 г. о предстоящем принятии на вооружение новой межконтинентальной ракеты *M51*, и пообещал, что Франция «может и должна стать более транспарентной в отношении своего ядерного арсенала, чем кто-либо еще»¹⁴.

Спрашивается, когда же эти державы выразят готовность сесть за стол переговоров, как того требует ДНЯО?

Хотя Индия, Пакистан и Израиль не являются членами этого договора и формально не несут на себе обязательства по участию в переговорах о ядерном разоружении, моральная ответственность в этом отношении на них, безусловно, лежит, да и как без них можно двигаться к миру без ядерного оружия.

Прежде всего, было бы крайне важно, как уже отмечалось, чтобы Индия и Пакистан присоединились к ДВЗЯИ и проявили активность в решении проблемы запрещения производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия. Ведь, по данным Международной группы *IPFM*, только Индия, Пакистан и, возможно, Израиль продолжают производить оружейные ядерные материалы¹⁵.

Хотя Израиль официально не признает, что он обладает ядерным оружием, широко известно, что он таким оружием располагает. Важно, чтобы и эта страна проявила должную активность и конструктивность в способствовании продвижению вперед в вопросах контроля над ядерными вооружениями, в частности ратифицировала бы ДВЗЯИ, обозначила позитивное отношение к запрещению производства расщепляющихся

¹³ Disarmament Diplomacy. 2008. No. 88, Summer. P. 27–39.

¹⁴ Disarmament Diplomacy. 2008. No. 87, Spring. P. 12–13.

¹⁵ Global Fissile Material Report 2008 (<http://www.fissilematerials.org>).

материалов для ядерного оружия, к созданию на Ближнем Востоке зоны, свободной от оружия массового уничтожения.

У США и России пока также нет готовых рецептов, как могли бы выглядеть уровни ядерных вооружений всех ядерных государств, скажем, на первом этапе общей программы сокращений, а потом и на последующих. Две наиболее могущественные ядерные державы, понятно, должны нести главное бремя сокращений, особенно на первых порах, в ходе первых этапов. Но на соответствующих этапах движения к *безъядерному миру* к этому процессу должны примкнуть и все остальные государства, располагающие ядерными вооружениями. [...]

К вопросу о ядерном сдерживании

На определенном этапе движения к миру без ядерного оружия придется всерьез подумать над тем, как быть с проблемой так называемого ядерного сдерживания. Довольно многие люди, главным образом имеющие отношение к ядерному оружию и к вопросам военной стратегии, полагают, что это оружие служит необходимым фактором ядерного сдерживания и поддержания международной и региональной стабильности и в этом смысле даже играет положительную роль. Хотя сдерживание, как всеми признается, основано на взаимном гарантированном уничтожении (*mutual assured destruction – MAD*), оно достаточно прочно вошло в современный политический лексикон и в военно-политическую стратегию ряда государств и многими без больших колебаний рассматривается как приемлемая форма существования цивилизации.

Можно ли смиренно соглашаться с таким тезисом? На этот счет возникают глубокие сомнения, особенно при поисках путей движения и, в еще большей мере, приближения к *безъядерному миру*.

Эти сомнения основываются прежде всего на том, что, *во-первых*, фундаментом мировой стабильности и международной и региональной безопасности признается оружие, и не просто оружие, а оружие огромной разрушительной силы, способное уничтожить все живое на Земле. Достоин ли человечество такой печальной участи и не заслуживает ли оно лучшей судьбы? *Во-вторых*, может ли кто-либо, будучи в здравом рассудке, дать

абсолютную гарантию, что ядерное оружие никогда не будет пущено в ход? В-третьих, в истории человечества между государствами и группами государств время от времени возникали и возникают конфликты, притом вооруженные, которые влекут за собой многотысячные и даже миллионные жертвы. Может ли ядерное оружие предотвратить или сдержать такие конфликты? И наконец, существует угроза применения ядерного оружия террористами, хотя бы и в качестве так называемой *грязной бомбы*¹⁶.

На это можно ответить, что вот уже свыше 60 лет как существует ядерное оружие, оно не применялось и горячих больших войн не было. Да, это так, но, несмотря на наличие ядерного сдерживающего средства, *малых войн* было предостаточно, они ведутся и в данный момент, и в их *горниле* погибли и продолжают гибнуть миллионы людей, большинство из которых мирные граждане.

Имеется еще один фактор, диктующий продвижение в сторону мира без ядерного оружия, – фактор человеческий. Происходят – и нередко – весьма печальные и потенциально крайне опасные инциденты, связанные с поддержанием безопасности ядерного оружия и обеспечением его полной сохранности. О таких инцидентах не раз сообщали средства массовой информации, в том числе и в последнее время.

Да и вообще, ведь именно человек, в конце концов, должен принимать решение о применении ядерного оружия. Возьмет ли кто-либо на себя ответственность пустить в ход это страшное оружие даже в самой критической ситуации? Нет ли тут какой-то *мифологизации* роли этого оружия и реальности его воздействия на решение возникающих между государствами конфликтов?

Человечество должно существовать и развиваться, находясь не на бочке с порохом, а на гораздо более надежном и благоприятном для своей дальнейшей эволюции фундаменте. Хотелось бы верить в то, что поиски путей движения к миру без ядерного оружия приведут к решению и этой задачи. Человеку дано многое, и со временем он будет в состоянии выполнить и эту поистине *историческую миссию*.

---

¹⁶ *Грязная бомба* – самый простой вариант радиологического оружия, состоящий из контейнера с радиоактивным изотопом (изотопами) и заряда взрывчатого вещества. – Прим. ред.

*О связи между ядерными
и обычными вооружениями*

В былые годы не раз ставился вопрос о всеобщем и полном разоружении, что включало бы уничтожение не только ядерных, но и обычных видов вооружений. Как представляется, однако, вряд ли реально рассчитывать на то, что одновременно с ликвидацией ядерного оружия можно было бы сразу решить и проблему обычного оружия.

Но при поиске путей движения к безъядерному миру с большой долей уверенности можно сказать, что придется учитывать существование и возможное развитие некоторых видов обычного оружия, и, в частности, высокоточных стратегических средств доставки, рассчитанных на использование обычных боезарядов.

В Соединенных Штатах серьезно рассматривается вопрос о разработке и испытании боеголовок с обычными зарядами для БРПЛ *Трайидент*¹⁷, которые «давали бы президенту альтернативу использованию ядерного оружия для нанесения быстрого удара по любому объекту в мире». Как сообщалось в американской печати, Конгресс пока затягивает финансирование этой программы, выделив, впрочем, 200 млн долл. на исследование такого рода концепции. В Конгрессе при этом высказывались опасения, что «другие страны, как, например, Россия или Китай, не будут в состоянии различить, оснащены ли ракеты *Трайидент* обычными или ядерными боеголовками, и могут принять их запуск за начало ядерной войны». Группа авторитетных специалистов, включавшая бывшего командующего *STRATCOM*'ом генерала Юджина Хэбигера, бывшего директора Ливерморской лаборатории Джона Фостера, проф. Ричарда Гарвина и др., провела изучение этой проблемы и в целом высказалась в том плане, что «польза перевешивает риск»¹⁸.

Бывший министр обороны США (в период администрации Джимми Картера) Гарольд Браун высказал мысль о том, что возможности США проецировать свое могущество в области обыч-

---

¹⁷ В итоге США официально отказались от оснащения БРПЛ *Трайидент* конвенциональными боезарядами. – Прим. ред.

¹⁸ *Washington Post*. 2008. 16 Aug.

ных вооружений и озабоченность других стран тем, что оно может быть использовано для запугивания, нападения или смены режимов, повышает интерес к ядерному оружию как к уравнивающему потенциалу и к средству сдерживания превосходства США в обычных вооружениях¹⁹.

Чтобы облегчить решение возникающих в связи с этим потенциальных проблем, Джордж Перкович из *Фонда Карнеги за международный мир* и английский физик Джеймс Эктон считают, что «эвентуальный проект запрещения ядерного оружия может иметь успех только в том случае, если он будет сопровождаться изменениями в более широких отношениях в военной сфере, которые убедили бы государства, которые сейчас полагаются на ядерное сдерживание, что ядерное оружие не потребуется для сдерживания крупномасштабных военных вмешательств»²⁰.

В том, что касается России, то ей, конечно, нужно будет радикально повысить боеспособность своих обычных вооруженных сил, прежде всего в качественном отношении. Тот же вопрос стоит и перед некоторыми другими государствами. Наряду с этим, видимо, встанет проблема принятия Соединенными Штатами определенных ограничений в отношении планов развития своих вооруженных сил – в частности, переоснащения межконтинентальных ракет на обычные боезаряды.

Это – непростые для решения вопросы, с которыми раньше не приходилось сталкиваться, но ведь и вся проблема поисков путей движения к безъядерному миру является неизведанной задачей, но задачей, требующей *общеприемлемого* ответа. При доброй воле всех заинтересованных сторон хотелось бы надеяться, что и эта проблема найдет свое решение.

Как приблизиться к миру без ядерного оружия

Наверное, это самый сложный вопрос. Ведь государствам, особенно ядерным и наиболее крупным, придется во многом перестроить свое нынешнее мышление. От каких-то привычных

---

¹⁹ *Brown Harold*. New Nuclear Realities // Washington Quarterly. 2008, Winter. P. 7–22.

²⁰ *Perkovich George, Acton James M.* Abolishing Nuclear Weapons. Adelphi Paper 396. 2008. P. 24–26.

представлений отказаться, найти новые пути удовлетворения своих потребностей в сырье, рынках и т.п., не полагаясь более на силу, тем более ядерную. Сейчас трудно представить, как это произойдет, но очевидно, что этот процесс будет и долгим, и мучительным, особенно для наиболее мощных государств мира.

И тем не менее, следует уже сейчас попытаться хотя бы в самых общих чертах наметить некоторые из возможных путей приближения к безъядерному миру.

Одна из проблем состоит в том, что количество ядерного оружия у одних стран и у других резко различается по объему. Если Россия и США располагают многими тысячами единиц ядерных боезарядов – по мнению экспертов, примерно 95–97% мировых ядерных арсеналов, то у других стран сейчас насчитывается несколько сот или даже десятков ядерных боезарядов. Как, по какому принципу и какими этапами обеспечить планомерное и размеренное сокращение – вплоть до нуля, удовлетворительное для всех заинтересованных государств и учитывающее необходимость сохранения международной и региональной стабильности до конца процесса и после его завершения?

Государства имеют законное право иметь полную гарантию того, что все другие участники добросовестно выполнили свои обязательства по соглашению и не уклоняются более скрытно от его соблюдения. Ведь сохранение у кого-нибудь даже самого минимального количества оружия могло бы радикально изменить соотношение сил в мире и привести к пагубным и непредсказуемым последствиям. Отсюда необходимость иметь полную «страховку» от такого развития событий – то, что в США называют *hedging*.

Большую сложность представляет и разработка системы международного контроля за сокращением ядерных вооружений и средств их доставки. Определенный опыт в этом отношении мировым сообществом уже накоплен: правила мониторинга на двусторонней (РФ–США) основе выполнения договоров о РСМД и СНВ-1; многосторонняя система верификации исполнения договора ДВЗЯИ, который хотя и не вступил в силу, но система проверки этого договора в значительной мере создана и каких-либо сомнений в соблюдении моратория на ядерные взрывы не возникало; всеобъемлющая система гарантий МАГАТЭ вместе с дополнительным протоколом 1997 г.

Ряд государств в состоянии пользоваться так называемыми национальными средствами контроля – главным образом, наблюдением за происходящим на Земле с помощью искусственных спутников, эффективность которых уже сейчас весьма высока, а в будущем еще больше увеличится. Не следует ли подумать над тем, как получаемые некоторыми космическими державами данные могли бы быть использованы для международной системы проверки выполнения соглашения о разоружении? МАГАТЭ уже сейчас пользуется для осуществления своих гарантийных функций данными космических наблюдений, предоставляемыми Агентству отдельными странами.

Но и этого, конечно, будет недостаточно. Придется либо создавать совершенно новую систему контроля за ядерным разоружением, либо строить ее на базе уже существующей. По-видимому, разумнее всего взять за основу систему гарантий МАГАТЭ, доказавшую свою работоспособность в сфере, определенной Уставом Агентства и решениями его органов, и подкрепить ее такими дополнительными мерами, которые могут потребоваться, включая существенное расширение своего инспекционного аппарата и самый широкий доступ международных наблюдателей к тем местам, которые будут необходимы для обеспечения выполнения соглашения.

Система гарантий Агентства имеет и то преимущество, что с ее помощью международное сообщество имеет возможность следить за тем, чтобы ядерные материалы, используемые в мирной ядерной деятельности, не переключались на недозволенные цели. Ведь и после создания мира без ядерного оружия атомная энергетика и другие применения атомной энергии для мирного назначения будут и дальше развиваться и расширяться, человечество и впредь будет в них нуждаться и с точки зрения удовлетворения потребностей в энергии, и для медицинских и иных гражданских целей, и для сохранения экологического равновесия на планете. Напомним и о том, что МАГАТЭ в начале 1990-х гг. обеспечило надлежащее наблюдение за осуществлением ядерного разоружения Южной Африки, что свидетельствует об определенных возможностях Агентства в области контроля за ядерным разоружением.

В качестве еще одной дополнительной меры по усилению контроля, возможно, потребуется рассмотреть вопрос о создании

специальных вооруженных сил ООН на справедливой географической основе и под эгидой Совета Безопасности ООН для наблюдения за тем, как выполняется соглашение, особенно в самых ключевых местах, связанных с производством, хранением и уничтожением ядерного оружия.

Нами были выделены здесь только некоторые проблемы, решение которых потребуется при поисках путей движения к миру без ядерного оружия, – проблемы, которые просматриваются сегодня. Естественно, что при дальнейшем рассмотрении возникающих задач возникнут и другие вопросы, по-видимому, даже еще более сложные. Но идти по этому пути нужно, это неотвратимая потребность. Ныне многие критикуют Договор о нераспространении ядерного оружия за то, что постоянно возникают сложности с его выполнением. Скажем, как выразился поэт, с последней прямоотой: такие трудности будут возникать и в дальнейшем – до тех пор, пока человечество не займется всерьез решением вопроса о создании мира, свободного от ядерного оружия.

О запрещении производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия¹

Запрещение производства расщепляющихся материалов для оружейных целей в течение многих десятилетий рассматривается мировым сообществом как реально значимый шаг, ведущий к достижению двоякой цели – укреплению режима ядерного нераспространения и приближению к миру без ядерного оружия.

В обстановке наступившего в последнее время возрождения живого интереса к ядерному разоружению, особенно в связи с предстоящей в 2010 г. Обзорной конференцией по ДНЯО, возобновившиеся поиски решения проблемы оружейных делящихся материалов, безусловно, представляются актуальными.

Положительно то, что президенты России и США Д.А. Медведев и Барак Обама в своем совместном заявлении по результатам встречи 1 апреля 2009 г. высказались, что выражают «поддержку международным переговорам по выработке Договора, который положит конец производству расщепляющихся материалов для целей ядерного оружия».

Впервые вопрос о запрещении производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия (ЗПРМ) стал предметом обсуждения на международном уровне еще в 1957 г., когда США при участии других западных держав – Великобритании, Франции и Канады – внесли на рассмотрение Лондонского подкомитета Комиссии ООН по разоружению рабочий документ о частичных мероприятиях по разоружению, в котором предусматривалось, что государства – участники Конвенции обязуются использовать «все будущее производство расщепляющихся

---

¹ Впервые опубликовано: Тимербаев Роланд. О запрещении производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия // *Индекс Безопасности*. 2009. № 3–4 (90–91), осень-зима С. 25–35.

материалов, внутри государства или за границей, под международным контролем исключительно на не связанные с изготовлением оружия цели, включая накопление запасов»².

Советский Союз, по вполне понятным на тот период причинам, без какого-либо энтузиазма подошел к американскому предложению о решении проблемы ЗПРМ в качестве отдельной меры ограничения вооружений. В заявлении советского правительства, которое было оглашено в Лондонском подкомитете, указывалось, что прекращение производства расщепляющихся материалов для военных целей «только тогда будет иметь реальное значение для устранения угрозы атомной войны, когда будет неразрывно связано с запрещением атомного оружия, изъятием его из вооружений государств и уничтожением запасов этого оружия»³. Следует также заметить, что британцы, формально поддерживая своего заокеанского союзника, на деле относились к американскому предложению негативно⁴.

Тем не менее, Соединенные Штаты в конце 1957 г. настояли на принятии Генеральной Ассамблеей ООН резолюции, в которой предлагалось, чтобы на переговорах по разоружению был предоставлен приоритет «прекращению производства расщепляющихся материалов, предназначенных для изготовления оружия, и обращению, под эффективным международным контролем, всего будущего производства расщепляющихся материалов на цели, не связанные с производством оружия»⁵. Советская делегация проголосовала против этой резолюции.

Как мы видим, уже на самом начальном этапе возникал вопрос об увязке прекращения производства расщепляющихся материалов с проблемой накопленных запасов таких материалов, а ныне этот вопрос превратился чуть ли не в главный камень преткновения в решении проблемы оружейных ядерных материалов.

---

² Док. DC/SC.1/66/Rev.1 от 29 августа 1957 г. Сборник основных документов по вопросу о разоружении. Т. II (1957–1958 гг.). М.: МИД СССР, 1961. С. 171–179.

³ Там же. С. 151–171.

⁴ *Forland Astrid*. Coercion or Persuasion? The Bumpy Road to Multilateralization of Nuclear Safeguards // *The Nonproliferation Review*. March 2009. Vol. 16. No. 1. P. 52.

⁵ Резолюция ГА ООН 1148(XII) от 14 ноября 1957 г.

Первый шаг

И все же в середине 1960-х гг. США и СССР по предварительной договоренности были предприняты весьма скромные, но показательные шаги в направлении некоторого снижения темпов производства оружейных ядерных материалов – плутония и урана-235.

Президент США Л. Джонсон объявил 20 апреля 1964 г., что производство плутония будет сокращено на 20%, а обогащенного урана – на 40%⁶. На следующий день Н.С. Хрущев заявил, что советское правительство приняло решение прекратить строительство двух новых крупных атомных реакторов по производству плутония, в течение ближайших нескольких лет существенно сократить производство урана-235 для ядерного оружия и направлять больше расщепляющихся материалов для использования в мирных целях⁷.

Премьер-министр Великобритании А. Дуглас-Хьюм также объявил о некоторых мерах, проводимых в его стране по сокращению производства расщепляющихся материалов для оружейных целей.

Насколько эти заявления на деле способствовали снижению темпов увеличения запасов расщепляющихся материалов тремя державами, сказать весьма затруднительно, ведь производство этих материалов продолжалось, а гонка ядерных вооружений в тот период набирала новые высоты. Сам Линдон Джонсон в своем заявлении от 20 апреля 1964 г. сказал: «Это не разоружение. Это не *декларация мира*. Но это является обнадеживающим знаком...» С этим нельзя не согласиться. После Карибского кризиса, чуть не приведшего к ядерной катастрофе, начались поиски путей разрядки международной напряженности и подходов к ограничению ядерных вооружений. В 1963 г. были заключены соглашение об установлении линии прямой связи между Москвой и Вашингтоном и Договор о прекращении ядерных испытаний в трех средах. Начинались переговоры

---

⁶ Док. Комитета 18 государств по разоружению ENDC/132. Изложение опубликовано: *Правда*. 1964. 21 апр.

⁷ Док. ENDC/131 // *Правда*. 1964. 21 апр.

о заключении Договора о нераспространении ядерного оружия, а в конце 1960-х гг. СССР и США приступили к переговорам об ограничении стратегических наступательных и оборонительных вооружений.

Резолюция ООН 1993 г.

После окончания *холодной войны* (в конце 1980-х – начале 1990-х гг.) большинство государств, обладающих ядерным оружием, приступили к процессу прекращения производства ядерных материалов для целей оружия. В *Таблице 1* содержатся данные на этот счет, которыми располагает экспертное сообщество.

Таблица 1

Завершение производства ядерных материалов для военных целей⁸

	Завершение производства плутония	Завершение производства ВОУ
Китай	1991	1987–1989
Франция	1994	1996
Индия	Продолжается	Продолжается
Израиль	Продолжается?	?
Северная Корея	?	?
Пакистан	Продолжается	Продолжается
Россия	1997	1987–1988
Великобритания	1989	1963
США	1988	1992

⁸ Таблица приводится в работе: *Bunn M. Fissile Material Control Initiative* (2009), любезно предоставленной автору настоящей публикации. Она составлена на основе имеющихся официальных заявлений, экспертных оценок и известного исследования: *David Albright, Frans Berkhout and William Walker. Plutonium and Highly Enriched Uranium 1996: World Inventories, Capabilities and Policies, SIPRI. Oxford University Press, 1997. P. 38, 68, 76, 80.* Считается, что США прекратили производство высокообогащенного урана для оружия в 1964 г., но продолжали

В этих условиях стало возможным придать новый стимул достижению международного соглашения (в виде договора или конвенции) о запрещении производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия, или ЗПРМ (*Fissile Material Cutoff Treaty, FMCT*). И в 1993 г. Генеральная Ассамблея ООН единодушно приняла резолюцию в пользу разработки «недискриминационного, многостороннего и поддающегося эффективному международному контролю Договора о запрещении производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия и других ядерных взрывных устройств». При этом Генеральная Ассамблея ООН обратилась с просьбой к МАГАТЭ оказывать помощь в рассмотрении мер контроля в отношении такого договора⁹.

С тех пор и по настоящее время проблема ЗПРМ находится в компетенции женеvской Конференции по разоружению (КР).

Дискуссии по ЗПРМ на Конференции по разоружению

В марте 1995 г. КР удалось принять так называемый *доклад Шеннона* (по имени представителя Канады, назначенного координатором по ЗПРМ) относительно создания специального переговорного комитета, в котором определен мандат спецкомитета. Хотя мандат для переговоров базировался на формуле резолюции ГА ООН и предусматривал заключение Договора о ЗПРМ, он, по настоянию таких стран, как Пакистан, Египет, Иран, Алжир, допускал, что это «не препятствует какой-либо делегации поднять вопрос о рассмотрении любых других вопросов», включая проблему накопленных запасов расщепляющихся материалов¹⁰. Таким образом, решение о мандате для переговоров носило компромиссный характер и учитывало позиции тех государств, которые ратовали за решение вопроса о запасах.

производить ВОУ для судовых атомных реакторов до 1992 г. Россия, прекратив в конце 1990-х гг. направление плутония на оружейные цели, продолжала его наработку, поскольку три промышленных реактора (в Северске и Железногорске) имели двойное назначение – производство плутония и обеспечение топливом и электроэнергией населения близлежащих городов. Последний из этих реакторов – в Железногорске – завершил наработку плутония в мае 2009 г.

⁹ А/RES/48/75L от 16 декабря 1993 г.

¹⁰ Док. CD/1299 от 24 марта 1995 г.

Специальный комитет по ЗПРМ был создан на КР в августе 1998 г., однако он до сих пор не смог приступить к своей работе. В соответствии с правилами КР в начале каждого года требуется заново принять повестку дня и определить мандаты соответствующих спецкомитетов для проведения практической работы. Однако к настоящему времени, то есть уже свыше 10 лет, КР не удается договориться ни о том, ни о другом. Если США, Россия, Великобритания, Франция и некоторые другие страны призывают КР к скорейшему началу переговоров о ЗПРМ, то другие государства выступают за приоритетное рассмотрение иных вопросов разоружения, таких как недопущение милитаризации космоса, ядерное разоружение, предоставление гарантий безопасности неядерным государствам.

В 2004 г. администрация США круто изменила свою позицию по ЗПРМ, отказавшись от своей прежней приверженности к установлению контроля за выполнением соответствующего договора, а в 2006 г. американская делегация внесла в КР свой проект Договора о ЗПРМ, основанный на этом отрицательном отношении к контролю. В объяснительной записке к проекту указывалось, что в нем «опускаются положения о проверке, что совместимо с позицией США на этот счет о том, что так называемая *эффективная проверка* по ДЗПРМ не может быть достигнута. Требованием *эффективной проверки* является способность с высокой степенью уверенности устанавливать соблюдение. Соединенные Штаты заключили, что даже за счет обширных проверочных механизмов и положений – столь обширных, что это ущемляло бы коренные интересы национальной безопасности ключевых подписавших сторон, и столь дорогостоящих, что многие страны с колебаниями относились бы к их осуществлению, – мы все же не имели бы высокой уверенности в своей способности отслеживать соблюдение ДЗПРМ»¹¹.

Что касается самого проекта Договора¹², то в нем предлагалось, чтобы его стороны «не производили расщепляющийся материал для использования в ядерном оружии или других ядерных взрывных устройствах или не использовали любой расщепляющийся материал, произведенный впоследствии, в ядер-

¹¹ Док. CD/1782 от 22 мая 2006 г.

¹² Док. CD/1777 от 19 мая 2006 г.

ном оружии или других ядерных взрывных устройствах». Под расщепляющимся материалом США предложили понимать оружейный плутоний¹³ и уран с обогащением на 20% или более по изотопам урана-233 и 235, раздельно или в комбинации.

Таким образом, американский проект никак не затрагивал накопленных запасов расщепляющихся материалов.

В отношении контроля речь в проекте шла только об использовании «национальных средств и методов», а любые вопросы, возникающие в отношении осуществления положений Договора, урегулировались бы посредством консультаций между сторонами и при необходимости путем обращения в Совет Безопасности ООН. Как полагают, возражения в американских правительственных агентствах против контролируемого запрета возникли по двум причинам: во-первых, из-за трудностей обнаружения скрытой деятельности по обогащению и переработке, а более интрузивный контроль был бы неприемлем для США; и, во-вторых, из-за нежелания ставить под контроль ВОУ, предназначенный для судовых атомных реакторов. Одним из мотивов отказа от контроля было облегчение реализации небезызвестной американо-индийской атомной сделки, заключенной в 2005 г.¹⁴

Американский проект встретил в КР весьма сдержанное отношение из-за отсутствия в нем положений как о запасах расщепляющихся материалов, так и о контроле за его соблюдением¹⁵. Даже близкие союзники США высказали возражения¹⁶.

---

¹³ Оружейным плутонием считается плутоний, за исключением того плутония, изотопный состав которого включает 80% или более плутония-238. Впрочем, согласно Министерству энергетики США, практически при любой комбинации изотопов плутония может быть изготовлено ядерное взрывное устройство (См.: Nonproliferation and Arms Control Assessment of Weapons. Usable Fissile Material Storage and Excess Plutonium Disposition Alternatives, U.S. Department of Energy, DOE/NN-0007, Washington, D.C., January 1997. P. 37–39 (www.ipfmlibrary.org/doe97.pdf; дата обращения: 14 сент. 2009)).

¹⁴ *Einhorn R.J. Controlling Fissile Materials Worldwide. A Fissile Material Cutoff Treaty and Beyond // Reykjavik Revisited / Eds. G. Shultz, S. Andreasen, S. Drell and J. Goodby. Stanford, CA: Hoover Institution Press, 2008. P. 281–182.*

¹⁵ Подробнее о реакции в КР на проект США см.: *Rissanen Jenni. Time for a Fissban or Farewell? // Disarmament Diplomacy. 2006. No. 83, Winter.*

¹⁶ *Einhorn R.J. Op. cit.*

Дальнейшего развития проблема ЗПРМ в КР по сей день не получила, несмотря на то, что в 2000 г. Обзорная конференция по ДНЯО в числе 13 *практических шагов по разоружению* единодушно подтвердила необходимость переговоров в КР на основе упоминавшегося *мандата Шеннона*. В 2009 г. были предприняты интенсивные попытки по налаживанию переговоров в КР по ЗПРМ, но из-за позиции Пакистана, поддержанного Китаем, эти усилия положительного результата пока не принесли.

Новым недавним обстоятельством явилось заявление президента Барака Обамы в Праге 5 апреля 2009 г. о стремлении США к заключению «контролируемого» ДЗПРМ. Это положительный ход со стороны новой американской администрации, важно теперь узнать, во что конкретное он выльется.

Шаги по уменьшению запасов расщепляющихся материалов

Несмотря на отсутствие многосторонних договоренностей по ЗПРМ, за последние 10–15 лет Россия и США осуществили немало мер по уменьшению запасов расщепляющихся материалов.

Помимо прекращения ими и некоторыми другими ядерными странами производства этих материалов, о чем уже говорилось выше, обе державы предприняли такие шаги в этом направлении, как заключение в 1993 г. *соглашения ВОУ-НОУ*, согласно которому изымаемый из ядерных боезарядов уран в объеме 500 т *разубоживается* Россией и направляется в США для использования в гражданских атомных реакторах; подписание в 2000 г. соглашения об утилизации плутония, в соответствии с которым каждая сторона преобразует оружейный плутоний в формы, непригодные для ядерного оружия, путем его использования в качестве топлива для реакторов или перевода в иммобилизованные формы, пригодные для геологического захоронения (эта договоренность об утилизации по 34 т плутония пока еще не реализуется¹⁷); *программа Нанна–Лугара* по обеспечению без-

---

¹⁷ На момент публикации статьи в 2009 г. Соглашение об утилизации плутония вступило в силу после его ратификации обеими сторонами в 2011 г. Начало утилизации плутония по соглашению планировалось на 2018 г. Однако 3 октября 2016 г. президент России В.В. Путин распорядился о приостановлении действия

опасности расщепляющихся материалов и сокращению их производства; трехсторонняя инициатива о контроле за излишними ядерными материалами, которая разрабатывалась между Россией, США и МАГАТЭ в 1996–2002 гг.¹⁸; совместная работа по переводу исследовательских реакторов с использования ВОУ на НОУ (программа GTRI).

Тем не менее, все эти меры, при всей их важности, не вносят полновесного вклада в решение задачи сокращения количества расщепляющихся материалов и тем самым в укрепление режима ядерного нераспространения и продвижение в направлении создания мира без ядерного оружия. [...]

В целом, по оценке Международной группы по расщепляющимся материалам (*International Panel for Fissile Materials, IPFM*), созданной в 2006 г., общемировые запасы высокообогащенного урана в середине 2008 г. достигали 1670 т с погрешностью в 300 т, а плутония – 500 т, половину которого составляет гражданский и объем которого постоянно растет¹⁹.

Из этих данных, свидетельствующих о существующих внушительных размерах оружейных материалов, с очевидностью следует, что требуются радикальные шаги по уменьшению, а в дальнейшем и полному устранению той угрозы для мира, которую представляет накопление расщепляющихся материалов, пригодных для ядерного оружия.

соглашения, поскольку американская сторона отказалась от утилизации плутония с помощью реакторов в пользу его захоронения, что противоречило изначальным договоренностям между Россией и США. В случае захоронения плутоний можно в любой момент извлечь, Россия же настаивала на безвозвратной утилизации плутония. – *Прим. ред.*

¹⁸ К ноябрю 2001 г. США и Россия были на грани согласования типового соглашения о контроле, но оба правительства прервали переговоры после того, как администрация Буша объявила, что не поддерживает *13 шагов по разоружению*, одобренных Обзорной конференцией по ДНЯО 2000 г., среди которых содержалась поддержка *Трехсторонней инициативы*. Россия тоже не проявила готовности продолжать инициативу. В 2002 г. стороны официально объявили, что инициатива была успешной, и теперь дело остается за ее выполнением на основе индивидуальных соглашений. См.: *Shea Thomas E. The Trilateral Initiative: a Model for the Future? // Arms Control Today. May 2008.*

¹⁹ *Global Fissile Material Report 2008* (<http://www.fissilematerials.org>; дата обращения: 14 сент. 2009).

*Предложения по решению проблемы ЗПРМ,
выдвигаемые экспертами разных стран*

Существует несколько предложений правительственных и неправительственных экспертов о возможных путях решения проблемы ЗПРМ. В последнее время появились следующие предложения, обратившие на себя внимание.

В 2001 г. А. Шапер из Франкфуртского научно-исследовательского института проблем мира (Германия) предприняла попытку нарисовать схему контроля за выполнением договора о ЗПРМ, базирующуюся на системе гарантий МАГАТЭ и включающую всеобъемлющую систему гарантий (*INFCIRC/153*), Дополнительный протокол (*INFCIRC/540*), регулируемый доступ (*managed access*) для ядерных государств, учитывающий необходимость соблюдения секретности, а также использование национальных технических средств контроля и другие меры.

Предлагалось также возложить на Постоянную консультативную группу Агентства по осуществлению гарантий (*SAGSI*) или аналогичную группу специалистов задачу разработки необходимых критериев гарантий для договора о ЗПРМ. В частности, предлагалось более детально определить функции МАГАТЭ по контролю за ядерным топливом для судовых атомных установок, чем это предусматривается в типовом соглашении о гарантиях *INFCIRC/153* (пункт 14)²⁰.

Представляет определенный интерес предложение Австралии, выдвинутое в 2006 г. В австралийском рабочем документе были высказаны соображения о том, как можно было бы добиться прогресса в решении проблемы ЗПРМ. Учитывая сложность разработки методов и процедур контроля, австралийцы предложили «альтернативный подход, весьма успешно продемонстрированный за счет ДНЯО, который состоит в том, чтобы отразить в базовом Договоре основные политические обязательства, а проверочную систему изложить во вторичном соглашении или в серии соглашений...»²¹.

---

²⁰ Schaper Annette. Principles of the verification for a future Fissile Material Cutoff Treaty (FMCT) / Peace Research Institute Frankfurt. PRIF Reports. 2001. No. 58. January.

²¹ Док. CD/1775 от 17 мая 2006 г.

В связи с этим следует напомнить, что ДНЯО, который был открыт для подписания 1 июля 1968 г. и вступил в силу 5 марта 1970 г., в своей статье III обязывает все неядерные государства-участники заключить с МАГАТЭ соглашения о гарантиях в отношении всей своей ядерной деятельности. При этом соглашения должны вступить в силу не позднее 180 дней после присоединения к Договору. Однако МАГАТЭ не было тогда в состоянии заключить такие соглашения, поскольку существовавшая до заключения договора система гарантий была предназначена только для контроля за отдельными атомными объектами, а по ДНЯО требовалась всеобъемлющая система.

После вступления Договора в силу был создан комитет Совета управляющих Агентства, который лишь к марту 1971 г. разработал проект типового соглашения о всеобъемлющих гарантиях, утвержденный затем Советом (*INFCIRC/153*). И лишь после этого начались переговоры между неядерными участниками Договора и Агентством, многие из которых продолжались годами. Так, соглашение о гарантиях между странами Евратома и МАГАТЭ вступило в силу в феврале 1977 г., а важные дополнения к нему, без которых контроль на практике просто не мог осуществляться (так называемые приложения об установках – *facility attachments*), и того позже – в марте 1979 г.²² А немало стран до сих пор вообще не заключили соглашений о гарантиях²³.

Международная группа *IPFM*, состоящая из специалистов ряда стран, как ядерных, так и неядерных, сопредседателями которой являются Фрэнк фон Хиппель²⁴ (США) и Рамах Раджамаран

---

²² Fischer David. History of the International Atomic Energy Agency. The First Forty Years. Vienna: The Agency, 1997. P. 254–258.

²³ Как заявил Генеральный директор МАГАТЭ Мухаммед эль-Барадей на сессии Генеральной Конференции Агентства 14 сентября 2009 г., 25 государств – участников ДНЯО не заключили соглашений о гарантиях. См.: IAEA Director General Dr. Mohamed ElBaradei. Looking to the Future. IAEA, 2009, September 15 (<http://www.iaea.org/NewsCenter/Statements/2009/ebsp2009n011.html>; дата обращения: 15 сент. 2009).

²⁴ Фрэнк фон Хиппель – американский физик, профессор и содиректор программы по науке и глобальной безопасности в Принстонском университете и Принстонской школе общественных и международных отношений. – *Прим. ред.*

(Индия)²⁵, в феврале 2009 г. обнародовала подготовленный ею проект Договора о ЗПРМ²⁶.

В проекте этой группы экспертов предлагается запретить производство оружейного плутония и урана с обогащением на 20% и более по изотопам 233 и 235. Контроль за выполнением Договора возлагается на МАГАТЭ, при этом Агентству придаются некоторые дополнительные функции. Все будущее производство расщепляющихся материалов для гражданских целей ставится под гарантии МАГАТЭ, чтобы предотвратить их использование для оружия.

Проект договора предусматривает не только запрет на будущее производство расщепляющихся материалов, но и содержит определенные меры в отношении их накопленных запасов. В том, что касается запасов этих материалов, проект предлагает, чтобы государства в самом начале определились, какие ранее накопленные материалы они оставляют для оружия, а какие они ставят под международные гарантии. Таким образом, согласно проекту, требуется до вступления в силу Договора отделить материалы военного предназначения от материалов для гражданских целей. В соответствии с проектом необходимо, чтобы государства объявили и поставили под гарантии МАГАТЭ расщепляющиеся материалы, которые являются излишними для военного использования, а также материалы, которые в будущем станут излишними в результате односторонних, двусторонних или многосторонних мер по разоружению.

Что касается материалов, которые в дальнейшем будут использоваться в качестве топлива для судовых атомных энергетических установок или иных реакторов военного назначения, то должна быть разработана соответствующая система гарантий

---

²⁵ В нее также входят А.С. Дьяков (Россия), Х. Голдемберг (Бразилия), П. Худбхой (Пакистан), М. Калиновски (Германия), Дзюнмин Канг (Южная Корея), П. Льюис (Ирландия и Великобритания), Ли Бин (Китай), М. Мерли (Норвегия), И. Мариньяк (Франция), М. Марин Бош (Мексика), А. Меербург (Нидерланды), А. Найар (Пакистан), Ж. дю Прэ (Южная Африка), М. Рамана (Индия), О. Рей стад (Норвегия), Х. Саландер (Швеция), А. Шапер (Германия), М. Шнейдер (Франция), Шен Дингли (Китай), Т. Сузуки (Япония), У. Уокер (Великобритания).

²⁶ Подробный анализ проекта договора содержится в статье: *Arend Meerburg and Frank N. von Hippel. Complete Cutoff: Designing a Comprehensive Fissile Material Treaty // Arms Control Today. March 2009.*

МАГАТЭ. Работа над тем, как обеспечить надлежащий контроль Агентства за ВОУ для судовых атомных реакторов без раскрытия конфиденциальных данных об этом материале, как говорится в статье Аренда Меербурга и Фрэнка фон Хипшеля в *Arms Control Today* за март 2009 г., уже проводится в Принстонском университете США и в Окриджской национальной лаборатории.

Еще одна идея о том, как поступить с проблемой запасов накопленных расщепляющихся материалов, была предложена Робертом Айнхорном и Мэтью Банном²⁷.

Авторы этого предложения, которое они назвали «Инициативой по контролю за расщепляющимися материалами» (*Fissile Material Control Initiative, FMCI*), высказываются за то, чтобы наряду с Договором о запрете на будущее производство расщепляющихся материалов осуществлялась бы и предлагаемая ими инициатива, которая фокусировалась бы на накопленных запасах этих материалов. Они дополняли бы друг друга и проводились бы в жизнь одновременно. Более того, как полагают Айнхорн и Банн, если бы переговорам о ДЗПРМ угрожал тупик, то можно было бы продолжать осуществление инициативы независимо от заключения Договора, и это, по их мнению, могло бы даже способствовать заключению ДЗПРМ, поскольку повышение транспарентности в отношении имеющихся запасов позволило бы ослабить те озабоченности по поводу такого Договора и предусматриваемого в нем контроля, которые могут испытывать некоторые государства.

В чем же состоит суть предлагаемой инициативы по контролю за расщепляющимися материалами?

Эта инициатива мыслится как многосторонняя договоренность относительно общемировых запасов расщепляющихся материалов – как военных, так и гражданских, которыми располагают все страны, ядерные и неядерные, будь то участники или не участники ДНЯО. Основная цель – уменьшение рисков для безопасности путем содействия улучшению учета и физической защиты и повышению их транспарентности, постепенного и необратимого перевода материалов, не предназначенных для оружейных целей, под международное наблюдение и гарантии, превращение их запасов, не требующихся более

---

²⁷ Einhorn R.J. Op. cit. P. 279–311; Bunn M. Fissile Material Control Initiative, 2009.

для ядерного оружия, в ядерные материалы, непригодные для оружия.

Предлагается, чтобы участвующие в инициативе страны присоединились к совместному заявлению о некоторых руководящих принципах, которые могли бы предусматривать следующее:

- участники инициативы будут делать регулярные уведомления о своих запасах расщепляющихся материалов, по возможности как можно более детальные; обеспечивать, чтобы таковые материалы подлежали учету и физической защите в соответствии с высокими стандартами безопасности; тем из них, которые обладают ядерным оружием, регулярно объявлять количества расщепляющихся материалов, которые ранее предназначались для их программы ядерного оружия, но сейчас стали излишними для своих потребностей в оружии;
- таковым государствам поставить подобные излишние материалы под мониторинг или гарантии МАГАТЭ как можно скорее;
- участники инициативы поставят весь гражданский ВОУ и весь гражданский плутоний под гарантии Агентства;
- участники распространят на ВОУ для судовых энергетических установок и других невзрывных военных целей специально разработанную систему учета для предотвращения переключения ВОУ на программы ядерного оружия, которая не должна будет раскрывать чувствительную информацию;
- участники инициативы будут добиваться минимизации и эвентуального исключения использования ВОУ для гражданских целей, а также стремиться к уменьшению накопления запасов гражданского плутония;
- они будут превращать свои излишние запасы расщепляющихся материалов в формы, которые не будут более пригодными для ядерного оружия;
- и наконец, они будут ежегодно докладывать о прогрессе в выполнении этих руководящих принципов.

Что касается оформления договоренности о руководящих принципах, то предлагается, чтобы она носила добровольный,

юридически не обязывающий характер и была разработана не на КР, а небольшой группой государств, которые затем вступили бы в неформальные контакты с другими странами с расчетом на вовлечение в нее ключевых государств (конечно, крайне желательно и даже необходимо участие всех ядерных стран, как участников, так и не участников ДНЯО, и тех государств, которые располагают предприятиями по обогащению урана и репроцессингу). При этом предполагается создание какого-то небольшого механизма для обмена информацией. Большую роль в осуществлении инициативы будет играть МАГАТЭ. Р. Айхорн подчеркивает, что весь процесс мог бы быть постепенным, «эволюционным»²⁸.

Изложенные предложения экспертов представляют интерес и могли бы в той или иной мере быть использованы для дальнейшей работы над решением проблемы ЗПРМ.

Как идти дальше?

Более чем 50-летняя история международного обсуждения проблемы ЗПРМ убедительно свидетельствует о том, что решение этой важной задачи может иметь реальный шанс на успех с точки зрения его восприятия мировым сообществом только в том случае, если наряду с запрещением будущего производства расщепляющихся материалов для оружейных целей будет сделан сдвиг в направлении уменьшения или, по крайней мере, какого-то регулирования или хотя бы транспарентности уже накопленных запасов этих материалов. В противном случае любые разговоры о ЗПРМ будут рассматриваться как стремление к сохранению неравенства между одной группой государств и другими странами, как очередная попытка дискриминации²⁹, и нынешний тупик будет продолжаться.

Все усилия по продвижению решения проблемы упираются не только в вопрос о запасах, но и в возникающие многочисленные трудности с разработкой мер транспарентности и контроля. Очевидно, что попытки добиваться бесконтрольной договорен-

²⁸ *Einhorn R.J.* Op. cit. P. 309.

²⁹ В резолюции ООН 1993 г. говорилось о необходимости заключения не только контролируемого, но и недискриминационного договора о ЗПРМ.

ности, как это осознала и новая американская администрация, совершенно бесперспективны. Но и контроль был и остается весьма *крепким орешком* для решения.

Большинство специалистов считают, что за основу контрольной системы целесообразно взять гарантии МАГАТЭ. Да и в основополагающей резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 1993 г. содержалась просьба к МАГАТЭ оказать содействие в решении проблемы проверки ЗПРМ. Но Агентство, имеющее уставные функции и большой опыт в обеспечении контроля за недопущением переключения ядерных материалов с мирного использования на военное, не располагает разработанными методами и процедурами для контроля за оружейными расщепляющимися материалами, за ВОУ для судовых атомных энергетических установок и т.п.

Но все же небольшой опыт у МАГАТЭ имеется. В 1990-х гг. Агентство смогло посредством применения гарантий удостоверить в том, что ядерные материалы, ранее находившиеся в ядерных боезарядах ЮАР, изъяты из оружейной программы и больше не используются для военных целей. В те же годы по решению Совета Безопасности ООН под контролем Агентства была ликвидирована атомная военная программа Ирака.

В 1996–2002 гг. США, Россия и МАГАТЭ в соответствии с так называемой *Трехсторонней инициативой* разрабатывали процедуры контроля за излишними оружейными расщепляющимися материалами, при этом был предложен метод информационных барьеров для исключения раскрытия чувствительной информации. Для проверки этого метода были в основном согласованы меры по применению контроля в хранилище ядерных материалов на российском предприятии *Маяк* и американском хранилище материалов *KAMS* на объекте *Savannah River*³⁰. Однако эта работа не была завершена.

Таким образом, некоторые заделы у МАГАТЭ имеются, но для решения задач контроля по ДЗПРМ этого явно недостаточно. Придется разрабатывать новую систему гарантий и контроля, это не потребует внесения каких-либо изменений в Устав Агент-

---

³⁰ *Shea Thomas E. Op. cit.*

ства. Устав предоставляет ему в этом отношении достаточно широкие полномочия.

В статье II Устава определенно говорится, что «Агентство обеспечивает, чтобы помощь, предоставляемая им, или по его требованию, или под его наблюдением или контролем, не была использована таким образом, чтобы способствовать какой-либо военной цели», а в статье III.A.5 Агентству предоставлено право «устанавливать и проводить в жизнь гарантии, имеющие своей целью обеспечить, чтобы специальные расщепляющиеся и иные материалы, услуги, оборудование, технические средства и сведения, предоставляемые Агентством, или по его требованию, или под его наблюдением или контролем, не были использованы таким образом, чтобы способствовать какой-либо военной цели и распространять, по требованию сторон, применение этих гарантий на любые двусторонние или многосторонние соглашения или, по требованию того или иного государства, на любые виды деятельности этого государства в области атомной энергии».

Разработка новой системы контроля для ДЗПРМ, в которую были бы инкорпорированы не только система гарантий по ДНЯО и Дополнительный протокол о гарантиях, но также – что самое сложное – и определенный согласованный контроль и за запасами, и за ВОУ для судовых атомных энергетических установок, и, возможно, какие-либо другие элементы проверки, несомненно, потребует значительных усилий и времени. Придется существенно укрепить инфраструктуру МАГАТЭ, обеспечить его новым современным оборудованием, снабдить способностью мониторинга с помощью спутников, подготовить новые кадры и расширить штат инспекторов и т.д. А это повлечет за собой неизбежное увеличение бюджета организации.

Поэтому напрашивается вывод о том, что наиболее прагматичным решением было бы заключение базового Договора, который устанавливал бы юридически обязывающую международно-правовую норму о запрещении производства расщепляющихся материалов для целей ядерного оружия и о постепенном сокращении запасов таких материалов. Договор должен также содержать принципиальное положение о проверке выполнения указанных обязательств, разумеется, с учетом того, что такая проверка ни в коей мере не должна способствовать распространению материалов и технологий, ведущих к созданию ядерного

оружия. Под надлежащими гарантиями должен будет находиться и энергетический плутоний.

Что касается порядка установления контроля, то тут наиболее реальным является постепенный, поэтапный подход, начинающийся с системы гарантий по ДНЯО, Дополнительного протокола и распространяющийся в дальнейшем на более сложные и чувствительные компоненты ядерного топливного цикла.

Заклучение Договора о ЗПРМ будет иметь смысл только в том случае, если его участниками станут все государства, обладающие ядерным оружием, независимо от того, являются ли они членами ДНЯО или нет, а также и другие страны, особенно те из них, которые располагают ядерными технологиями и промышленными возможностями. Очевидно, первоначальный проект Договора следовало бы согласовать в более или менее узком кругу ключевых государств, а не в широком и трудно управляемом форуме, вроде КР, а затем вынести его на более широкое рассмотрение. Лидирующую роль в этом процессе могли бы взять на себя Россия и США как государства, обладающие наибольшими запасами оружейных расщепляющихся материалов.

Договоренность о проведении международных переговоров по этому или иному сходному по целям договору о ЗПРМ способствовала бы [...] укреплению международного режима ядерного нераспространения, продвижению вперед в деле устранения угрозы ядерного оружия.

О перспективах вступления в силу ДВЗЯИ¹

Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) после одобрения его ГА ООН был открыт для подписания всеми государствами 24 сентября 1996 г., и к настоящему времени подписан более чем 150 странами. Однако, хотя со дня открытия Договора для подписания прошло уже свыше двух с половиной лет, шансы его вступления в силу в обозримой перспективе представляются по меньшей мере проблематичными. В чем причины такой не вполне обычной в международной практике задержки с введением в действие Договора, поддержанного подавляющим большинством государств мирового сообщества?

Напомним читателю порядок вступления Договора в силу. В соответствии с пунктом 1 статьи XIV он вступает в силу через 180 дней после сдачи на хранение ратификационных грамот всеми 44 государствами, перечисленными в Приложении 2 к Договору. Этот список состоит из государств, располагающих, по данным МАГАТЭ, энергетическими и исследовательскими реакторами и принимавших участие в переговорах по ДВЗЯИ. Из перечисленных в приложении государств только три – Индия, КНДР и Пакистан – не подписали Договор. Из числа 44 государств на настоящее время он ратифицирован 17 странами (Австралия, Австрия, Аргентина, Бразилия, Германия, Испания, Италия, Канада, Нидерланды, Перу, Словакия, Соединенное Королевство, Финляндия, Франция, Швеция, Южная Африка, Япония). Всего же Договор по состоянию на апрель ратифицировали 34 государства.

---

¹ Впервые опубликовано: *Тимербаев Роланд. О перспективах вступления в силу ДВЗЯИ. Впервые опубликовано: Ядерный Контроль. 1999. № 3 (45), май-июнь. С. 67–71.*

Разработчики Договора – надо отдать им должное – еще в ходе переговоров справедливо предполагали, что процесс его вступления в силу будет затяжным. Именно поэтому они включили положение о том, что, если Договор не вступит в силу через три года после даты годовщины его открытия для подписания, депозитарий (Генеральный секретарь ООН) созывает конференцию государств, сдавших на хранение свои ратификационные грамоты, по просьбе большинства этих государств. Эта конференция рассматривает и решает консенсусом вопрос о том, какие меры, совместимые с международным правом, могут быть приняты для ускорения процесса ратификации с целью содействовать скорейшему вступлению в силу Договора (пункт 2 статьи XIV). При этом такие конференции могут проводиться и в дальнейшем до вступления Договора в силу (пункт 3). Все государства, подписавшие договор, могут присутствовать на конференциях в качестве наблюдателей, то есть без права участия в принятии решений (пункт 4).

Положение о конференциях, как совершенно очевидно, преследует задачу оказания политического давления на те государства, которые затягивают ратификацию Договора и, следовательно, его введение в действие.

Нечеткость формулировки о сроках проведения конференции (через три или четыре года после открытия договора для подписания?) вызывала дискуссии, но большинство государств все же склоняются к выводу, что конференция может состояться в 1999 г., очевидно, в период между октябрём и декабрём 1999 г. (скорее всего, 4–6 октября, до начала работы Первого политического комитета Генеральной Ассамблеи ООН). Среди некоторых стран существует также мнение, что на конференцию могут быть приглашены в качестве наблюдателей и государства, не подписавшие Договор (имеются в виду прежде всего такие страны, как Индия, Пакистан и КНДР, если они не подпишут Договор до открытия конференции).

Успешное вступление ДВЗЯИ в силу будет в первую очередь зависеть от его ратификации Соединенными Штатами, Россией, Китаем, Индией, Пакистаном, Израилем и КНДР. Рассмотрим, как обстоит дело с присоединением к договору этих стран.

Соединенные Штаты Америки

Администрация США представила ДВЗЯИ на ратификацию Сената в сентябре 1997 г. Однако с того времени Сенат практически ничего не сделал для того, чтобы дать совет и согласие на его ратификацию. Администрация в лице президента Билла Клинтона и государственного секретаря Мадлен Олбрайт неоднократно публично подчеркивала приоритетное значение Договора для безопасности США. Так, Б. Клинтон в широко-вещательном выступлении по внешней политике 26 февраля сказал, что он убедительно просит сенат США ратифицировать ДВЗЯИ в 1999 г. Договор представляет огромное значение для США и мира в целом.

В конце января 1999 г. г-жа Олбрайт² сообщила председателю сенатского комитета по иностранным делам Джесси Хелмсу, что с точки зрения администрации наибольший приоритет в плане ратификации международных соглашений, находящихся на рассмотрении Сената, следует предоставить ДВЗЯИ. Однако Джесси Хелмс, как сообщала газета *Washington Post* 15 февраля, ответил, что Комитет не предпримет никаких действий по ДВЗЯИ до тех пор, пока администрация не представит Сенату дополнения к Договору об ограничении систем ПРО 1972 г., которые были приняты в 1997 г. Газета при этом подчеркнула, что Хелмс против них имеет возражения и надеется использовать их для того, чтобы пустить под откос весь договор ПРО.

Нужно иметь в виду, что в своей оппозиции договору Джесси Хелмс далеко не одинок. По свидетельству журнала *Arms Control Today*, председатель сенатского комитета по иностранным делам пользуется полной поддержкой лидера республиканского большинства в Сенате Трента Лотта³.

Как отмечал *Washington Post* в этой связи, ответственные сотрудники администрации, со своей стороны, будут воздерживаться от направления в Сенат дополнений к договору ПРО до тех пор, пока российский парламент не ратифицирует договор СНВ-2.

² Мадлен Олбрайт – государственный секретарь США (1997–2001). – *Прим. ред.*

³ *Kimball D. Holding the CTBT Hostage in the Senate: The Stealth Strategy of Helms and Lott // Arms Control Today. June/July 1998. P. 3–9.*

Следовательно, получается *заколдованный круг*: сенатский комитет по иностранным делам, во всяком случае его руководство, фактически связывает ратификацию ДВЗЯИ с отменой договора ПРО, а Государственная Дума РФ, если и пойдет на ратификацию СНВ-2, то свяжет ее с непременным строгим соблюдением американской стороной договора ПРО. Таким образом, скорая ратификация Соединенными Штатами ДВЗЯИ представляется довольно проблематичной. [...]

Российская Федерация

Президент России Борис Ельцин до сих пор не представил ДВЗЯИ на ратификацию Федерального собрания. В официальных правительственных кругах на соответствующие вопросы обычно дают ответ, что идет интенсивная подготовка к представлению Договора на ратификацию. Но, конечно же, в правительстве и прежде всего в наиболее заинтересованных ведомствах – МИДе, Минатоме и Минобороны – в полной мере отдают отчет в сложности прохождения договора через Государственную думу, особенно в нынешнем политическом контексте. Среди депутатов существуют немалые сомнения и по существу Договора о запрещении ядерных испытаний, и в том, что касается взаимосвязи этого Договора с другими аспектами ограничения ядерных вооружений и международной безопасности в целом⁴.

Из стран бывшего СССР договор ратифицирован только Азербайджаном, Таджикистаном, Туркменией и Узбекистаном. В комитетах Верховной рады Украины ДВЗЯИ рассматривается уже в течение достаточно длительного времени. Коммунистическая фракция блокировала ратификацию этого, как и ряда других международных соглашений, до тех пор, пока украинским парламентом не будет принято решение о его вступлении в Межпарламентскую ассамблею СНГ. Сейчас это препятствие снято, однако, судя по настроениям представителей левых фракций, особенно в связи с событиями в Югославии, быстрого прохождения Договора в Верховной раде ожидать не приходится.

---

⁴ Россия ратифицировала ДВЗЯИ в 2000 г. – *Прим. ред.*

Китай

Каких-либо сведений о процессе и перспективах ратификации ДВЗЯИ Китайской Народной Республикой в средства массовой информации пока не поступало⁵. Вместе с тем обращает на себя внимание, что китайские представители при всяком удобном случае допускают критические, иногда весьма резкие, замечания по поводу ядерных испытаний, проведенных Индией в мае 1998 г. Из этого можно предположить, что до тех пор, пока индийское правительство не присоединится к договору, со стороны Китая вряд ли можно будет ожидать шагов по ратификации ДВЗЯИ. Представляется, что *затяжка* ратификации Соединенными Штатами и Россией также будет использоваться китайским руководством для того, чтобы не форсировать свои возможные действия в связи с Договором. Необходимо учитывать и то, что Китай категорически выступает против отмены или изменения договора ПРО, с чем ряд американских сенаторов, как отмечалось выше, связывает одобрение Договора о запрещении ядерных испытаний.

По сообщению информационного агентства *Киодо Цусин* от 3 марта со ссылкой на официальных представителей МИД Японии, японское внешнеполитическое ведомство в ноябре 1998 г. предприняло демарши перед 29 правительствами с просьбой ускорить ратификацию ДВЗЯИ. От 18 стран, включая Китай, пришли сообщения, что Договор будет ратифицирован в скором времени. Остальные 11 стран, включая США, Россию, Индию, Пакистан и Израиль, как сообщило японское информационное агентство, ответили, что они еще не готовы ратифицировать Договор. 26 марта председатель КНР Цзян Цземинь заявил на Конференции по разоружению, что китайское правительство вскоре представит Договор на ратификацию Всекитайского собрания народных представителей⁶.

---

⁵ По состоянию на февраль 2023 г. Китай не ратифицировал ДВЗЯИ. – *Прим. ред.*

⁶ Высший законодательный орган КНР. Также, согласно Конституции КНР, – высший орган государственной власти страны. – *Прим. ред.*

Индия и Пакистан

Премьер-министр Индии Атал Бихари Ваджапай заявил на заседании Генеральной Ассамблеи ООН 24 сентября 1998 г., что Индия придерживается добровольного моратория на ядерные испытания и выражает «готовность двигаться в направлении юридического оформления этого обязательства». Индия «вступила в обсуждение с ключевыми партнерами ряда вопросов, включая ДВЗЯИ. Мы готовы довести это обсуждение до успешного завершения, с тем чтобы вступление в силу ДВЗЯИ не затянулось позднее сентября 1999 г. Мы ожидаем, что другие страны, приведенные в статье XIV ДВЗЯИ, присоединятся к этому Договору без условий».

Премьер-министр Пакистана Наваз Шариф, выступая на сессии ООН 23 сентября 1998 г., заявил, что его страна придерживается моратория на ядерные испытания, и поддержал присоединение к Договору одновременно обоих государств Южной Азии – Пакистана и Индии⁷. Он подчеркнул, что все государства, обладающие ядерными возможностями, включая Индию, должны присоединиться к ДВЗЯИ, прежде чем Договор может вступить в силу, и Пакистан будет возражать против любых попыток изменить это фундаментальное требование [...] Пакистан готов присоединиться к договору до конференции, предусматриваемой статьей XIV.

Со стороны администрации США предпринимаются определенные шаги по вовлечению Индии и Пакистана в договор. Заместитель госсекретаря Строуб Тэлботт совершил не одну поездку в регион, чтобы побудить обе страны присоединиться к договору, однако пока безуспешно. В мае – июне он предполагает вновь встретиться с ответственными представителями обеих стран.

20–21 февраля в Лахоре (Пакистан) состоялась встреча премьер-министров двух государств субконтинента. В опубликованной по ее итогам совместной декларации было заявлено, что будут незамедлительно предприняты меры по уменьшению

---

⁷ По состоянию на февраль 2023 г. Индия и Пакистан не подписали ДВЗЯИ. – *Прим. ред.*

опасности случайного или несанкционированного применения ядерного оружия и что будут делаться предварительные оповещения об испытательных запусках баллистических ракет. В *Лакхорской декларации* говорится о намерении сторон продолжать придерживаться моратория на ядерные взрывы. Между Атал Бихари Ваджапайи и Навазом Шарифом обсуждался и вопрос о присоединении к ДВЗЯИ, но никакого решения принято не было. По сообщению агентства *Франс Пресс*, выступая по индийскому телевидению 18 марта, премьер-министр Атал Бихари Ваджапайи заявил, что Индия не станет препятствием для введения ДВЗЯИ в действие. Однако для того, чтобы Индия смогла рассмотреть все аспекты Договора, должна быть создана соответствующая атмосфера. Экономические санкции все еще в силе, международные финансовые учреждения не предоставляют нам займы, не решен вопрос о запрете на передачу нам технологий. [...]

Между тем в последнее время между Индией и Пакистаном явно усиливается гонка ракетных вооружений. 11 апреля в Индии было произведено успешное испытание ракеты *Агни-2* дальностью 2,5 тыс. км, способной нести ядерный боезаряд. Ракета может поразить цели на всей территории Пакистана и на значительной части китайской территории. 14 апреля Пакистан объявил об испытании своей новейшей ракеты *Гхаури-2* дальностью 2,5 тыс. км, также способной нести ядерный боезаряд и накрыть цели на всей территории Индии.

Израиль подписал Договор, но каких-либо сведений о перспективах его ратификации Кнессетом пока не поступало⁸. Не имеется данных и о том, каковы намерения в отношении Договора у Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР), входящей в число 44 государств, которые Договор не подписывали. [...]

Так что перспективы скорого вступления Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний в силу на сегодняшний день выглядят достаточно отдаленными. [...]

---

⁸ По состоянию на февраль 2023 г. Израиль не ратифицировал ДВЗЯИ. – *Прим. ред.*

Сколько ставить боеголовок?¹

В процессе переговоров² мы с женой очень подружились с руководителем делегации США Гербертом Йорком, его заместителем Джерри Джонсоном и их женами. Йорк (я его называл по имени – *Herb*, а он меня тоже по имени) – совершенно замечательный человек, постоянно искавший развязки самых сложных вопросов. Мы с ним полностью сошлись в главном – в эпоху *холодной войны* надо делать все, что в наших силах, чтобы избежать глобальной катастрофы, – а ведь тогда мы переживали самый пик конфронтации между нашими странами и гонки вооружений. Как мне, так и ему это было совершенно ясно, и между нами в этом отношении было полное взаимопонимание. Мы часто встречались с ним не только за столом переговоров, но и неофициально обсуждали проходящие на них конкретные дела, а также и более общие вопросы мира и войны.

Йорк молодым физиком был привлечен к работе в *Манхэттенском проекте* и занимался обогащением урана на изобретенном и сконструированном его научным шефом, Нобелевским лауреатом Эрнестом Лоуренсом, циклотроне (так называемый *электромагнитный метод* обогащения урана). Первоначальное обогащение производилось газодиффузионным методом, а дообогащение – на циклотроне, которому дали название *калутрон* (*calutron*), поскольку он был детищем Лоуренса, профессора Калифорнийского университета в Беркли. И даже на циклотроне тогда не удавалось довести уран до высокой степени обогащения. Уран, использованный для *Хиросимской бомбы*, был 84% обогащения по U-235, и поэтому критическая масса, необходимая

---

¹ Впервые опубликовано: *Тилмербаев Р.М.* Рассказы о былом. Воспоминания о переговорах по нераспространению и разоружению и о многом другом М.: РОССПЭН, Библиотека ПИР-Центра, 2007. С. 89–92.

² Речь идет о переговорах по ДВЗЯИ, которые с переменным успехом шли с конца 1970-х гг. и закончились подписанием ДВЗЯИ в 1996 г. – *Прим. ред.*

для ядерного взрыва, достигала 64 кг, что, конечно, очень много, и это сильно увеличивало общий вес атомной бомбы³.

Йорк, не называя мне тогда этих цифр, сказал только, что где-то в июне 1945 г. было получено указание прекратить дальнейшее дообогащение урана электромагнитным методом, и он догадался, что его изготовлено достаточно для той задачи, которая была поставлена перед теми, кто занимался этим методом разделения изотопов урана.

О трехсторонних переговорах в Женеве о полном прекращении ядерных испытаний и о наших встречах Йорк рассказывает в своих мемуарах⁴. Я тоже посвятил им выше несколько абзацев.

В ходе наших бесед во время прогулок по берегу Женевского озера (напоминаю, что это было в 1979–1980 гг.) Йорк, как человек, создававший оружейный материал для бомбы и в то же время стремившийся уберечь мир от нее, в частности, развивал мысль о невероятной трудности ограничения и сокращения ядерных вооружений и необходимости идти по этому пути по взаимоприемлемому поэтапному сценарию. Он одним из первых выдвинул идею необходимости перехода от МБР с РГЧ ИИ к моноблочным ракетам. В дальнейшем это было воплощено в договоре СНВ-2, который, как известно, в силу так и не вступил и был заменен Московским договором о СНП в 2002 г., который допускает многоблочные средства доставки⁵.

Тогда мне идея Йорка казалась интересной. Но она была более приемлемой для США с их более могущественной экономикой и финансовыми и технологическими возможностями. Мы и тогда, и сейчас все еще продолжаем делать ставку на более тяжелые ракеты с большим числом РГЧ. Но, надеюсь, что в будущем придет

---

³ *Norris Robert. Racing for the Bomb. General Leslie Groves, the Manhattan Project's Indispensable Man. South Royalton. Vermont: Steerforth Press, 2002. P. 367.* В Советском Союзе ученые столкнулись с той же проблемой. На газодиффузионном заводе удалось получить в 1948 г. уран только 75% обогащения, и он дообогащался электромагнитным методом на специальной установке под руководством академика Л.А. Арцимовича до 90%. Из этого делящегося материала и была создана наша вторая атомная бомба, испытанная в 1951 г. (Создание первой советской ядерной бомбы. С. 282–283.)

⁴ *York Herbert. Making Weapons, Talking Peace. A Physicist's Odyssey from Hiroshima to Geneva. N.Y.: Basic Books, Inc. Publishers, 1987.*

⁵ Согласно этому договору, к 2012 г. ядерные вооружения каждой стороны должны быть сокращены до 1700–2200 ед.

время, когда дальнейшее сокращение ядерных наступательных вооружений потребует возвращения к идее моноблочных ракет.

Тогда, в 1980 г., я информировал Москву об идеях Йорка. И, как я узнал значительно позже, в Советском Союзе тоже склонялись к постепенному переходу к моноблочным ракетам типа *Тополь*, но наступившие в стране перемены подорвали оборонную промышленность и в значительной мере лишили ее финансирования. Но рано или поздно эксплуатационный ресурс нынешнего поколения тяжелых ракет с РГЧ иссякнет, и мы, возможно, тоже перейдем на моноблочные ракеты, благо, что здесь есть хороший задел в виде ракет *Тополь-М*, которые, впрочем, могут быть оснащены и многоблочными боеголовками. Так что, как представляется, еще много лет будет продолжаться ставка на многоблочные ракеты.

Джерри Джонсон был и остается верным другом и *Санчо Пансой* Герберта Йорка. Он, как я писал, возглавлял американский проект МЯВ⁶ *Operation Plowshare*⁷. С ним мы виделись и долго беседовали, когда я приезжал на конференцию в Сан-Диего в 1993 г. Джерри без всякого сожаления говорил о закрытии программы мирных ядерных взрывов.

---

⁶ Имеется в виду «мирный ядерный взрыв»: ядерные испытания и промышленные ядерные взрывы, целью которых являлись или декларировались работы невоенного назначения. – *Прим. ред.*

⁷ Программа проведения серии ядерных взрывов на территории США для решения промышленных и других невоенных задач (1957–1973). – *Прим. ред.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ядерное оружие, его влияние на развитие цивилизации и атомная проблема в целом¹

(страницы из дневника 2012–2019)

Ядерное оружие разделяет народы и страны, осложняет и без того не простые отношения между ними. И в особенности, уже на протяжении многих десятилетий, с учетом их огромного ракетно-ядерного потенциала, угнетает отношения между Россией и США, которых до появления ядерного оружия, в течение всей предыдущей истории, практически ничто не разделяло. Но если подойти к этому вопросу по-христиански, по-человечески, то, наоборот, ядерная опасность должна не разделять, а сближать людей, подталкивать их к тому, чтобы отодвинуть, а потом и полностью извести ядерную угрозу.

Случайный взрыв даже одного ядерного оружия² может вызвать цепную реакцию с катастрофическими последствиями для всего человечества. Но возможен и другой сценарий. На протяжении всей истории человечества племена, народы, государства почти беспрестанно конфликтовали и воевали друг с другом. Может быть, какая-то космических размеров катастрофа, связанная с применением ядерной энергии (гораздо более масштабная, чем Хиросима и Нагасаки, чем атмосферные испытания ядерного оружия, чем *Три Майл Айленд*³, *Чернобыль* или *Фукусима*), заставит людей взяться за ум и попытаться наладить отношения между собой, которые не были бы основаны на силе?

---

¹ Впервые опубликовано: *Тимурбаев Р.М.* Отдельные мысли и заметки. М., 2020. С. 4–32.

² Имеется в виду ядерный заряд. – *Прим. ред.*

³ Имеется в виду Авария на АЭС *Три-Майл-Айленд* – крупнейшая авария в истории коммерческой атомной энергетики США (28.03.1979). – *Прим. ред.*

Вторая мировая война, унесшая с собой жизни многих миллионов людей, привела к созданию ООН и появлению надежды на более светлое будущее, но не решила коренные проблемы взаимоотношений между народами.

Приступив к обладанию энергией атома, человек необдуманно замахнулся на святая святых, на основу мироздания. Не осознавая, что делает, не задумываясь о последствиях, он стал превращать средство созидания, источник жизни в орудие уничтожения. Саму основу мироздания и существования вселенной и человечества – атом – мы бездумно превращаем в радиоактивные отходы. Человечество даже за 70 лет применения атома не может найти способ безопасного окончательного захоронения таких отходов. И, возможно, никогда не найдет. Происходит безжалостное и непоправимое обезображивание, уничтожение окружающей человека среды (обширные территории вокруг Чернобыля, «Маяка», Фукусимы, просторы Мирового океана, в которых затоплены атомные подводные лодки, и др.). Стоит ли заниматься использованием атомной энергии (разумеется, только в мирных целях)? Очевидно, стоит. Но вначале нужно иметь ясное научно обоснованное представление, возможно ли это без вреда для среды обитания человека.

Когда в 40-х гг. прошлого века началось использование атома, причем началось с военного применения, никто и не задумывался над тем, какой вред все это может принести человеку. Сейчас стоило бы всерьез разобраться в этом. И тут наипервейшая задача – попытаться создать полностью безопасный атомный реактор, а также найти пути безопасного захоронения радиоактивных отходов. Семьдесят лет применения атомной энергии дают немало оснований полагать, что непродуманный, неоправданный, поспешный приступ людей к использованию этого источника энергии может привести к преждевременной катастрофе, к гибели всего человечества. Человечество сильно забежало вперед, преждевременно взявшись за использование атомной энергии. Оно к этому не было готово, да и сейчас не готово. Но как же все-таки быть с атомной энергией? Ведь она открыта и уже широко используется людьми, ведь ее невозможно *desinvent*⁴. Конечно, она

---

⁴ Игра слов, которую можно перевести на русский язык как «разизобрести» (т.е. полностью забыть технологию). – Прим. ред.

навсегда останется с нами, и ее нужно использовать, но как? Об этом серьезно еще не думали. Хватались за то, что лежит на поверхности и дает силу и деньги, преимущество над другими. К чему это приводит, мы видим чуть ли не каждодневно. [...]

Из письма В.И. Рыбаченкову⁵ от 6 января 2012 г.

«[...] По правде сказать, я глубоко сомневаюсь в том, что человек в достаточной мере овладел всеми тайнами использования атома в мирных целях. Надежно безопасный атомный реактор еще не создан, и в скором времени это не предвидится, не решена проблема окончательного захоронения радиоактивных отходов. Большинство ныне работающих энергоблоков устарели. Все это требует дальновидного системного подхода, но, увы, нынешние руководители основных государств не готовы трезво посмотреть на проблему использования атома как в военных, так и в мирных целях. В этих странах сильно атомное лобби. И военно-промышленное тоже».
[...]

Существование ядерного оружия и всего того, что связано с использованием человеком атомной энергии, по-моему, с каждым годом становится все более взрывоопасным. Тут и ненадежность существующих сейчас способов получения атомной энергии, и возраст большинства действующих атомных энергоблоков, и – главное – постоянно усиливающаяся нестабильность и непредсказуемость всей сложившейся к настоящему времени мировой политической и финансово-экономической системы. Еще один довод (может быть, самый главный?) против ядерного оружия и ядерной секретности: они по своей природе противостоят, противоречат коренным принципам демократического общества. Американский политолог Роберт Даль: «Никакие решения не могут быть более роковыми для американцев и для мира в целом, чем решения по ядерному оружию. И тем не менее, эти решения вышли из-под контроля демократического про-

---

⁵ На тот момент советник Департамента по вопросам безопасности и разоружения МИД России.

песса». Он писал, что создание ядерного оружия свидетельствует о *полной неспособности современных демократических институтов достигать своих целей*⁶. [...]

Думаю, что время неоспоримого превосходства ядерного оружия как силы проходит, а может быть, уже прошло. Это может открыть путь к односторонним шагам государств по сокращению своих ядерных арсеналов, вначале без контроля (как было с ТЯО в 1991 г.), а потом и под международным контролем. Чую своим сердцем, что так и будет. Посмотрим. Большой, непоправимой бедой для всего мира явилось то, что развитие использования атомной энергии пошло не на базе глубокого понимания, чем может грозить атом, а по старинке – по законам рынка. Боюсь, что это вряд ли человеку дано исправить.

Из письма сыну Андрею от 25 февраля 2013 г.

«Вообще-то говоря, человек совершил историческую ошибку, создав атомную бомбу, а потом на этой основе атомную энергетику. Атом – *прародитель*, первоисточник вселенной, человеку не дано, не дозволено использовать его в своих корыстных целях – для ведения войн»⁷.

Вот в Германии вроде бы начали понимать, что представляет на деле атом. А способны ли это осознать другие? Вслед за Германией, объявившей о свёртывании атомной энергетики к 2022 г., Япония также решила поэтапно закрыть свои АЭС к 2040 г. США, как известно, уже много лет не строят новые АЭС. Показательно, что на этот путь теперь встали две страны, которые считаются «латентными ядерными государствами». Конечно, это не может не означать, что меняется отношение и к ядерному оружию, и не в пользу последнего. [...]

---

⁶ *Dahl Robert. Controlling Nuclear Weapons: Democracy Versus Guardianship, Syracuse. N.Y.: Syracuse University Press, 1985, P. 5.*

⁷ В ходе переписки с сыном у него родилась идея подготовить в соавторстве со мною статью для химического журнала о применении капиллярного электрофореза для анализа атомной радиации. См.: *Timerbayev A.R., Timerbayev R.M. Recent progress of capillary electrophoresis in studying the speciation of actinides // Trends in Analytical Chemistry. 2013. Vol. 51. P. 44.*

Все-таки есть шанс и в сегодняшней международной обстановке попытаться приступить к серьезному разговору об отказе от ядерного оружия или, во всяком случае, о серьезном сокращении ядерных арсеналов. Теперь ведь те, кто имеет хоть какое-то отношение к ядерным делам, не могут не понимать, что ядерное оружие – это инструмент, способ самоуничтожения и взаимоничтожения, путь к вымиранию нынешнего человечества, а победа в ядерной войне просто невозможна. Для того чтобы приступить к делу, нужен только элемент первоначального взаимопонимания и хотя бы небольшое доверие друг к другу. [...]

Чем больше размышляю о возможных согласованных усилиях «большой тройки» (США, РФ, Китай) по сокращению ядерных арсеналов, тем более убеждаюсь в том, что сейчас это единственный путь, способный привести к какому-нибудь положительному результату. К этому меня подталкивает и тот факт, что Китай, определенно, взял курс на значительное повышение своего ядерного статуса, о чем свидетельствует вышедшая в США в 2015 г. книга ядерного эксперта Чжан Баохуэя – *China's Assertive Nuclear Posture: State Security in an Anarchic World Order*. Автор утверждает, что Китай в ближайшие годы увеличит свой ядерный наступательный арсенал на 500 единиц, будет развивать систему ПРО, строить современные подлодки и т.д.

Линтон Брукс⁸ [...], тем не менее, считает, что Китай может пойти на совместную договоренность с США и РФ, но на первых порах только на основе замораживания (но не сокращения) своей ядерной программы. Естественно, определенные действия должны быть предприняты и другими участниками *большой тройки*. [...]

Затянувшаяся сейчас пауза в продолжавшихся несколько десятилетий усилиях США и СССР/РФ по ограничению и сокращению ядерных вооружений наносит непоправимый ущерб общему состоянию дел в ядерной области, особенно в поддержке режима ядерного нераспространения. Обеим державам можно с полным основанием предъявить обвинение в нарушении ст. 6 ДНЯО, в соответствии с которой они взяли на себя

---

⁸ Линтон Брукс – посол, руководитель американской делегации на переговорах по СНВ-1, заместитель министра энергетики по ядерной безопасности с 2002 по 2007 г. – *Прим. ред.*

обязательство вести добросовестно переговоры о ядерном разоружении. [...] Чтобы подтвердить свое твердое намерение на деле выполнять ст. 6 ДНЯО и показать всему миру, что обе стороны всерьез хотят идти вперед, следовало бы начать полноценные переговоры на двустороннем уровне, объявив при этом, что в дальнейшем они могут быть преобразованы в многосторонние переговоры. И желательно, чтобы хотя бы в общих чертах была обговорена повестка дня, включающая вопросы, интересующие обе стороны (сокращение как стратегического, так и ТЯО, в том числе предложения Барака Обамы от 19 июня 2013 г.⁹, ЗПРМ, проблема ПРО и др.). Переговоры должны носить постоянный характер, как это по существу требуется Договором о нераспространении, и время от времени выводить на совместные решения по мере того, как по ним будут достигаться взаимопонимания и договоренности, как это бывало и в прошлом, даже в пору *холодной войны*. [...]

Невозможно даже представить себе, чтобы какая-нибудь ядерная держава взяла бы и разбомбила ту, что отказалась от ЯО. Но такая ядерная держава могла бы оказывать на нее давление – экономическое и иное. Ну и что? Может быть, это было бы к лучшему? Уж точно многие государства мира активно стали бы поддерживать ту страну, что отказалась от ЯО. И, скорее всего, та, что взяла бы на себя такую смелую инициативу, только выиграла. А те, кто пытался бы сохранить ЯО, наверняка проиграли бы. [...]

С каждым годом все больше убеждаешься в том, что ЯО дано человеку не для военных целей, не для того, чтобы победить кого-то в войне. Его применение человеком против другого человека – самоубийственно. За те семьдесят лет, что это оружие существует, не было ни одного случая, чтобы это оружие сыграло хоть какую-то военную роль в качестве оружия. Много говорят о «сдерживающей» роли этого «оружия», но кто сможет это доказать? Например, во время кубинского кризиса 1962 г. в ответ на ввод наших ядерных ракет на Кубу американцы дали понять, что они могут предпринять определенные действия против СССР, скажем, в Берлине. Неужто Хрущев пошел бы на приме-

---

⁹ Американский президент Б. Обама предложил произвести сокращение «оперативно развернутых» боезарядов СНВ России и США на одну треть относительно лимитов предыдущего Договора СНВ-3. – *Прим. ред.*

нение ЯО против США? Чепуха, это было бы самоубийством. И это должны понимать все лидеры ядерных стран, если они в здравом уме. Вся послевоенная история с ее непрекращающимися конфликтами между державами это убедительно подтверждает. [...]

Еще одна «шальная» мысль – дальнейшее существенное движение по пути ядерных сокращений, очевидно, возможно будет осуществлено только как результат какого-нибудь серьезного инцидента с ЯО или даже неумолимой возможности такого инцидента. Вспомним кубинский ядерный кризис 1962 г. Только после него правительства ведущих стран и их военные всерьез осознали, что на самом деле представляют собой ЯО и возможные последствия его применения.

Раз человеку дано создать ядерное оружие, значит это было предопределено Вселенной (или Всевышним). Ведь ныне существующее человечество (*хомо сапиенс*) рано или поздно так или иначе прекратит свое существование, уступив место другому, надеюсь, более совершенному. И ядерное оружие – один из возможных путей к этому.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Об архиве Р.М. Тимербаева

В 2019 г. после ухода из жизни Р.М. Тимербаева ПИР-Центру был передан архив его документов, заметок, писем и записей из личных дневников. На протяжении полутора лет, с ноября 2019 г. по апрель 2021 г., команда ПИР-Центра принимала активное участие в систематизации архива Чрезвычайного и Полномочного Посла Р.М. Тимербаева. К этой работе были подключены многие сотрудники, стажеры и практиканты ПИР-Центра.

Усилия Р.М. Тимербаева на дипломатическом, научно-исследовательском, образовательном поприщах внесли вклад в обеспечение глобальной безопасности. Масштаб деятельности Посла Р.М. Тимербаева впечатляет. В архиве можно найти бесчисленное количество официальных документов и писем в рамках дипломатической переписки о самых важных событиях в сфере ядерного нераспространения и разоружения периода с 1950-х гг. до второго десятилетия нашего века, включая материалы по подготовке крупных международных соглашений в сфере ядерного нераспространения, как ДНЯО и ДВЗЯИ, по участию в работе специализированных структур ООН, по активному сотрудничеству с МАГАТЭ, по продвижению идей ядерного нераспространения в некоторых регионах мира, как Латинская Америка, Ближний Восток, Корейский полуостров, Южная Азия, по развитию российско-американского диалога в сфере ядерного нераспространения и контроля над вооружениями и многое другое.

К 2027 г. планируется издание сборника трудов Р.М. Тимербаева, который соберет наиболее интересные и значимые с научной

и исторической точки зрения материалы из архива Посла. Также команда ПИР-Центра продолжит оцифровку ряда документов, записей и пометок из архива Р.М. Тимербаева, которые будут доступны на образовательной онлайн-платформе NONPROLIFERATION.WORLD.

Подробнее об архиве Р.М. Тимербаева можно прочитать в соответствующем разделе Галереи памяти Посла на сайте ПИР-Центра: <https://pircenter.org/about-nonproliferation-world/tak-bylo-his/galereja-pamjati-r-m-timerbaeva/arhiv/>

Приложение 2

Международные Тимербаевские дебаты

В память о Р.М. Тимербаеве с 2020 г. ПИР-Центр проводит ежегодные *Международные Тимербаевские дебаты* для молодых специалистов в области ядерного нераспространения, контроля над вооружениями, разоружения и глобальной безопасности в целом. Дебаты, как правило, проходят, на английском языке, поскольку участие в них принимают представители как России, так и зарубежных стран.

В качестве модераторов дебатов и наставников команд привлекаются представители международного Сообщества «Под знаком ПИР» – выпускники образовательных и научно-исследовательских проектов ПИР-Центра, которые продолжают свою работу в государственных ведомствах, исследовательских центрах, высших учебных заведениях, общественных и неправительственных организациях России и зарубежных стран.

Международные Тимербаевские дебаты проходят один раз в год или чаще. Традиционно их повестка посвящается наиболее острым и актуальным вопросам в сфере ядерного нераспространения, контроля над вооружениями, стратегической стабильности, российско-американских отношений и глобальной безопасности в целом. Всего с 2020 по 2022 гг. состоялось пять циклов *Международных Тимербаевских дебатов* на следующие темы:

- «Будет ли мир безопаснее без ядерного оружия?» (2020, 2022)
- «Способствует ли Договор о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО) укреплению режима ядерного нераспространения или, наоборот, ослабляет его?» (2020)
- «Нужно ли стране ядерное оружие и должна ли она пытаться получить его?» (2021)

- «Станут ли новые технологии фактором стратегической нестабильности и новой гонки вооружений, или они позитивно скажутся на будущем КВРН?» (2022)

Более подробную информацию о *Международных Тимербаевских дебатах* можно найти на сайте ПИР-Центра по ссылке: <https://pircenter.org/timerbaevskie-debaty/>

Приложение 3

Состав Комиссии по сохранению творческого наследия Р.М. Тимербаева

Орлов Владимир Андреевич, директор ПИР-Центра, профессор МГИМО МИД России, Президент Международного клуба *Триалог*, председатель Комиссии

Карнаухова Елена Андреевна, заместитель директора-директор Образовательной программы ПИР-Центра, ответственный секретарь Комиссии

Арбатов Алексей Георгиевич, руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО РАН, член Экспертного совета ПИР-Центра

Ахтамзян Ильдар Абдулханович, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД России, член Экспертного совета ПИР-Центра

Берденников Григорий Витальевич, Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации (в отставке)

Дуарте Сержио, президент Пагуошского движения ученых, член Экспертного совета ПИР-Центра

Елеукенов Дастан Шериазданович, председатель Правления Казахского агентства международного развития «KazAID», член Экспертного совета ПИР-Центра

Загорский Андрей Владимирович, заведующий Отделом разоружения и урегулирования конфликтов Центр международной безопасности ИМЭМО РАН, член Экспертного совета ПИР-Центра

Зульхарнеев Альберт Фархатович, руководитель представительства Россотрудничества-Русского дома в Бишкеке, Киргизия, член Экспертного совета ПИР-Центра

Кисляк Сергей Иванович, первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации Федерального Собрания РФ по международным делам

Лысенко Михаил Николаевич, Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в отставке; заместитель заведующего кафедрой международного права МГИМО МИД России, член Экспертного совета ПИР-Центра

Поттер Уильям, директор, Центр исследования проблем нераспространения им. Дж. Мартина, Миддлберийский институт международных исследований в Монтерее, США, член Экспертного совета ПИР-Центра

Рыбаченков Владимир Иванович, советник МИД России в отставке, член Экспертного совета ПИР-Центра

Слипченко Виктор Сергеевич, Чрезвычайный и Полномочный Посланник (в отставке), член Экспертного совета ПИР-Центра

Ульянов Михаил Иванович, Постоянный представитель РФ при международных организациях в Вене

Ответственный секретарь Комиссии и редакторы данного издания выражают признательность членам Комиссии В.А. Орлову, У. Поттеру, В.С. Слипченко, а также В.М. Беденко, С. Бидгуд, В.Б. Козюлину, В.П. Кучинову, Э. Москвитини, Н. Мэйхью, Ю.К. Назаркину, Д.И. Победашу, Т. Рауфу, И.В. Родиной, С.Д. Семенову, А.Р. Тимербаеву, Т. Хайноши, Е.А. Цывкуновой, В.Д. Чернавских и Центру исследований проблем нераспространения им. Дж. Мартина в Монтерее (США) за предоставленные материалы, которые были использованы в данном издании, а также за содействие в развитии Международных Тимербаевских дебатов в 2020–2022 гг.

**Список работ Р.М. Тимербаева,
которые были опубликованы в ПИР-Центре
или в период работы в ПИР-Центре
(1995–2020)**

СЕРИЯ «ПИР– БИБЛИОТЕКА»¹

1. *Тимербаев Р.М.* Россия и ядерное нераспространение, 1945–1968. М.: Наука, 1999. 383 с. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/08/Россия-и-ядерное-нераспространение-1945-1968-1999.pdf>

2. *Тимербаев Р.М.* Группа ядерных поставщиков: история создания, 1974–1978. М.: ПИР-Центр, 2000. 108 с. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/08/Группа-ядерных-поставщиков-история-создания-1974-1978.-2000.pdf>

3. *Timerbaev R.* The nuclear suppliers group: why and how it was created (1974–1978). PIR Library Series, October 2000. 90 p. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/09/2000-The-Nuclear-Suppliers-Group.-Why-and-How-It-Was-Created.pdf>

4. *Тимербаев Р.М.* Международный режим ядерного нераспространения: история создания и эволюция становления. Договор о нераспространении ядерного оружия // Ядерное нераспространение: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. В 2 т. Т. I / Под общ. ред. В.А. Орлова, Н.Н. Сокова. Гл. 4. М.: ПИР-Центр, 2000. С. 83–120. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/12/2000-Ядерное-нераспространение-Учебное-пособие.pdf>

5. *Тимербаев Р.М.* Международные организации в области атомной энергии и ядерного нераспространения // Ядерное нераспространение: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. В 2 т. Т. I / Под общ. ред. В.А. Орлова, Н.Н. Сокова. Гл. 5. М.: ПИР-Центр,

---

¹ До 2022 г. серия называлась «Библиотека ПИР-Центра».

2000. С. 121–155. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/12/2000-Ядерное-нераспространение-Учебное-пособие.pdf>

6. Контроль над вооружениями и военной деятельностью: справочник / А.С. Борисенко, В.Ф. Лата, Е.П. Маслин, В.А. Орлов, И.А. Сафранчук, Р.М. Тимербаев, Л.Н. Чуменко. М.: ПИР-Центр, 2001. 168 с. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/12/2001-Справочник-Контроль-над-вооружениями-и-военной-деятельностью.pdf>

7. Орлов В.А., Тимербаев Р.М., Хлопков А.В. Проблемы ядерного нераспространения в российско-американских отношениях: история, возможности и перспективы дальнейшего взаимодействия. М.: ПИР-Центр, 2001. 328 с. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/08/Проблемы-ядерного-нераспространения-в-российско-американских-отношениях-2001.pdf>

8. Orlov V., Timerbaev R., Khlopkov A. Nuclear Nonproliferation in US-Russian Relations: Challenges and Opportunities. – PIR Library Series, 2002. 288 p. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/09/2002-Nuclear-nonproliferation-in-US-Russian-relations-challenges-and-opportunities.pdf>

9. Тимербаев Р.М., Соков Н.Н. Введение в ядерное нераспространение // Ядерное нераспространение: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. В 2 т. Т. I / Под общ. ред. В.А. Орлова. 2-е изд., перераб. и расшир. Гл. 1. М.: ПИР-Центр, 2002. С. 11–38. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/08/Ядерное-нераспространение-2002.pdf>

10. Тимербаев Р.М., Соков Н.Н. Нераспространение ядерного оружия и понятие международного режима // Ядерное нераспространение: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. В 2 т. Т. I / Под общ. ред. В.А. Орлова. 2-е изд., перераб. и расшир. Гл. 3. М.: ПИР-Центр, 2002. С. 61–81. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/08/Ядерное-нераспространение-2002.pdf>

11. Тимербаев Р.М. Международный режим ядерного нераспространения: история создания и эволюция становления. Договор о нераспространении ядерного оружия // Ядерное нераспространение: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. В 2 т. Т. I / Под общ. ред. В.А. Орлова. 2-е изд., перераб. и расшир. Гл. 4. М.: ПИР-Центр, 2002. С. 81–116. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/08/Ядерное-нераспространение-2002.pdf>

12. Тимербаев Р.М. Международные организации в области атомной энергии и ядерного нераспространения // Ядерное нераспространение: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. В 2 т. Т. I / Под общ. ред. В.А. Орлова. 2-е изд., перераб. и расшир. Гл. 5. М.: ПИР-Центр, 2002. С. 116–149. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/08/Ядерное-нераспространение-2002.pdf>

13. Тимербаев Р.М., Соков Н.Н. Сокращение ядерных вооружений: двусторонний процесс // Ядерное нераспространение: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. В 2 т. Т. I / Под общ. ред. В.А. Орлова. 2-е изд., перераб. и расшир. Гл. 9. М.: ПИР-Центр, 2002. С. 265–301. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/08/Ядерное-нераспространение-2002.pdf>

14. Тимербаев Р.М., Соков Н.Н. Нераспространение и контроль над ядерными вооружениями: многосторонний процесс // Ядерное нераспространение: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. В 2 т. Т. I / Под общ. ред. В.А. Орлова. 2-е изд., перераб. и расшир. Гл. 10. М.: ПИР-Центр, 2002. С. 301–335. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/08/Ядерное-нераспространение-2002.pdf>

15. Тимербаев Р.М., Соков Н.Н. Международные программы содействия по снижению угрозы нераспространения // Ядерное нераспространение: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. В 2 т. Т. I / Под общ. ред. В.А. Орлова. 2-е изд., перераб. и расшир. Гл. 14. М.: ПИР-Центр, 2002. С. 404–435. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/08/Ядерное-нераспространение-2002.pdf>

16. Тимербаев Р.М. Рассказы о былом. Воспоминания о переговорах по нераспространению и разоружению и о многом другом. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 272 с. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/12/Рассказы-о-былом-воспоминания-о-переговорах-по-нераспространению-и-разоружению-и-о-многом-другом.-2007.pdf>

17. Ядерное нераспространение: Краткая энциклопедия². М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); ПИР-Центр, 2009. 383 с. URL: <https://pircenter.org/category/jenciklopedija-jadernoe-nerasprostranenie/>

18. Ядерное нераспространение: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. В 2 т. Т. 1³ / Под общ. ред. В.А. Орлова. 3-е изд., перераб. и расшир. М.: ПИР-Центр, 2013. 560 с.

СЕРИЯ «НАУЧНЫЕ ЗАПИСКИ ПИР-ЦЕНТРА»

19. Банн Дж., Тимербаев Р.М. Режим нераспространения ядерного оружия и гарантии безопасности неядерным государствам // Научные записки ПИР-Центра. № 1 (1996, январь). 30 с. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/08//N1-1996-Режим-нераспространения-ядерного-оружия-и-гарантии-безопасности-неядерным-государствам.pdf>

² Автор отдельных глав.

³ Автор отдельных глав.

20. *Тимербаев Р.М.* Россия и Конференция 2000 года по рассмотрению действия ДНЯО // Научные записки ПИР-Центра № 12 (1999, декабрь). 37 с. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/08/N12-1999-Роланд-Тимербаев.-Россия-и-Конференция-2000-года-по-рассмотрению-действия-ДНЯО.pdf>

21. *Тимербаев R.* Russia and the 2000 NPT Review Conference // *Yaderny Kontrol Digest*. 2000. No. 1 (13), Winter. P. 26–42. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/09/Russia-and-the-2000-NPT-Review-Conference-No.-1-13-Winter-2000-p.25.pdf>

22. *Тимербаев Р.М., Шилин, Федченко В.Г., Шилин А.А.* Проблемы распространения и нераспространения в Южной Азии: состояние и перспективы // Научные записки ПИР-Центра. 2001. № 17. 97 с. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/08/N17-2001-Проблемы-распространения-и-нераспространения-в-Южной-Азии-состояние-и-перспективы.pdf>

23. *Тимербаев Р.М.* Международный контроль над атомной энергией // Научные записки ПИР-Центра: национальная и глобальная безопасность. 2003. № 22. 185 с. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/08/N22-2003-Роланд-Тимербаев.-Международный-контроль-над-атомной-энергией.pdf>

24. *Тимербаев Р.М., Хлопков А.В.* Научно-исследовательские центры и неправительственные организации, работающие в области нераспространения ОМУ, контроля над вооружениями и разоружения // Научные записки ПИР-Центра. 2003. № 23. 142 с. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2023/01/NZ-23.pdf>

25. *Тимербаев Р.М.* Режим ядерного нераспространения на современном этапе и его перспективы // Научные записки ПИР-Центра: национальная и глобальная безопасность. 2004. № 25. 124 с. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/08/N25-2004-Режим-ядерного-не-распространения-на-современном-этапе-и-его-перспективы.pdf>

26. *Тимербаев Р.М.* Вселенная и ядерное оружие // *Индекс Безопасности* (серия *Научных записок*). 2020. № 4 (8). С. 6–8. URL: <http://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/11/20-04-28-INF-SI-RUS-%E2%84%964-8-2020.pdf>

ЖУРНАЛ ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ

27. *Тимербаев Р.М.* ДНЯО: для России и мира его надо сохранить надолго // *Ядерный Контроль*. 1995. № 1 (1), январь. С. 4–6. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/08/ДНЯО-для-России-и-мира-его-надо-сохранить-надолго-№-1-1-январь-1995.pdf>

28. *Банн Дж., Тимербаев Р.М.* Ядерное разоружение: достаточно ли обязательств взяли на себя пять ядерных государств по Договору

о нераспространении ядерного оружия? // *Ядерный Контроль*. 1995. № 3 (3), март. С. 2–4. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/08/Ядерное-разоружение-№-3-3-март-1995.pdf>

29. Тимербаев Р.М. Как идет подготовка к продлению ДНЯО. Репортаж из Нью-Йорка с 4-й сессии // *Ядерный Контроль*. 1995. № 3 (3), март. С. 10–12. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/08/Как-идет-подготовка-к-продлению-ДНЯО-№-3-3-март-1995.pdf>

30. Тимербаев Р.М. ДНЯО продлен бессрочно. Что дальше? // *Ядерный Контроль*. 1995. № 9 (9), сентябрь. С. 19–21. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/08/ДНЯО-продлен-бессрочно.-Что-дальше-№-9-9-сентябрь-1995.pdf>

31. Тимербаев Р.М. Насколько реально создание безъядерной зоны на Ближнем Востоке? // *Ядерный Контроль*. 1995. № 12 (12), декабрь. С. 7–11. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/08/Насколько-реально-создание-безъядерной-зоны-на-Ближнем-Востоке-№-12-12-декабрь-1995.pdf>

32. Тимербаев Р.М. Как идет выполнение ДНЯО (к сессии Подготовительного комитета Конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия) // *Ядерный Контроль*. 1997. № 2 (26), февраль. С. 2–4. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/08/Как-идет-выполнение-ДНЯО-№-2-26-февраль-1997.pdf>

33. Тимербаев Р.М. Рецензия на книгу «Ядерные вооружения и безопасность России» / Под ред. А.Г. Арбатова. М., 1997. 148 с. // *Ядерный Контроль*. 1997. № 4 (28), апрель. С. 22. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/08/Ядерные-вооружения-и-безопасность-России-№-4-28-апрель-1997.pdf>

34. Тимербаев Р.М. Международное агентство по атомной энергии и его деятельность в области контроля и регулирования (к 40-летию Международного атомного агентства) // *Ядерный Контроль*. 1997. № 32–33, август-сентябрь. С. 3–6. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/08/Будущее-политики-США-по-ядерному-оружию-№-32-33-август-сентябрь-1997.pdf>

35. Румянцев А.Ю., Тимербаев Р.М. Рецензия на книгу «Ядерная энциклопедия». Москва: Благотворительный фонд Ярошинской, 1996. 656 с. // *Ядерный Контроль*. 1997. № 30–31, июнь-июль. С. 45. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/08/Ядерная-энциклопедия-№-30-31-июнь-июль-1997.pdf>

36. Тимербаев Р.М. Рецензия на книгу «Будущее политики США по ядерному оружию». Комитет по международной безопасности и контролю над вооружениями Национальной Академии наук США. Вашингтон, 1997. 110 с. // *Ядерный Контроль*. 1997. № 32–33, август-сентябрь. С. 45–47. URL: <https://pircenter.org/wp-content/up->

loads/2022/08/Будущее-политики-США-по-ядерному-оружию-№-32-33-август-сентябрь-1997.pdf

37. *Тимербаев Р.М.* Об отношении академика Капицы и некоторых других советских ученых к атомному проекту, к атомной бомбе и контролю над ней // *Ядерный Контроль*. 1998. № 1 (37), январь-февраль. С. 65–72. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/08/Об-отношении-академика-Капицы-и-некоторых-других-советских-ученых-к-атомному-проекту-№-1-37-январь-февраль-1998.pdf>

38. *Тимербаев Р.М.* Рецензия на сборник «Россия и безопасность 1997–1998. Россия и международная система контроля над вооружениями: развитие или распад» / А.Г. Арбатов, О.Н. Быков, А.Н. Калядин и др. // *Ядерный Контроль*. 1998. № 1 (37), январь-февраль. С. 83–84. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/08/Россия-и-безопасность-1997-1998-Россия-и-международная-система-контроля-над-вооружениями-развитие-или-распад-№-1-37-январь-февраль-1998.pdf>

39. *Тимербаев Р.М.* Как СССР помогал Китаю создавать ядерную бомбу // *Ядерный Контроль*. 1998. № 3 (39), май-июнь. С. 77–82. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/08/Как-СССР-помогал-Китаю-создавать-ядерную-бомбу-№-3-39-май-июнь-1998.pdf>

40. *Тимербаев R.* How the Soviet Union Helped China Develop the A-bomb // *Yaderny Kontrol Digest*. 1998. No. 2–3 (8), Summer-Fall. P. 44–50. URL: <http://pircenter.org/wp-content/uploads/2023/02/How-the-Soviet-Union-Helped-China-Develop-the-A-bomb.pdf>

41. *Тимербаев Р.М.* К истории разработки контрольных положений ДНЯО (политические аспекты) // *Ядерный Контроль*. 1998. № 5 (41), сентябрь-октябрь. С. 68–84. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/08/К-истории-разработки-контрольных-положений-ДНЯО-политические-аспекты-№-5-41-сентябрь-октябрь-1998.pdf>

42. *Тимербаев Р.М.* Как разрабатывалась система гарантий МАГАТЭ: политические аспекты (1959–1965) // *Ядерный Контроль*. 1998. № 4 (40), июль-август. С. 68–80. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/08/Как-разрабатывалась-система-гарантий-МАГАТЭ-политические-аспекты-1959-1965-№-4-40-июль-август-1998.pdf>

43. *Тимербаев Р.М.* К новому соглашению по ограничению ядерных вооружений (о переговорах о запрещении производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия) // *Ядерный Контроль*. 1999. № 1 (43), январь-февраль. С. 5–11. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/08/К-новому-соглашению-по-ограничению-ядерных-вооружений-№-1-43-январь-февраль-1999.pdf>

44. *Тимербаев R.* Towards a New Nuclear Arms Limitation Treaty (Negotiations Resume on Banning the Production of Fissile Materials for Nuclear Weapons) // *Yaderny Kontrol Digest*. 1998/1999. No. 4 (9),

Winter. P. 44–50. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2023/02/Towards-a-New-Nuclear-Arms-Limitation-Treaty-Negotiations-Resume-on-Banning-the-Production-of-Fissile-Materials-for-Nuclear-Weapons.pdf>

45. Тимербаев Р.М. О перспективах вступления в силу ДВЗЯИ // *Ядерный Контроль*. 1999. № 3 (45), май-июнь. С. 68–72. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/08/О-перспективах-вступления-в-силу-ДВЗЯИ-№-3-45-май-июнь-1999.pdf>

46. Тимербаев Р.М. Рецензия на книгу А. Коэна «Израиль и бомба» // *Ядерный Контроль*. 1999. № 4 (46), июль-август. С. 85–88. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/08/Израиль-и-бомба-№-4-46-июль-август-1999.pdf>

47. Тимербаев Р.М. А.А. Громыко и проблема ядерного нераспространения // *Ядерный Контроль*. 1999. № 6 (48), ноябрь-декабрь. С. 82–84. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/08/А.-А.-Громыко-и-проблема-ядерного-нераспространения-№-6-48-ноябрь-декабрь-1999.pdf>

48. Орлов В.А., Тимербаев Р.М. ДНЯО: очередной экзамен сдан успешно. Впереди – новые // *Ядерный Контроль*. 2000. № 4 (52), июль-август. С. 5–14. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/08/ДНЯО-очередной-экзамен-сдан-успешно.-Впереди-новые-№-4-52-июль-август-2000.pdf>

49. Timerbaev R. Dealing with Cold War Nuclear Legacy: Russian Perspective // *Yaderny Kontrol Digest*. 2000. No. 3 (15), Summer. P. 29–32. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/09/Dealing-with-Cold-War-Nuclear-Legacy-Russian-Perspective.pdf>

50. Timerbaev R. ABM/NMD and the START Process // *Yaderny Kontrol Digest*. 2000. No. 4 (16), Fall. P. 38–42. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/09/ABM-or-NMD-and-the-START-Process.-No-4-16-Fall-2000p.37.pdf>

51. Тимербаев Р.М., Ковчегин Д.А. Об инициативе президента Путина на Саммите тысячелетия ООН // *Ядерный Контроль*. 2000. № 6 (54), ноябрь-декабрь. С. 63–66. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/08/Об-инициативе-президента-Путина-на-Саммите-тысячелетия-ООН-№-6-54-ноябрь-декабрь-2000.pdf>

52. Тимербаев Р.М. Рецензия на книгу «Индийская ядерная бомба. Влияние на глобальное распространение» // *Ядерный Контроль*. 2000. № 4 (52), июль-август. С. 83–86. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/08/Индийская-ядерная-бомба.-Влияние-на-глобальное-распространение-№-4-52-июль-август-2000.pdf>

53. Смирнов Ю.Н., Тимербаев Р.М. Первый шаг к благоразумию в ядерном мире. (К истории заключения Московского договора 1963 года о частичном запрещении ядерных испытаний) // *Ядерный Контроль*.

2001. № 1 (55), январь-февраль. С. 74–88. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/08/Первый-шаг-к-благоразумию-в-ядерном-мире-К-истории-заключения-Московского-договора-1963-года-№-1-55-январь-февраль-2001.pdf>

54. Орлов В.А., Тимербаев Р.М. Время налаживать сотрудничество по широкому спектру проблем безопасности // *Ядерный Контроль*. 2001. № 5 (59), сентябрь-октябрь. С. 5–11. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/08/Время-налаживать-сотрудничество-по-широкому-спектру-проблем-безопасности-№-5-59-сентябрь-октябрь-2001.pdf>

55. Тимербаев Р.М. Состояние и перспективы ядерного нераспространения // *Ядерный Контроль*. 2001. № 2 (56), март-апрель. С. 25–43. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/08/Состояние-и-перспективы-ядерного-нераспространения-№-2-56-март-апрель-2001.pdf>

56. Тимербаев Р.М., Федоров Ю.Е. Важный, но недостаточный шаг. К итогам российско-американского саммита в ноябре 2001 г. // *Ядерный Контроль*. 2001. № 6 (60), ноябрь-декабрь. С. 5–10. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2023/03/Ядерный-Контроль.-№-6.-Ноябрь---Декабрь-2001.pdf>

57. Timerbaev R. US-Russian November Summit: An Important but Insufficient Step // *Yaderny Kontrol Digest*. 2002. No. 2 (22), Spring. P. 35–39. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/09/US-Russian-November-Summit-An-Important-but-Insufficient-Step.-co-authored-No.-2-22-Spring-2002-p.35.pdf>

58. Orlov V., Timerbaev R. The Time to Enhance Cooperation on Broad Range of Security Issues // *Yaderny Kontrol Digest*. 2002. No. 2 (22), Spring. P. 36–39. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/09/The-Time-to-Enhance-Cooperation-on-Broad-Range-of-Security-Issues.-co-authored-No.-2-22-Spring-2002-p.35.pdf>

59. Тимербаев Р.М. Рецензия на книгу С. Коэна «Индия: восходящая звезда» // *Ядерный Контроль*. 2002. № 2 (62), март-апрель. С. 74–76. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/08/Индия-восходящая-звезда-№-2-62-март-апрель-2002.pdf>

60. Тимербаев Р.М. Рецензия на книгу «Демократический контроль над военной сферой в России и странах СНГ» под ред. А.И. Никитина // *Ядерный Контроль*. 2002. № 3 (63), май-июнь. С. 85–87. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/08/Демократический-контроль-над-военной-сферой-в-России-и-странах-СНГ-№-3-63-май-июнь-2002.pdf>

61. Тимербаев Р.М. Конференция 2005 года по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия: как идет подготовка к конференции // *Ядерный Контроль*. 2002. № 4 (64), июль-

август. С. 52–57. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/08/Конференция-2005-года-по-рассмотрению-действия-Договора-о-нераспространении-ядерного-оружия-№-4-64-июль-август-2002.pdf>

62. Тимербаев Р.М. Лео Спилард и международный контроль над атомной энергией // *Ядерный Контроль*. 2002. № 5 (65), сентябрь-октябрь. С. 69–74. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/08/Лео-Спилард-и-международный-контроль-над-атомной-энергией.-№-5-65-сентябрь-октябрь-2002.pdf>

63. Тимербаев Р.М. Рецензия на книгу М. Чалмерса и У. Уокера «Непроложенным курсом» // *Ядерный Контроль*. 2003. № 1 (67), весна. С. 183–186. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/08/Непроложенным-курсом.-№-1-67-весна-2003.pdf>

64. Тимербаев Р.М. Рецензия на справочник «Смертоносные арсеналы» Фонда Карнеги за международный мир, Вашингтон // *Ядерный Контроль*. 2003. № 2 (68), лето. С. 161–162. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/08/Смертоносные-арсеналы.-№-2-68-лето-2003.pdf>

65. Тимербаев Р.М. Ближний Восток и атомная проблема // *Ядерный Контроль*. 2003. № 3 (69), осень. С. 15–48. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/12/Ядерный-Контроль-№69-2003.pdf>

66. Тимербаев Р.М. О ходе подготовки к конференции по рассмотрению ДНЯО 2005 г. // *Ядерный Контроль*. 2003. № 3 (69), осень. С. 101–108. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/12/Ядерный-Контроль-№69-2003.pdf>

67. Тимербаев Р.М. О роли ООН в современном мире // *Ядерный Контроль*. 2003. № 4 (70), зима. С. 25–39. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/08/О-роли-ООН-в-современном-мире.-№-4-70-зима-2003.pdf>

68. Тимербаев Р.М. Рецензия на книгу Кеннета Бергерона «Тритий – заморозить». Массачусетс, Лондон, 2002. 234 с. // *Ядерный Контроль*. 2003. № 4 (70), зима. С. 151–152. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/08/Тритий-заморозить.-№-4-70-зима-2003.pdf>

69. Тимербаев Р.М. Рецензия на энциклопедию «Контроль над вооружениями. Новый справочник о переговорах и соглашениях» Й. Гольдבלата // *Ядерный Контроль*. 2004. № 1 (71), весна. С. 173–175. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/08/Контроль-над-вооружениями.-Йозеф-Гольдблат.-Новый-справочник-о-переговорах-и-соглашениях.-№-1-71-весна-2004.pdf>

70. Timerbaev R. The Role of The UN in Today's World // *Yaderny Kontrol Digest*. 2004. No. 3–4 (31–32), Summer/Fall. P. 46–58. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/09/The-role-of-the-UN-in-todays-world.-No.-3-4-31-32-Summer-Fall-2004-p.46.pdf>

71. Тимербаев Р.М. О проблемах подготовки к Обзорной конференции по ДНЯО 2005 года // *Ядерный Контроль*. 2004. № 3 (73), осень. С. 101–105. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/08/О-проблемах-подготовки-к-Обзорной-конференции-по-ДНЯО-2005-года.-№-3-73-осень-2004.pdf>

72. Тимербаев Р.М. Уроки четвертой Обзорной конференции по ДНЯО 1990 г. // *Ядерный Контроль*. 2005. № 1 (75), весна. С. 171–177. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/08/Уроки-четвертой-Обзорной-конференции-по-ДНЯО-1990-г.-№-1-75-весна-2005.pdf>

73. Тимербаев Р.М. Южная Африка: как создавалось ее ядерное оружие, как и почему она отказалась от него // *Ядерный Контроль*. 2005. № 2 (76), лето. С. 121–141. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/08/Южная-Африка-как-создавалось-ее-ядерное-оружие-как-и-почему-она-отказалась-от-него.-№-2-76-лето-2005.pdf>

74. Банн Дж., Тимербаев Р.М. Право выхода из ДНЯО: мнение двух участников переговоров по выработке договора // *Ядерный Контроль*. 2005. № 3. С. 31–45. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/08/Право-выхода-из-ДНЯО-мнение-двух-участников-переговоров-по-выработке-Договора.-№-3-77-осень-2005.pdf>

75. Bunn G., Timerbaev R. The Right to Withdraw from the NPT: the Views of Two NPT Negotiators // *Yaderny Kontrol Digest*. 2005. No. 1–2, Winter/Spring. P. 20–29. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/09/The-Right-to-Withdrawal-from-the-Nuclear-Non-Proliferation-Treaty-NPT-The-Views-of-Two-NPT-Negotiators.-co-authored-No.-1-2-33-34-Winter-Spring-2005-p.20.pdf>

76. Timerbaev R. The Evolution of Arms Control: Current Trends // *Yaderny Kontrol Digest*. 2005. No. 3–4 (35–36), Summer/Fall. P. 59–70. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/09/The-Evolution-of-Arms-Control-Current-Trends.-By-Roland-Timerbaev.-No.-3-4-35-36-summer-Fall2005-p.59.pdf>

77. Тимербаев Р.М. О ядерном потенциале и ядерной политике Китая // *Ядерный Контроль*. 2005. № 4 (78), зима. С. 83–98. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/08/О-ядерном-потенциале-и-ядерной-политике-Китая.-№-4-78-зима-2005.pdf>

78. Тимербаев Р.М. О соглашениях между СССР и США 1971 года о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны // *Ядерный Контроль*. 2005. № 4 (78), зима. С. 131–142. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/08/О-соглашениях-между-СССР-и-США-1971-года-о-мерах-по-уменьшению-опасности-возникновения-ядерной-войны.-№-4-78-зима-2005.pdf>

79. Тимербаев Р.М. Эволюция контроля над вооружениями: современные тенденции // *Ядерный Контроль*. 2006. № 1 (79), зима. С. 29–43. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/08/Эволюция->

контроля-над-вооружениями-современные-тенденции.-№-1-79-зима-2006.pdf

80. *Тимербаев Р.М.* Как СССР помогал Китаю создавать атомную бомбу // *Ядерный Контроль*. 1998. № 3 (41), май-июнь. С. 76; 2006. № 2 (80), лето. С. 181–187. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/08/Как-СССР-помогал-Китаю-создавать-атомную-бомбу.-№-3-41-май-июнь-1998-с-76-№-2-80-лето-2006.pdf>

ЖУРНАЛ ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ⁴

81. *Тимербаев Р.М.* О Ливии, противоракетной обороне и Герберте фон Караяне, а также другие случаи из жизни // *Индекс Безопасности*. 2007. № 2 (82), лето-осень. С. 193–216. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/08/О-Ливии-противоракетной-обороне-и-Герберте-фон-Караяне-а-также-другие-случаи-из-жизни.-№-2-82-лето-осень-2007.pdf>

82. *Timerbaev R.* On Libya, Antimissile Defense, as Well as Other Autobiographical Events // *Security Index*. 2008. No. 1 (83). P. 111–124. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2023/03/Timerbaev-R.-On-Libya-Antimissile-defense.pdf>

83. *Тимербаев Р.М.* О роли ядерного фактора в современном мире // *Индекс Безопасности*. 2008. № 2 (85), лето. С. 25–32. URL: <http://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/11/2008-ИНДЕКС-БЕЗОПАСНОСТИ-№-2-85-Том-14.pdf>

84. *Timerbaev R.* The Role of the Nuclear Factor in the Modern World // *Security Index*. 2008. No. 3 (85). P. 82–89. URL: <http://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/11/Security-Index-%E2%84%963-85-2008.pdf>

85. *Тимербаев Р.М.* Проблема гарантий безопасности неядерных государств в преддверии обзорной конференции по ДНЯО // *Индекс Безопасности*. 2008. № 4 (87), зима. С. 69–82. URL: <http://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/11/2008-ИНДЕКС-БЕЗОПАСНОСТИ-№-4-87-То-м-14.pdf>

86. *Timerbaev R.* On the “Threshold” Test Ban Treaties Of 1974–76. *Security Index*. No. 2 (82), 2007. P. 155–162. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/09/ON-THE-THRESHOLD-TEST-BAN-TREATIES-OF-1974-76.-SECURITY-INDEX-%E2%84%962-82-2007.pdf>

87. *Тимербаев Р.М.* О пороговых договорах по ограничению ядерных взрывов 1974–1976 гг. // *Индекс Безопасности*. 2008. № 1 (84), весна. С. 125–132. URL: <http://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/11/2008-ИНДЕКС-БЕЗОПАСНОСТИ-№-1-84-Том-14.pdf>

⁴ С 2007 г. – продолжатель журнала *Ядерный Контроль*.

88. *Тимербаев Р.М.* О запрещении производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия // *Индекс Безопасности*. 2009. № 3–4 (90–91), осень-зима. С. 25–37. URL: <http://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/11/2009-ИНДЕКС-БЕЗОПАСНОСТИ-№-3-4-90-91-Том-15.pdf>

89. *Timerbaev R.* Fissile Material Cutoff: New Chances for the New Life // *Security Index*. 2010. No. 1 (90), Winter. P. 21–29. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/11/Security-Index-%E2%84%961-90-2010.pdf>

90. *Тимербаев Р.М.* О путях движения к миру без ядерного оружия // *Индекс Безопасности*. 2009. № 1 (88), весна. С. 19–30. URL: <http://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/11/2009-ИНДЕКС-БЕЗОПАСНОСТИ-№-1-88-Том-15.pdf>

91. *Timerbaev R.* Nuclear-Weapon-Free-World: Ways of Moving Ahead // *Security Index*. 2010. Vol. 15. No. 2 (87). P. 97–106. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2023/02/Nuclear-Weapon-Free-World.-Ways-of-Moving-Ahead.pdf>

92. Многосторонние подходы к ядерному разоружению: планируя следующие шаги / *Тимербаев Р.М.* [и др.] // *Индекс Безопасности*. 2009. № 3–4 (90–91), осень-зима. С. 125–142. URL: <http://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/11/2009-ИНДЕКС-БЕЗОПАСНОСТИ-№-3-4-90-91-Том-15.pdf>

93. *Тимербаев Р.М.* Первые сдвиги в направлении ограничения вооружений. О работе Лондонского подкомитета Комиссии ООН по разоружению (1954–1957 гг.) // *Индекс Безопасности*. 2010. № 3 (94), осень. С. 137–151. URL: <http://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/11/2010-ИНДЕКС-БЕЗОПАСНОСТИ-№-3-94-Том-16.pdf>

94. *Timerbaev R.* First Steps towards Arms Limitation // *Security Index*. 2010. No. 3 (92), Spring. P. 73–85. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/11/Security-Index-%E2%84%963-92-2010.pdf>

Список сокращений

АБ	– атомная бомба
АКВР	– Агентство по контролю над вооружениями
АЭС	– Атомная электростанция
БРПЛ	– баллистическая ракета подводных лодок
ВМФ	– Военно-Морской Флот
ВОУ	– высокообогащенный уран
ВПК	– военно-промышленный комплекс
ВТО	– высокоточное оружие
ГА	– Генеральная Ассамблея
ГДР	– Германская Демократическая Республика
ГЯП	– Группа ядерных поставщиков
ДВЗЯИ	– Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний
ДН	– Движение неприсоединения
ДНЯО	– Договор о нераспространении ядерного оружия
ЗПРМ	– запрещение производства расщепляющихся материалов
ЗСОМУ	– зона, свободная от оружия массового уничтожения
ЗСЯО	– Зона, свободная от ядерного оружия
КАЭ	– Комиссия по атомной энергии
КБТО	– Конвенция о биологическом и токсинном оружии
КГБ	– Комитет государственной безопасности
КЗПРМ	– Конвенция о запрещении производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия
КЗХО	– Конвенция о запрещении и уничтожении химического оружия
КНДР	– Коре́йская Народно-Демократическая Респу́блика
КНР	– Китайская Народная Республика
КР	– крылатая ракета
ЛИПАН	– Лаборатория измерительных приборов Академии Наук СССР
МАГАТЭ	– Международное агентство по атомной энергии
МБР	– межконтинентальная баллистическая ракета

МИД	– Министерство иностранных дел
МЯС	– Многосторонние ядерные силы
НАТО	– Организация Североатлантического договора
НИОКР	– научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы
НОУ	– низкообогащенный уран
НПО	– неправительственная организация
ОВД	– Организация Варшавского Договора
ОК	– Обзорная конференция
ОКНШ	– Объединенный комитет начальников штабов
ОМУ	– оружие массового уничтожения
ООН	– Организация Объединенных Наций
ОСВ	– Ограничение стратегических вооружений
ОЯТ	– облученное ядерное топливо
ПЛАРБ	– подводная атомная лодка с баллистическими ракетами
ПРО	– противоракетная оборона
РГЧ ИН	– разделяющаяся головная часть с блоками индивидуального наведения
РКРТ	– режим контроля за ракетными технологиями
РСМД	– ракеты средней и меньшей дальности
СБ	– Совет Безопасности
СВР	– Служба внешней разведки
СМИД	– Совет министров иностранных дел
СНВ	– стратегические наступательные вооружения
СОИ	– Стратегическая оборонная инициатива
ТЯО	– тактическое ядерное оружие
ФРГ	– Федеративная Республика Германия
ЦЕРН	– Европейская организация по ядерным исследованиям
ЦК КПСС	– Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза
ЮАР	– Южно-Африканская Республика
FMCI	– Инициатива по контролю за расщепляющимися материалами (Fissile Material (Cut-off) Initiative)
PPNN	– Программа содействия ядерному нераспространению (Programme for Promoting Nuclear Non-Proliferation)

ПИР-Библиотека – книжная серия

Роланд Михайлович Тимербаев

Избранное

Под общей редакцией *В.А. Орлова*

Редакторы: *А.С. Зубенко, Л.В. Цуканов*

Координатор проекта: *А.С. Зубенко*

Художник: *Е.А. Ильин*

Верстка: *Е.А. Поташевская*

Корректор: *Е.В. Феоктистова*

Подписано в печать 01.04.2023

Формат 60 x 90¹/₁₆

Усл.печ. л. 19,0 + 1,0 вкл. ил. Тираж 350 экз.

Зак. №

ООО Издательство «Весь Мир»

109544, Москва, ул. Б. Андроньевская, д. 5, стр. 1

Тел.: +7 (495) 632-47-04, +7 (903) 623-17-38

<http://www.vesmirbooks.ru>

E-mail: info@vesmirbooks.ru

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Сайт: www.chpd.ru. E-mail: marketing@chpd.ru

факс +7 (496) 726-54-10, тел. +7 (495) 988-63-87